

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

А. Б. Тугаров

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ
В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ:
МЕТОДОЛОГИЯ, КОНЦЕПЦИИ, ОПЫТ

Монография

Пенза
Издательство ПГУ
2023

УДК 141
Т81

Р е ц е н з е н т ы :

доктор философских наук, профессор, заместитель директора
по научной работе Института истории и государственного
управления Башкирского государственного университета (г. Уфа)

И. В. Фролова;

доктор философских наук,
профессор кафедры философии, истории и иностранных языков
Пензенского государственного аграрного университета

О. С. Пугачёв

Тугаров, Александр Борисович.

Т81 Анализ социальной превенции в русской философии:
методология, концепции, опыт : монография / А. Б. Туга-
ров. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. – 196 с.

ISBN 978-5-907666-10-8

Даётся анализ социальной превенции в русской философии в методологическом и концептуальном аспектах, а также с точки зрения опыта осуществления социальной превенции в современном российском обществе и её исследования в современной отечественной социальной философии. Социальная превенция представлена как феномен современного общества, реализующий свой потенциал во взаимодействии с феноменами социальной справедливости, социального равенства, социальной солидарности и социальной кооперации. Особое внимание уделяется процессам включения социально-превентивной деятельности в различные виды социальной практики. Обосновывается понимание социальной превенции как феномена философской мысли и определяется место философии социальной превенции в структуре русской социальной философии.

Издание адресовано исследователям, магистрантам и аспирантам, специализирующимся в области русской социальной мысли, социальной философии, а также широкому кругу читателей, проявляющих интерес к философии, науке, культуре и образованию в современной России, её ценностям и идеалам.

УДК 141

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом
Пензенского государственного университета
(*протокол № 2 от 21.10.2022*)

ISBN 978-5-907666-10-8

© Пензенский государственный
университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Раздел 1. Методологические основы исследования социальной превенции.....	9
Глава 1.1. Социальная превенция или осмысление превенции в обществе?	9
Глава 1.2. Категориальный анализ превенции и социальной превенции как научных понятий.....	20
Глава 1.3. Социальная превенция как философская категория и феномен философской мысли	35
Раздел 2. Концептуальное знание о социальной превенции в структуре русской социальной философии.....	53
Глава 2.1. Строение философского знания о социальной превенции.....	53
Глава 2.2. Концептуальные аспекты типологизации социальной превенции.....	75
Глава 2.3. Типы социальной превенции в русской социальной философии	91
Раздел 3. Опыт философского понимания социальной превенции как феномена современного российского общества	111
Глава 3.1. Диалектика общества и государства в исследовании социальной превенции	111
Глава 3.2. Основы взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в современном обществе	126
Глава 3.3. Научно-философские аспекты воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе.....	154
Послесловие. Русская философия социальной превенции: тенденции и перспективы.....	182
Summary	194

ПРЕДИСЛОВИЕ

Осмысление современного российского общества как целостности, выявление взаимосвязи социальных феноменов и процессов является результатом тенденций развития содержания русской социальной философии. В отечественной социальной философии и социально-гуманитарных науках за последние десятилетия сформировалась потребность исследовать, с одной стороны, фундаментальные (стратегические), с другой стороны, конкретные (тактические) вопросы развития социальной сферы современного российского общества в общем контексте отечественной и мировой истории, равно как истории развития научно-философской социальной, социально-политической и социокультурной мысли.

В свою очередь, возможность определить теоретико-методологические и концептуальные аспекты развития содержания русской социальной философии логически следует из понимания сущности и направленности русской философии в целом. А. Ф. Замалеев обращает внимание на то, что «вероисповедное отношение к действительности», «осознание смысла жизни как самотождественности с другим» и «постижение творчества как бесконечного развёртывания бытия» превратили русскую философию в «недостижимую для западноевропейской философии» [2, с. 86]. Заметную роль методологических и концептуальных ориентиров для решения актуальных проблем социально-гуманитарных наук в настоящее время играют историко-философские аспекты социальной философии.

Русская философская мысль, которая, как считал Б. В. Яковенко, «своё первое самостоятельное и принципиальное самовыражение нашла в 70-90-х годах» XIX в., в последующие десятилетия «обогатилась» философскими конструкциями, имеющими «универсальное значение» [5, с. 61]. Содержание, концептуальное и методологическое обоснование работ Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, А. С. Изгоева, Н. И. Кареева, В. А. Кистяковского, М. М. Ковалевского, П. И. Новгородцева, В. С. Соловьёва, Е. Н. Трубецкого, В. М. Хвостова и др., при всей самобытности каждой из них, образует традицию философского осмысления социально-превентивных тенденций и процессов в российском обществе. Методологические подходы к вопросам философского осмысления различных соци-

альных феноменов как качественных показателей развития российского общества обнаруживаются в исследованиях А. И. Введенского, Н. Я. Грота, И. А. Ильина, В. О. Ключевского, М. С. Корелина, С. А. Котляревского, Л. М. Лопатина, Н. О. Лосского, П. А. Сорокина, С. Н. Трубецкого, Л. С. Франка, Г. Г. Шпета, В. В. Яковенко и др.

Роль названных мыслителей в истории русской социальной философии досоветского периода определяется не только их теоретическими исследованиями, но и той общественно-политической и просветительской деятельностью, которая превратила философию в существенный фактор русского культурного развития конца XIX – начала XX в. [1, с. 172]. Анализ в отечественной философии в этот период социальных явлений и процессов российского общества даёт основание считать, что смысловые связи русской дореволюционной философии и русской философии советского периода намного сложнее и одновременно противоречивее не внешне, а внутренне, и не предполагают однозначных идеологизированных оценок.

Ю. В. Колесниченко считает, что в некоторых философских концепциях 20–30-х гг. XX в. «субстанциальность (как предпосылка русского стиля философствования) находит себе иную (конкретную, в противовес абстрактной) основу» в результате «взаимодополнительности методов диалектики, феноменологии и герменевтики» [3, с. 138]. В то же время существует мнение, что судьба русской философии в советский период была определена «рассечением» отечественной духовно-идеологической культуры, которое началось уже в 1920-е гг. и привело в итоге к разрыву преемственности с «революционным» наследием социально-философской мысли [4, с. 104].

Начиная с середины 1980-х гг. проявляется научный и философский интерес к исследованию социальных проблем советского общества, что было связано в известной степени с развитием методологии научного социального познания (Ф. В. Константинов, В. Ж. Келле, В. А. Лекторский, В. Г. Марахов, Л. А. Микешина, Н. В. Мотрошилова, Н. С. Мудрагей, А. И. Ракитов, Г. И. Рузавин, Н. М. Смирнова, В. С. Стёпин и др.). К монографическим исследованиям обобщающего характера, затрагивающим данные проблемы, относятся работы В. С. Барулина, А. П. Бутенко, А. А. Гусейнова, Т. И. Ойзермана, М. Н. Руткевича, П. Н. Федосеева, И. Т. Фролова и др. Разработка вопросов методологии исследований социальных проблем современного общества была во многом predetermined

интересом к пониманию человеческого содержания социальных отношений, проявленным И. В. Бестужевым-Ладой, С. С. Батениным, В. В. Гречаным, В. Д. Зотовым, А. А. Корольковым, В. М. Межуевым, К. С. Пигровым, Ю. К. Плетниковым, М. Н. Руткевичем, В. Ф. Сержантовым, В. А. Ядовым и др.

С 1990-х гг. стали появляться публикации, затрагивающие проблемы актуализации социальных процессов российского общества и возвращающие своей смысловой направленностью исследователей к гуманистическим традициям отечественной социально-философской и религиозной мысли (В. Г. Безносков, Б. Н. Бессонов, Н. К. Бонцакая, Н. К. Гаврюшин, А. В. Гулыга, О. А. Жукова, А. Ф. Замалеев, Б. В. Емельянов, М. А. Маслин, А. И. Новиков, С. А. Никольский, Е. Б. Рашковский, В. В. Сербиненко, И. Н. Сиземская и др.). Ценные в методологическом и концептуальном аспектах идеи, раскрывающие смысл жизни человека в современном обществе и способствующие решению проблемы превентивности содержания социальных отношений и процессов, присутствуют в работах А. С. Ахиезера, Л. П. Буевой, В. Е. Давидовича, И. И. Ильина, В. В. Козловского, К. Х. Момджяна, Н. В. Мотрошиловой, А. С. Панарина, Г. Л. Смирнова, А. И. Титаренко, А. К. Уледова, А. И. Уткина, В. Г. Федотовой, В. С. Швырёва и др.

Рассмотрение вопросов методологии социального познания и анализ результатов исследований по социально-философской проблематике, прежде всего по социальной онтологии и философской антропологии, нашли своё отражение в работах учёных, которые появились в первые десятилетия XXI в. (В. В. Балахонский, А. А. Гагаев, А. Г. Глинчикова, И. И. Евлампиев, А. А. Ермичёв, В. В. Емельянов, В. Н. Келасьев, Н. Г. Козин, В. А. Колпаков, А. В. Очкина, Б. И. Пружинин, О. С. Пугачёв, А. М. Руткевич, Н. Н. Федотова, И. В. Фролова, А. Ф. Храмцов, Т. Г. Щедрина и др.).

Историко-философский анализ теоретических, концептуальных и методологических аспектов рассмотрения социальных проблем общества в русской социальной философии даёт возможность определить структуру монографического исследования проблем социальной превенции в современном российском обществе.

В первом разделе монографии **«Методологические основы исследования социальной превенции»** рассматриваются вопросы анализа взаимосвязи содержания социальной превенции как феномена современного российского общества и процесса научно-фило-

софского осмысления превенции в обществе (первая глава); сущностные характеристики понятия «социальная превенция» в социально-гуманитарных науках (вторая глава) и социальной философии, проблемы понимания социальной превенции как категории и феномена философской мысли, а также вопросы методологического обоснования соотношения социальной превенции и социальной профилактики как феноменов современного общества (третья глава).

Второй раздел монографии **«Концептуальное знание о социальной превенции в структуре русской социальной философии»** посвящён рассмотрению вопроса о месте социальной превенции как феномена философской мысли в структуре социально-философского знания. В первой главе отмечается, что в содержании концептуального знания о социальной превенции присутствуют социально-онтологические, социально-гносеологические и социально-антропологические элементы. Во второй главе концептуально обоснованы принципы, а в третьей главе дан теоретический анализ вариантов типологизации социальной превенции в современной отечественной социальной философии.

В третьем разделе монографии **«Опыт философского понимания социальной превенции как феномена современного российского общества»** речь идёт об опыте осуществления социальной превенции в современном российском обществе и об основных тенденциях исследования этого опыта в отечественной социальной философии и социально-гуманитарных науках. В первой главе выявляется диалектика общества, государства и социальной политики. Во второй главе, написанной в соавторстве с Э. А. Шевцовой, определяются взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в современном российском обществе и анализируется опыт их исследования в отечественной социальной философии.

В заключительной главе монографии представлен авторский вариант осмысления опыта воспитания культуры превентивного поведения молодёжи и других категорий населения современной России. Внимание акцентируется также на понимании условий, предпосылок и опыта формирования социально-превентивной культуры как способа активизации сущностных сил человека в современном российском обществе.

Монография может вызвать интерес философов, научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, а также широкого круга читателей, интересующихся философско-методологическими и теоретико-концептуальными вопросами понимания социальных проблем современного российского общества.

Список литературы

1. Ермичёв, А. А. Предисловие к публикации воспоминаний Е. А. Боброва о Н. Я. Гроде / А. А. Ермичёв // Вопросы философии. – 2017. – № 7. – С. 172–180.
2. Замалеев, А. Ф. Лепты. Исследования по русской философии : монография / А. Ф. Замалеев. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 320 с.
3. Колесниченко, Ю. В. Философия 20–30-х гг. XX в. в России: концепция личности М. М. Рубинштейна / Ю. В. Колесниченко // Вопросы философии. – 2017. – № 5. – С. 138–147.
4. Махлин, В. Л. О преемственности в русской философии / В. Л. Махлин // Вопросы философии. – 2018. – № 8. – С. 104–113.
5. Яковенко, Б. В. Тридцать лет русской философии (1900–1929) / Б. В. Яковенко // Философские науки. – 1991. – № 10. – С. 61–90.

Раздел 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ

Глава 1.1. Социальная превенция или осмысление превенции в обществе?

Социальная философия, в отличие от конкретных социально-гуманитарных наук или искусства, имеет целью удовлетворить не какие-либо отдельные духовные или морально-нравственные потребности человека как социального субъекта, а ставит задачу дать людям созерцание их социальности и общее руководство жизни в обществе. Решение этой задачи может быть только результатом подведения наиболее полного итога наличным социальным знаниям конкретного периода в истории общества и формирования концептуально-методологического руководства к дальнейшему расширению и углублению таких знаний.

В зарубежной и отечественной социальной философии интерес к осмыслению социальных процессов и явлений традиционно неотделим от стремления дать анализ самых актуальных и значимых в данный момент социальных проблем общества. Ещё в первой четверти XX в. русский мыслитель Л. М. Лопатин был убеждён в том, что «должно наступить напряжённое искание новых решений проблемы бытия, новых идеалов деятельности, новых примирений для противоречий жизни» [10, с. 78].

Разнообразные и внешне малосвязанные между собой способы и формы осмысления тенденций, процессов и проявлений социальной превенции в российском обществе, которая выступает как одна из качественных характеристик его состояния и условий функционирования, в конечном счёте образуют после соответствующей интерпретации внутреннее содержательное единство, определённую совокупность знания, которое может принять форму *философии социальной превенции*, а её структурирование и смысловой анализ содержания предполагают соответствующее концептуальное и методологическое обоснование.

Допустимость такой формализации философского знания о социальной превенции объясняется по-разному. В частности, аргументом для объяснения может считаться заметно проявляющая себя в настоящее время «детерриторизация философии» как тренд фило-

софского процесса, под которой понимается перемещение фокуса философствования из области собственно философских понятий и проблем в области других, смежных дискурсов и дисциплин, т.е. своего рода «детерриторизация философии в науку» [15, с. 46–47]. Но используя такое объяснение, правильнее будет определить статус социальной превенции не как феномена философского знания, а как феномена социально-гуманитарного научного знания.

Если всё-таки исходить из предположения о допустимости умо-зрительного конструирования философии социальной превенции, то актуальность смыслового анализа её содержания во многом определяется формирующейся в настоящее время методологией исследования русской философии в целом. М. А. Маслин отмечает, что ведущим теоретическим принципом интерпретации русской философии становится «диалог мировоззрений», но «модель отечественной мысли в терминах диалога мировоззрений ещё далеко не освоена и даже не осознана вполне» [11, с. 43, 47–48].

Исходные принципы понимания философского знания о социальной превенции отражены в самой идее исследования её методологических основ. Значимость этой идеи и актуальность проблемы исследования объясняется тем, что, как отмечал Гегель: «Основание есть... *сущность*, положенная как *тотальность*» [3, с. 281]. Когда возникает вопрос об анализе методологических основ конкретного социального явления или феномена социально-философской мысли, то такой вопрос в сути своей отражает направленность социальной философии исследовать это отдельное явление как бы удвоенно: во-первых, в его непосредственности и, во-вторых, в его основании, где оно больше уже не непосредственно.

В значительной мере такое объяснение относится к анализу концептуальных и методологических основ философского знания о социальной превенции, которое отражает когнитивное усилие, с одной стороны, сделать предмет философского рассмотрения социальной превенцию, а с другой стороны, обратить внимание на принципы и формы осмысления конкретного эмпирического содержания, которое составляет феномен социальной превенции в современном обществе [14, с. 79]. Мысль А. А. Гусейнова о внутренней соотнесённости трёх частей античной философии: физика – логика – этика [4, с. 6] – позволяет представить историю философского осмысления социальной превенции следующим образом: социальная превенция как состояние стабильности и безопасности в жизни

человека («социальная физика»); социальная превенция как понятие, обозначающее одну из качественных характеристик жизни общества («логика»); социальная превенция как идея социальной культуры, идея воспитания у человека социально-превентивного поведения («этика»).

Интерес европейской философии к социальной проблематике и существовавшие в европейской философии тенденции её исследования являются обстоятельствами для сравнения европейской и русской социальных философий. Понимание того, когда, почему и в каких направлениях в зарубежной философии появляется возможность исследовать проблему социальной превенции, актуализирует исследование самобытности и самостоятельности знания о социальной превенции в русской философии.

К последней четверти XIX в. в европейском обществе происходит своеобразное разделение на «два лагеря, которые совмещают в себе два течения: одно в сторону усиления общности, другое – в сторону усиления индивидуальности». В свою очередь, первое течение обнаруживает своим плюсом «бисмаркизм, граничащий с одной стороны с цезаризмом, а с другой – с государственным социализмом». Противоположным полюсом второго течения является «нищезанятие, не признающее никаких стеснений, даже этических, для свободы индивидуумов» [12, с. 78]. Между этими полюсами европейской общественной жизни и формами их концептуального отражения («бисмаркизм» и «нищезанятие») обнаруживают себя почти все теории и все тенденции философской, эстетической, моральной, социальной, политической и экономической мысли.

В этих промежуточных по отношению к «полюсам» взглядах и подходах к социальным проблемам общества больше всего внимания уделялось частным задачам и частным моментам названных основных течений [12, с. 79]. Особенностью европейской философии в данном случае являлось то, что такие частные моменты вызывались, прежде всего, социальными потребностями жизни общества и её коллизиями. При этом на одной и той же философской основе могли возникать противоположные политические и экономические воззрения.

Логика развития русской социальной философии представляется отличной от европейской философии, поскольку иной в конце XIX – начале XX в. была логика развития процессов общественной

жизни в России. Во-первых, русская социальная философия не отрицает, а допускает, что наука влияет на появление конкретных форм общественного устройства в том смысле, что социально-гуманитарная наука в состоянии определить степень пригодности для общественного устройства тех или иных социальных условий. Во-вторых, русская философия в целом не ориентирована на объяснение устройства общества в настоящем и будущем на основании какого-либо одного концептуального принципа или одной методологической «формулы».

Показательно в этом отношении развитие представлений об истории общества в русской философии конца XIX – начала XX в., основанное на признании значения культурных традиций в истории и необходимости следовать им. Ещё А. И. Герцен считал, что Европа перестала следовать своим традициям и это ведёт её к гибели. Ф. М. Достоевский вслед за А. И. Герценом утверждал, что Европа отрёклась от своего предназначения быть культурным центром человечества, теперь Россия должна стать таким центром и вести человечество по пути культурного творчества и духовного единения. Обращает на себя внимание, что все значимые русские мыслители следовали традиции, заданной исторической концепцией П. Я. Чаадаева [5; 6]. Основная задача русской историософии была сформулирована как поиск смысла истории России. Такая постановка задачи исследования располагала к риторическому оперированию идеологическими конструктами, а также предполагала обнаружение генетического сходства различных историософских концепций в качестве реакций на соответствующие социально-политические кризисы в российском обществе [17].

Предыстория обоснования знания о социальной превенции в отечественной философии относится к метафизике в России XVIII в. Интерес для анализа социальной превенции представляет мысль Т. В. Артемьевой о том, что процесс философствования в любое время есть «вписывание» уже существующего «метафизического сюжета в социокультурный контекст» и что русская философия «использовала стандартный "набор" метафизических тем» [1, с. 15]. Такой концептуальный подход позволяет представить знание о социальной превенции как один из метафизических сюжетов наряду с другими (смысл жизни, справедливость, равенство, кооперация, солидарность) и видеть суть философствования о социальной превенции в настоящее время не в описании её как метафизического

сюжета, а в рассмотрении этого сюжета как интерпретированного в конкретном социокультурном контексте.

Если рассматривать такую постановку вопроса об анализе философского знания о социальной превенции как гипотетическую, то в этом случае можно определить, какие именно духовно-нравственные факторы влияли и продолжают влиять на отечественное философское творчество и какие социокультурные мотивы и обстоятельства побуждали русскую философскую мысль обращаться (или, наоборот, не обращаться) к методологии и содержанию европейской философии.

Наряду с этим, если рассматривать превенцию как социальный феномен общества, то потребность современного общества в философском понимании его содержания, функций, тенденций формирования, развития и осуществления акцентирует анализ социальной превенции в русской философии на следующих аспектах:

- на выявлении превентивного фактора основных социальных, социально-политических и социально-экономических процессов и явлений современного российского общества;

- на раскрытии содержания возможных вариантов социально-превентивного поведения в современном обществе представителей различных социальных групп;

- на теоретическом моделировании тех социокультурных процессов, которые детерминируют организованное социально-превентивное поведение и развитие культуры социальной превенции в современном российском обществе;

- на интерпретации логико-теоретических воззрений русских социальных мыслителей по вопросам социальной превенции и установлении степени отражения её реалий в русской социальной философии в прошлом и настоящем;

- на ретроспективный и сравнительный анализ социально-превентивных взглядов русских социальных мыслителей с учётом того обстоятельства, что многие современные социальные новации по существу оказываются модификациями уже имевших место социальных явлений или процессов в обществе.

Р. Ю. Виппер отмечал по поводу последнего акцентирующего момента наличие неизбежного стремления исследователей в настоящем приспособить «к своим нуждам, к своим симпатиям, к своим гаданиям о будущем, к своим психическим предрасположениям всю традицию о прошлом». В результате получается, что современный

социальный мыслитель каждый раз «творит для себя идеальное прошлое» [2, с. 480]. Универсальность русской философии представляется наиболее важной для осмысления превенции в обществе, поскольку даёт основание анализировать концептуальные и методологические основы философского знания о социальной превенции, не ограничивая логику такого анализа не только постоянными параллелями с европейской философией, но и постоянными акцентами на национальную самобытность, уникальность и неповторимость русской философии.

Можно согласиться с тем, что последнее в известной мере присутствует в содержании философского знания о социальной превенции. Но именно универсальность русской философии в целом оказывается более важной и значимой для понимания социальной превенции как феномена философской мысли и для анализа концептуальных и методологических основ философского знания о социальной превенции. Наблюдающийся интерес к вопросам, связанным с раскрытием концептуальных и методологических аспектов исследования различных сторон феномена социальной превенции в обществе, объясняется характеристиками русской социальной философии, которые органично дополняют её универсальность, и особенностями эволюции анализа русскими социальными мыслителями основных проблем и тенденций развития российского общества.

По мнению Б. В. Емельянова, русская философия «происходит из русского быта» и на её формирование воздействовали «особенности социального бытия, которые либо способствуют, либо препятствуют функционированию философских идей». В этом смысле русская философия предстаёт как «философия созидания, ищущая совершенной жизни» [7, с. 8]. Если исходить из предположения, что социальная превенция рассматривается как частный случай поиска обществом путей достижения стабильности социальной жизни, то анализ концептуальных и методологических основ философского знания о социальной превенции в контексте русской социальной философии XIX – начала XXI в., сохраняющей преемственность с более ранними периодами развития русской философии, становится теоретически обоснованным и гносеологически актуальным.

Любые попытки характеризовать русское социально-философское мышление исключительно в терминах какого-либо одного течения представляются содержательно ограниченными и методологически неоправданными. Но если пытаться найти общую черту, которая

характеризует большую часть философских подходов к осмыслению сути и содержания социальной превенции в современном обществе, то такой следует считать «философский конкретизм», выраженный в стремлении философски понять и отразить опыт социальной жизни общества в прошлом и настоящем. Вместе с тем поскольку философское знание о социальной превенции выступает как одно из проявлений содержания русской социальной философии, то её в определённой мере также характеризуют «философский максимализм», выраженный в требованиях и поисках последних и окончательных решений, и «философская метафизичность», выраженная в «усилиях приблизиться к абсолютному Сущему» [18, с. 90].

В целом понимание теоретико-концептуальных и методологических основ философского знания о социальной превенции представляется многоаспектной и недостаточно изученной исследовательской проблемой, требующей учёта следующих обстоятельств:

- одной из основных особенностей русской социальной философии является её противостояние абстрактности европейской философской мысли эпохи Просвещения и противодействие «отвлечённым началам» западной философии в целом;

- тема единства человека, его истории, истории общества и познания изначально была и продолжает оставаться основной в русской метафизике;

- для русской социальной философии органично стремление объединить гносеологию и онтологию со смысложизненными, этическими, эстетическими измерениями бытия человека и познания;

- восприятие социальных опасностей и рисков, акцентирование социальных противоречий и кризисов, необходимости их предупреждения определяют социальную и нравственную ориентированность русской философской мысли на вопросы превенции в обществе [16, с. 14].

Анализируя социальную превенцию, необходимо различать методологию социальной превенции как состояние и результат определённым образом организованной в обществе деятельности и методологию исследования социальной превенции. А. И. Ракилов обращал внимание на то, что термин «методология» многозначен и одним из наиболее распространённых значений этого термина является: специальное описание совокупности приёмов и методов, применяемых в какой-либо сфере деятельности или исследовании [13, с. 21–22]. Таким образом, методология выступает как научно-

философское описание приёмов и методов, применяемых в деятельности, имеющей социально-превентивные характеристики своего содержания, и как научно-философское описание приёмов и методов, применяемых в исследовании содержания социальной превенции как феномена современного общества (концепции, научные подходы, теоретические модели, принципы, философские суждения или научные положения; методы анализа, сравнения и др.).

Термин «методология» в этом случае используется как способ определения взаимосвязи и зависимости системы знаний о социальной превенции и системы деятельности, имеющей социально-превентивные характеристики своего содержания. Следует уточнить, что системой знания является в этом случае «система» (структура, типы, виды и содержание) философского знания о социальной превенции.

Начиная осмысление превенции в современном российском обществе, следует провести методологический, теоретико-концептуальный и научно-философский анализ социальной превенции как феномена общества и феномена социально-философской мысли. Помимо этого требуется смысловое и содержательное определение наличия оснований и перспектив институализации (конкретизации) философии социальной превенции в структуре социально-философского знания. Дальнейшее осмысление превенции в современном обществе идёт по принципу восхождения от абстрактного к конкретному в понимании концептуальных и методологических подходов к социально-философскому анализу социальной превенции как феномена современного российского общества на основе традиции рассмотрения конкретного социального феномена в русской социальной философии.

Проблема социальной превенции является по своему содержанию и смысловой направленности, прежде всего, составляющей частью проблемы смысла жизни в русской социальной философии. В свою очередь, содержание социальной превенции как феномена современного общества имманентно присутствует в других социальных феноменах, проявляя себя как их условие осуществления, конкретное состояние или качественная характеристика. Эта особенность содержания, структуры и места социальной превенции в общественной жизни определяет возможность её социально-философского осмысления, а научно-теоретическое и философское обоснование исследования феномена социальной превенции и других,

взаимосвязанных с ней социальных феноменов, становится результатом анализа социальной превенции в русской философии.

Исходным моментом такого анализа социальной превенции являются следующие принципиальные положения, предполагающие соответствующее умозрительное понимание:

– методологические основы социальной превенции представляют собой совокупность концепций, научных подходов, принципов, теоретических моделей, с помощью которых происходит научно-философское объяснение приёмов и методов, применяемых в видах деятельности, имеющих социально-превентивные характеристики своего содержания, и научно-теоретическое объяснение приёмов и методов, применяемых в философском исследовании социальной превенции как феномена современного общества;

– понятие «социальная превенция» раскрывает содержание социальной превенции как феномена общества, качественной характеристики состояния и тенденций развития социальных институтов, социальных структур и социальных процессов; результата целеориентированной деятельности государства, общественных организаций, социальных групп и индивидов, направленной на предупреждение и предотвращение социальных проблем, социальных кризисов и конфликтов, нарушающих социальную стабильность и социальную безопасность в обществе, а также понижающих в нём уровень социального благополучия людей;

– содержание философского знания о социальной превенции составляют результаты процесса осмысления превентивных составляющих социальных проблем общества, а также направляющие этот процесс теоретические принципы, концептуальные подходы и основания.

Одной из существенных характеристик отечественной социально-философской мысли выступает многообразие форм её выражения, которое даёт возможность анализировать социальную превенцию не только как социальный, но и философский феномен. Л. М. Лопатин обращал внимание на то, что обоснование собственных философских идей лишь через критику других философских идей «неизбежно получает вид случайный и недоговорённый» [9, с. 342].

Обоснование статуса философского знания о социальной превенции возможно как сочетание критического анализа конкретных философских идей, концептуальных и методологических подходов

с доказательством того, что философское знание о социальной превенции в современном обществе содержательно связано с искусством и религией, моралью и политикой, педагогическими и психологическими идеями. Своеобразие анализа социальной превенции в отечественной философии заключено в стремлении интерпретировать все проблемы, раскрывающие содержание социальной превенции как феномена современного российского общества, с духовно-нравственных позиций.

На это своеобразие анализа социальной превенции обратили внимание Б. В. Емельянов и А. И. Новиков, которые увидели в русской философии «серебряного века» предчувствия радикальных изменений социального бытия российского общества [8, с. 4]. Именно в отечественной социальной философии этого периода зародились те духовно-нравственные идеи о необходимости превенции в обществе, а также умонастроения обязательности превентивного поведения человека в обществе, которые определяются в их совокупности как философское знание о социальной превенции.

Принципиальным моментом для исследования проблем социальной превенции в современном российском обществе является то, что концептуальные и методологические основы анализа социальной превенции, во-первых, несут в себе определённое содержание; во-вторых, потенциально способны к вызыванию когнитивных действий, т.е. являются когнитивно самодеятельными, и, в-третьих, отмечены наличием следствия, т.е. заданностью стать фактором определённых интеллектуальных действий. Каждый из этих моментов содержит потенциал философского анализа актуальных проблем социальной превенции в российском обществе.

Помимо этого, анализ социальной превенции в русской философии и обращение к исследованию концептуальных и методологических основ социальной превенции в обществе актуализируются возможностью научно-теоретической реконструкции социальных процессов, особенностей общественно-политической и социокультурной жизни российского общества в прошлом и настоящем.

Список литературы

1. Артемьева, Т. В. Метафизика в России XVIII века : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Артемьева Т. В. – СПб., 1996. – 40 с.

2. Виппер, Р. Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания / Р. Ю. Виппер // Вопросы философии и психологии. – 1900. – № 3. – С. 450–480.
3. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики // Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1975. – 452 с.
4. Гусейнов, А. А. Философские заметки / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2009. – № 10. – С. 3–15.
5. Евлампиев, И. И. Идеи, традиции и «высшие личности»: представление об истории в русской философии. Статья первая: П. Чаадаев, А. Пушкин, А. Герцен, Ф. Достоевский / И. И. Евлампиев // Вопросы философии. – 2021. – № 1. – С. 111–121.
6. Евлампиев, И. И. Идеи, традиции и «высшие личности»: представление об истории в русской философии. Статья вторая: Л. Толстой, В. Соловьев, С. Франк / И. И. Евлампиев // Вопросы философии. – 2021. – № 6. – С. 15–26.
7. Емельянов, Б. В. Три века русской философии (XVIII–XX вв.) : учебное пособие / Б. В. Емельянов. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета ; Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского педагогического института, 1995. – 226 с.
8. Емельянов, Б. В. Русская философия серебряного века : курс лекций / Б. В. Емельянов, А. И. Новиков. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1995. – 284 с.
9. Лопатин, Л. В. С. Соловьёв и князь Е. Н. Трубецкой / Л. Лопатин // Вопросы философии и психологии. – 1913. – № 4. – С. 339–374.
10. Лопатин, Л. Неотложные задачи современной мысли / Л. Лопатин // Вопросы философии и психологии. – 1917. – № 1. – С. 1–80.
11. Маслин, М. А. Русская философия как диалог мировоззрений / М. А. Маслин // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 43–48.
12. Оболенский, Л. Е. Борьба между личностью и общественностью / Л. Е. Оболенский // Русская мысль. – 1899. – Кн. IV. – С. 78–104.
13. Ракитов, А. И. Курс лекций по логике науки : учебник / А. И. Ракитов. – М. : Высшая школа, 1971. – 176 с.
14. Тугаров, А. Б. Социальная превенция: метафора или способ понимания современного общества? / А. Б. Тугаров // Современные исследования социальных проблем. – 2022. – Т. 14, № 1-2. – С. 77–84.

15. Хоружий, С. С. Глобальный тренд XXI века: детерриторизация философии / С. С. Хоружий // Вопросы философии. – 2020. – № 7. – С. 45–57.

16. Шестопал, А. В. Русская философия: современность и классика (размышления над трудами Н. В. Мотрошиловой) / А. В. Шестопал // Вопросы философии. – 2014. – № 3. – С. 14–29.

17. Щербатова, И. Ф. Формирование историсофского дискурса в России в первой трети XIX в. / И. Ф. Щербатова // Вопросы философии. – 2021. – № 1. – С. 122–131.

18. Яковенко, В. В. Тридцать лет русской философии (1900–1929) / В. В. Яковенко // Философские науки. – 1991. – № 10. – С. 61–90.

Глава 1.2. Категориальный анализ превенции и социальной превенции как научных понятий

Одной из характерных черт гносеологического анализа любого вида знания является «рассмотрение знания не как готового функционирующего образования, имеющего особую структуру, а как момента в процессе познания» [23, с. 19]. Но если подходить к анализу знания о превенции и социальной превенции формально-логически, то особенностью станет то, что научно-философское знание о превенции и социальной превенции будет рассматриваться, прежде всего, как «объективный» феномен. Это значит, что анализу главным образом подлежит его формальное строение, структура и взаимосвязь элементов при отвлечении в определённой мере от рассмотрения субстанциональной природы превенции и социальной превенции и их генетических взаимоотношений. Такой подход позволяет, с одной стороны, исследовать превенцию и социальную превенцию как понятия социальной философии и науки, но при этом, с другой стороны, не исключает их анализ в философии как феноменов современного общества.

В исследованиях по социальной философии и социально-гуманитарным наукам понятия «превенция» и «социальная превенция» могут использоваться по аналогии с применением понятий «общественное» и «социальное». В этом случае понятие «превенция» (или «превенция в обществе») употребляется для обозначения феномена

социальной превенции в широком смысле слова, а понятие «социальная превенция» – в узком смысле слова, для обозначения отдельного, конкретного, частного явления общественной жизни. Если предположить, что понятие «превенция» в научном исследовании и понятие «социальная превенция» в социально-философском исследовании будут применяться как родовые понятия, то в этом случае они интегрируют в своём содержании видовые понятия, которые отражают превентивные характеристики, свойства или состояния отдельных сторон жизни современного общества, а также функциональные признаки и/или свойства отдельных социальных институтов: «социокультурная превенция», «конфессиональная превенция», «правовая превенция», «политико-правовая превенция», «психологическая превенция», «превентивная педагогика» и др.

Р. Ю. Виппер обратил внимание на то, что любое исследование (исторических или актуальных проблем) «движется в рамках традиции, готовых схем, которые направляют, регулируют наше дело, но вместе с тем стесняют свободу нашей мысли» [10, с. 456]. Для любого научного исследования, как правило, характерно использование общепринятых терминов. Аналогами или близкими по смыслу термину «превенция» словами в русском языке будут «опережение», «предотвращение», «упреждение», «предостережение», «предупреждение», «устранение». С точки зрения смысла и содержания не существует различия между понятиями «социальная превенция» и «социальное предотвращение» (или «социальное опережение»). Различие в данном случае имеет не столько семантический, сколько стилистический и в какой-то мере социолингвистический и социокультурный характер.

В. С. Попова отмечает, что «всякая реальность, будучи данной через слово, попадает в кругозор логического анализа, подлежит выстраиванию, отличающемуся от действительного процесса, являющегося не объяснительным, но требующим понимания и интерпретации» [22, с. 129]. В связи с этим для любого научного исследования социальных проблем современного общества возникает задача: найти способ представить в «словах-понятиях» социальное знание. Универсальность русского социального философствования способствует понятийному выражению сущности превенции и социальной превенции. Но именно отсутствие точно определённой категории, существование различного смыслового понимания превенции и социальной превенции в обществе предопределяют сложность

как в анализе структуры знания о социальной превенции, так и в раскрытии содержания социальной превенции как феномена современного российского общества.

Существует вариант объяснения косвенного обращения исследователей в прошлом и настоящем к проблеме социальной превенции, опосредованного использованием в социально-гуманитарных науках понятия социальной превенции при наличии целого ряда идей, которые могут быть отнесены к теоретико-методологическим основам исследования превенции и социальной превенции. Б. А. Кистяковский считал, что проявлявшаяся в конце XIX – начале XX в. неудовлетворённость «социально-научным знанием» была связана с распространившимся мнением о том, что «в этой области нет как будто ничего объективного, прочно установленного, неопровержимо доказанного» [15, с. 118].

В результате на протяжении продолжительного периода времени в социально-гуманитарных науках формировалось настроение, что всё знание о конкретных социальных явлениях состоит из ряда противоречивых мнений, теорий и построений. Б. А. Кистяковский называл две причины, которые влияют на «неустойчивость социально-научного знания». Первая причина связана с тем, что социальная наука в названный период всё ещё «не эмансипировалась от социальной философии». Вторая причина заключалась в «господстве в социальных науках совершенно особого вида психологизма» [15, с. 128]. Преодоление «психологизма» в социальных науках было вполне возможно в результате глубокого и всестороннего анализа тех социальных явлений, которые по своему содержанию не могут быть сведены к психологическим процессам. Кроме того, различные социальные явления, в том числе превенция и социальная превенция, могли исследоваться не за счёт «обособления» от социальной философии, а на основе применения соответствующего концептуально-методологического подхода.

Такая постановка вопроса о месте превенции и социальной превенции в структуре научного социально-гуманитарного знания открывает перспективу логически дополнить исследование содержания социальной превенции соответствующим категориальным анализом. Критерием в данном случае становится сам факт использования понятий «превенция» и «социальная превенция» в научной литературе. Б. А. Кистяковский актуален для исследователей социальных проблем российского общества тем, что обратился к мето-

дологии появления «социально-научного» понятия. Он считал, что вопрос о том, как образовывать такие понятия, не может быть сведён к отношению между общим и частным в научном знании о конкретном социальном явлении. Особенность эмпирических данных о таком явлении определяет то, что основным моментом при образовании научных понятий социальных явлений становится получение «наиболее простых элементов», из которых должны состоять понятия.

Поскольку превенция и социальная превенция, как и любые социальные явления, оказываются сложными, многоаспектными по содержанию и многообразными по форме, то логико-теоретическая и методологическая задача категориального анализа заключается в том, чтобы показать, как «добываются те наиболее простые признаки социальных явлений, которые могут быть комбинированы в действительно научные понятия». Б. А. Кистяковский подчёркивал, что с этой точки зрения должны быть «критически проанализированы прежде всего наиболее основные социально-научные понятия. ...общества, государства, права, хозяйства и т.п.» [15, с. 132]. В этой связи следует отметить, что относительно использования понятий «превенция» и «социальная превенция» речь может идти скорее только об их упоминании в научной литературе.

Такой уровень проникновения в социально-научном исследовании в содержание феноменов превенции и социальной превенции определяется как *констатирующий* или *фиксирующий*. На другом уровне исследования происходит определение места превенции и социальной превенции в целостной системе общественной жизни; того, что определяет этот уровень как *ориентационный* по характеру категориального анализа. Категориальный анализ понятий «превенция» и «социальная превенция» включает в себя определение того, используются ли эти понятия для обозначения, с одной стороны, конкретной, последовательно реализуемой в обществе социальной программы или системы взаимно дополняющих требований гражданского общества к государству и различным институтам власти; с другой стороны, обозначается ли понятием «социальная превенция» стратегия стабилизации социальной структуры общества, или превенция и социальная превенция являются основой для преодоления противоречивости этой структуры.

В первом случае есть основание определять понятиями «превенция» и «социальная превенция» разновидности потенциально универсальной и постоянно действующей в обществе социальной

силы. Во втором случае вместо такой конструктивной силы понятиями «превенция» и «социальная превенция» определяется целеориентированная практика противодействия в обществе совокупности конфликтующих, противоречащих друг другу, разнонаправленных социальных сил. Примерами второго случая использования этих понятий в научных исследованиях являются «теория предупреждения преступности» [16] как частная теория превенции и «социальная превенция алкоголизации населения» как вариант использования понятия «социальная превенция» [6].

В сравнении с ориентационным по своему характеру уровнем категориального анализа содержательная сторона научных понятий «превенция» и «социальная превенция» определяется на *предметном* уровне исследования. Определение категориального статуса предполагает обращение исследования к знанию о превенции и социальной превенции в социально-гуманитарных науках (юриспруденция, психология, психиатрия, социология, педагогика, социальная медицина). П. Н. Милуков отмечал, что исследователю постоянно приходится выходить за пределы интересующей его области знания: «Это необходимо потому, что большей частью далеко от собственной сферы нашей науки зарождались те идеи и настроения, которым суждено было играть в этой сфере руководящую роль» [19, с. 43].

Развитие научных взглядов на превенцию и социальную превенцию в обществе можно представить в виде двух периодов: период практического или этического понимания социальной превенции и период развития собственно научных представлений о превенции как социальном феномене и феномене мысли. Такой подход к исследованию используется для систематизации точек зрения на определение понятия «превенция» и понятия «социальная превенция» в современных социально-гуманитарных науках.

Понятие «превенция» в частных научных исследованиях используется, как правило, в двух значениях. В первом значении – для обозначения превенции относительно конкретного вида жизнедеятельности человека или общества: «социокультурная превенция», «социально-культурная превенция», «правовая превенция», «политико-правовая превенция», «социально-педагогическая превенция», «этно-культурная превенция» и др. Во втором значении – для обозначения превенции как характеристики конкретного состояния отдельного феномена, процесса, структуры, общности: «превенция манипулирования *чем-то*», «превенция интернет-зависимости»,

«превенция конфликтогенности *чего-то*», «превенция делинквентности *кого-то*», «превенция катастроф», «превенция терроризма», «превенция информационного насилия», «превенция межэтнических конфликтов», «превенция конфликта», «превенция преступлений», «превенция самоуправства» и др.

К примеру, А. В. Шаболтас, анализируя психологические основы превенции ВИЧ-инфекции, предлагает конкретный вариант использования в социально-гуманитарных науках понятия «превенция» в значении «превенция *чего-то*». Она обращает внимание не только на теоретические и прикладные основы превенции рискованного поведения в отношении ВИЧ-инфекции, но и на исследование эффективности превентивных поведенческих вмешательств различного уровня, вида и формы [33].

Существуют основания определить ещё одно значение или точнее разновидность второго значения понятия «превенция» для обозначения превенции как атрибутивности (свойства) или функциональности *кого-либо* или *чего-либо*: «общая и специальная превенция», «ситуационная превенция», «криминалистическая превенция», «генетическая превенция», «психологическая превенция», «копинг-превенция», «фармакологическая превенция» (например, суицидальных проявлений), «индивидуальная и социальная суицидальная превенция», «правовая и этико-культурная превенция экстремизма» и др.

В. И. Рерке, С. И. Матафонова и И. С. Бубнова систематизируют основные социально-педагогические и психолого-педагогические подходы к изучению проблемы превенции рецидивов противоправного поведения среди подростков-правонарушителей [25]. Н. И. Медведева и С. И. Окунева предлагают направления совершенствования превенции суицидального поведения и психологического сопровождения (поственции) лиц, совершивших суицидальную попытку [17]. Их исследование представляет собой не только вариант использования понятия «превенция» для конкретного случая обозначения функциональности суицидального поведения, но прежде всего попытку различить превенцию и поственцию на понятийном уровне. В свою очередь, М. В. Василенко, анализируя превенцию кризисных состояний учащихся, определяет в качестве средства превенции психологического кризиса и аутоагрессивных поведенческих деструкций систему психологического сопровождения учащихся [9]. Таким образом, психологическое сопровождение понимается автором не как поственция, а как атрибутивное свойство превенции.

Анализ содержания понятия «превенция», используемого в юриспруденции, медицине, психологии, психиатрии, социологии, педагогике, теории социальной работы и других науках, даёт возможность выявить в структуре социально-гуманитарного научного знания «правовую превенцию», «экономическую превенцию», «геополитическую превенцию», «информационную превенцию» и др. в контексте исследования актуальных проблем современного общества. Общим моментом категориального анализа понятия «превенция» и понятия «социальная превенция» оказывается вопрос о соотношении содержания этих понятий и их соотнесённости между собой.

Принцип системного подхода к изучению общества становится основанием исследовать отдельно феномены превенции и социальной превенции, но сложность состоит в том, что в научной литературе понятия «превенция» и «социальная превенция» используются иногда как тождественные. Это является следствием того научно-исследовательского подхода, когда отождествляются «общественное» и «социальное». В результате превенция в обществе понимается как социальная превенция в широком смысле слова. Тогда социальная превенция в узком смысле слова должна выражать что-то более конкретное, частное, имеющее непосредственное отношение к социальной сфере современного общества.

Анализ научного понятия «социальная превенция» при исследовании социальных проблем современного общества возможен, прежде всего, через понимание превенции в юриспруденции и философии права. В. Е. Суденко обнаруживает дуализм философии И. Канта в разграничении специальной и общей превенции применительно к юриспруденции. Специальная превенция понимается как воздействие наказания на личность преступника для того, «чтобы он больше не совершал преступлений», а общая превенция понимается как «воздействие наказания одного преступника на всех других граждан для отвращения их от совершения преступления угрозой возможности применения наказания» [26, с. 44–45]. В юриспруденции проблема превенции преступности имеет многоаспектный характер. Исследователи обращают внимание на то, что проблема предупреждения преступности как проблема, затрагивающая антропологию социального бытия, проявляет себя через самые различные парадигмы, которые нередко противоречат друг другу. При этом появление новых парадигм часто не сказывается на предыдущих

парадигмах, которые продолжают существовать в юриспруденции [3, с. 25–26].

А. С. Милевич проводит социолого-правоведческий обзор точек зрения на понятие «превенция», обращая внимание на то, что термин «превенция» в криминологических публикациях часто заменяется другими терминами: «предупреждение преступности», «противодействие преступности», «деятельность по предупреждению преступности» и др. Он считает, что в криминологии термином «превенция» обозначается «предупредительная система», «целостный технологический процесс, который включает общесоциальное и специально-криминологическое предупреждение» и соответственно предупреждение преступности как превенция подразделяется на общесоциальный и специальный (криминологический) уровни [18, с. 12, 14].

В юриспруденции сложилось мнение, что общесоциальный уровень предупреждения преступности предполагает ликвидацию кризисных явлений в экономике, политике, общественной идеологии и психологии, социальной сфере, а также в правоохранительной деятельности [1, с. 277]. Главной задачей современного социального института наказания считается «не устрашение, не месть постфактум государства или общества человеку за преступное деяние, а заблаговременное предупреждение преступности, т.е. превенция» [21, с. 237]. Считается, что для развития теоретических положений криминологии и решения практических задач воздействия на преступность универсальным понятием является термин «противодействие преступности», который «наиболее точно обозначает сферу социальной деятельности, включающую в себя все средства и методы воздействия на преступность», а также политику, состоящую в «оказании предупредительного воздействия на преступность, включая её причины и условия» [1, с. 274–275].

Внимание исследователей обращается на превентивную функцию права. Ю. А. Амельченко считает, что она выражает специальное направление юридического воздействия, которое обеспечивает предупреждение юридических конфликтов, а «превентивное выявление и ликвидация правовых коллизий» позволяет, в свою очередь, устранять другие «недостатки регуляции общественных отношений» [2, с. 256]. А. А. Бровкина отмечает, что поскольку под превенцией понимается предупреждение или какие-либо опережающие

действия, то в юридическом плане это означает «недопущение нарушений социальных связей, общественных отношений» [8, с. 15]. Методологически важным моментом для понимания сути социальной превенции как феномена современного общества и понятия «социальная превенция» является распространённая в юриспруденции идея превентивной деятельности. Я. И. Тихонов, характеризуя понятие национального превентивного механизма защиты прав и свобод человека, относит к элементам структуры «превентивного механизма» «превентивные правовые основания» и «предупредительную деятельность государства, организаций и граждан» [28, с. 117–118].

Н. А. Барановский одним из видов предупреждения (превенции) преступности считает «социальное предупреждение», разграничивая тем самым по содержанию общую превенцию и социальную превенцию. Под «социальным предупреждением» им понимается «деятельность субъектов предупреждения преступности», направленная на устойчивое экономическое, социальное и культурное развитие личности, групп, социальных институтов и общества, обеспечение благополучия населения». Частным случаем «социального предупреждения» автор считает «социально-реинтеграционное предупреждение», т.е. «деятельность субъектов предупреждения преступности», направленную на выявление, диагностику, социальную реабилитацию и интеграцию в общество преступников, лиц из групп криминального риска, а также жертв преступлений и «лиц из групп виктимного риска» [4, с. 116].

По мнению А. В. и С. С. Шеслер, в современной криминологии деятельность по противодействию преступности определяется такими терминами, как «противодействие», «контроль», «предупреждение» и др. Данная терминология отражает содержание разных концепций «противостояния преступности», в том числе концепции правовой превенции и концепции социальной превенции. Авторы считают, что достоинством концепции социальной превенции является научное обоснование «воздействия на детерминанты преступности». При этом они подчёркивают, что концепции правовой и социальной превенции обнаруживают существенные недостатки, если их применяют в практической деятельности отдельно друг от друга. В тех случаях, когда концепции правовой и социальной превенции применяются на практике одновременно и дополняя друг друга, «позитивное превентивное воздействие» оказывается и на лиц, совершивших преступления, и на «явления, детерминирующие преступность» [34, с. 165–166].

Анализ научного понятия «социальная превенция» включает исследование феномена превенции в социологии. К примеру, С. Р. Умархаджиева применяет социологический подход к пониманию «социальной предупредительно-профилактической работы», которую ведут социальные институты и организации, через исследование проблемы социального контроля [31, с. 227]. Вместе с тем в социологическом исследовании вопросов предотвращения алкоголизации современного общества Ю. Ю. Беловой используются термины «социальная превенция», «превентивная модель», «система алкогольной превенции», «превентивная деятельность», «превентивные технологии» без анализа их содержания как научных понятий [5, с. 171, 172, 174].

Е. А. Орлова и Е. А. Поляков в контексте социологического и психоаналитического подходов рассматривают проблему превенции суицидального поведения на основе анализа «структурно-функциональной и содержательной модели превенции и поственции суицидального поведения подростков». К содержанию понятия «превенция» авторы относят знание об «условиях, обеспечивающих оптимизацию и гармонизацию развития мотивационной, эмоциональной, смысловой сфер личности и поведенческой сферы подростков как основы превенции их суицидального поведения» [20, с. 185].

С. Ю. Сургова и Н. В. Столярчук предлагают вариант социолого-педагогического понимания социальной превенции, относя её к «первичной превенции» и определяя как «комплексное системное изучение влияния условий и факторов социальной и природной среды на здоровье и развитие молодежи» [27, с. 6–7]. Превенция как научное понятие применяется в исследованиях по педагогике. С 1990-х гг. начинают разрабатываться методологические основы «превентивной педагогики» как направления педагогической науки. Формируется понимание предмета этой научной дисциплины: определение причин и следствий наметившихся предпосылок к отклоняющемуся поведению, а также способов, путей и методов предупреждения и преодоления социальных отклонений в образовательной среде [14, с. 28].

В психологии категориальный анализ присутствует в исследовании вопросов, связанных с психологическими аспектами обеспечения превенции различных групп населения и понятием «психологическая превенция». З. К. Давлетбаева считает, что если «превенция» представляет собой «реализацию мер психологического воздействия на

личность» на основе чётко выстроенного плана, то «психологическая превенция выступает как процесс предупреждения – заблаговременного устранения неблагоприятных для развития ребёнка факторов» [12, с. 6].

В психологии прослеживается тенденция использования термина «превенция» в рамках специализированного, конкретно-научного подхода. А. А. Реан и И. Н. Симаева, исходя из понимания термина «превенция», т.е. предупреждение, предупредительные действия, предлагают ввести понятие «превентивная адаптация» для обозначения «процесса заблаговременных внутренних изменений, самоизменения и активного внешнего приспособления субъекта к предстоящим новым условиям существования» и его результата – «превентивной адаптивности как когнитивно-аффективно-личностного новообразования» [24, с. 26]. Е. В. Гуткевич использует понятие «семейно-генетическая превенция», которым обозначается совокупность различных видов деятельности и «коммуникативный процесс» в цепи взаимодействий между всеми участниками и действующими при этом факторами, этапом которого является «собственно процесс реализации программы, включающий различные вмешательства (генетико-диагностические, генетико-психологические, генетико-психотерапевтические и др.)» [11, с. 127].

Помимо социально-гуманитарных наук анализ научных понятий «превенция» и «социальная превенция» возможен через понимание превенции в медицинской науке и научно-медицинских исследованиях. Как правило, это понимание сводится к специализированному, конкретно-научному случаю использования терминов «предотвращение» и «превентивный» в медицине. В последние годы стало популярным направление «4П медицины», т.е. «персонализированной, предиктивной, превентивной, партиципаторной» медицины [32, с. 130]. П. Д. Тищенко предлагает считать эти термины синонимами и использовать их для обозначения «персонализированной медицины», которая с философской точки зрения означает изменение «онтологической локализации врачебного действия» [29, с. 6–7].

Понятием «персонализированная медицина» обозначаются «технологии превентивного вмешательства», препятствующие развитию возможных нарушений, «предиктивно-превентивные технологии» и процедуры «персонализации предиктивно-превентивных мер» за счёт активного участия граждан в решении проблем их собственного здоровья [30, с. 30]. Помимо этого, исследователи связывают

с научным пониманием «предективно-превентивной медицины» наступление практики «превентивного и персонифицированного лечения» [7, с. 63] и решение клиничко-организационных проблем превенции смертности в современном обществе [13, с. 17–18].

Таким образом, проведённый категориальный анализ превенции и социальной превенции как научных понятий приводит к выводу, что основные компоненты проблематики превенции в обществе и социальной превенции, на которые в первую очередь ориентированы методологические подходы к их анализу, включают явные утверждения или чаще всего неустановленные предположения, касающиеся онтологии, эпистемологии и аксиологии; т.е. относительно как природы существования такой проблематики, способов её познания, так и ценностей её содержания [35, р. 3]. Одним из таких предположений является мысль о том, что проблема превенции в обществе становится конкретизацией проблемы смысла жизни человека в обществе и её составной частью, а феномен социальной превенции – одним из оснований совершенствования и развития современного общества.

В этом случае категориальный анализ превенции и социальной превенции как научных понятий не может оказаться исчерпывающим и должен быть дополнен анализом содержания философской категории «социальная превенция». Кроме того, первоначально у исследователей проблемы социальной превенции в современном российском обществе может сложиться мнение о самоочевидности для отечественных социальных мыслителей смыслового значения понятия «социальная превенция» и, как следствие, его почти полной синонимичности понятию «социальная жизнь». Предположительная возможность соприкосновения и пересечения в известной мере их смысловых значений и содержания обращает к той линии исследования, для которой характерно не столько признание отсутствия или формального использования в философии термина «социальная превенция», сколько рассмотрение социальной превенции как феномена философской мысли.

Список литературы

1. Агапов, П. В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности / П. В. Агапов ; под науч. ред. Н. А. Лопашенко. – СПб. : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2011. – 328 с.

2. Амельченко, Ю. А. Превенция в системе функций права / Ю. А. Амельченко // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Юридические науки». – 2008. – Т. 21, № 1. – С. 249–257.

3. Аминов, Д. И. Предупреждение преступлений: отечественный и зарубежный опыт (криминологическое и уголовно-правовое исследование) : монография / Д. И. Аминов, Ю. С. Жариков, В. П. Ревин. – М. : Изд-во СГУ, 2010. – 227 с.

4. Барановский, Н. А. Социально-правовая система предупреждения преступности / Н. А. Барановский // Доклады Национальной академии наук Беларуси. – 2012. – Т. 56, № 6. – С. 113–119.

5. Белова, Ю. Ю. Антиалкогольная политика в современной России: превенция или рестрикция? / Ю. Ю. Белова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 171–176.

6. Белова, Ю. Ю. Социальная превенция алкоголизации населения в России: социологический анализ : монография / Ю. Ю. Белова. – СПб. : Астерион, 2018. – 192 с.

7. Бодрова, Т. А. Введение в предиктивно-превентивную медицину: опыт прошлого и реалии дня завтрашнего / Т. А. Бодрова, Д. С. Костюшев, Е. Н. Антонова, Д. А. Гнатенко, М. О. Бочарова, Ю. М. Лопухин, М. А. Пальцев, С. В. Сучков // Вестник Российской Академии медицинских наук. – 2013. – № 1. – С. 58–64.

8. Бровкина, А. А. Превентивная функция права / А. А. Бровкина // Юридическая мысль. – 2011. – № 3 – С. 14–18.

9. Василенко, М. В. Превенция кризисных состояний у субъектов образовательных учреждений : монография / М. В. Василенко. – Ростов н/Д. : Изд-во ДГТУ, 2013. – 162 с.

10. Виппер, Р. Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания / Р. Ю. Виппер // Вопросы философии и психологии. – 1900. – № 3. – С. 450–480.

11. Гуткевич, Е. В. Современная семья в аспекте психологии здоровья личности: проблемы развития и возможности превенции / Е. В. Гуткевич // Сибирский психологический журнал. – 2014. – № 51. – С. 120–131.

12. Давлетбаева, З. К. Психологическая превенция и профилактика: понятийный аспект / З. К. Давлетбаева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. – 2013. – № 1. – С. 3–10.

13. Димов, А. С. Медико-философский анализ ситуации смертности в России / А. С. Димов, К. А. Герцен, Н. И. Максимов // Проблемы экспертизы в медицине. – 2014. – Т. 14, № 1. – С. 14–19.

14. Кириллова, О. В. Педагогическая профилактика зависимого поведения детей и молодежи в образовательной среде: парадигмы, концептуальные модели, теоретические подходы / О. В. Кириллова, Е. Г. Шубникова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2017. – Т. 23, № 5. – С. 28–33.

15. Кистяковский, Б. А. Проблема и задача социально-научного знания / Б. А. Кистяковский // Вопросы философии и психологии. – 1912. – № 2. – С. 106–134.

16. Крюкова, Н. И. Теория предупреждения преступности : учебно-методическое пособие / Н. И. Крюкова, В. Б. Левитин, Т. Э. Зульфугарзаде. – М. : Изд-во РЭУ, 2016. – 58 с.

17. Медведева, Н. И. Превенция суицидального поведения : монография / Н. И. Медведева, С. И. Окунцева. – Ставрополь : Литера, 2008. – 128 с.

18. Милевич, А. С. Дефинирование понятия виктимологической превенции в малом бизнесе / А. С. Милевич // Современные проблемы науки, технологий, инновационной деятельности : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. : в 4 ч. / под общ. ред. Е. П. Ткачёвой. – Белгород : АПНИ, 2017. – Ч. IV. – С. 11–16.

19. Милюков, П. Н. Главные течения русской исторической мысли XVIII и XIX столетий / П. Н. Милюков // Русская мысль. – 1893. – Кн. I. – С. 43–56.

20. Орлова, Е. А. Модель превенции и поственции суицидального поведения подростков / Е. А. Орлова, Е. А. Поляков // Модели и технологии оказания психологической помощи детям и подросткам в экстремальных ситуациях : коллективная монография / под общ. ред. А. В. Кокурина, В. И. Екимовой, Е. А. Орловой. – Пермь : Изд-во «ИП Т. М. Сигитов», 2018. – С. 175–188.

21. Подройкина, И. А. Уголовное наказание, его цели и практика применения в свете философских концепций наказания / И. А. Подройкина // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 4. – С. 234–239.

22. Попова, В. С. Логические исследования Густава Шпета в контексте современных философско-методологических дискуссий (размышляя над книгой «История как проблема логики») / В. С. Попова // Вопросы философии. – 2015. – № 9. – С. 129–137.

23. Ракитов, А. И. Курс лекций по логике науки : учебное пособие / А. И. Ракитов. – М. : Высшая школа, 1971. – 176 с.

24. Реан, А. А. Превентивная адаптивность как новообразование личности / А. А. Реан, И. Н. Симаева // Российский психологический журнал. – 2006. – Т. 3, № 2. – С. 22–34.

25. Рерке, В. И. Превенция рецидивов противоправного поведения подростков : монография / В. И. Рерке, С. И. Матафонова, И. С. Бубнова. – Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2021. – 128 с.

26. Суденко, В. Е. Справедливость и наказание по И. Канту / В. Е. Суденко // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2010. – № 3. – С. 42–48.

27. Сургова, С. Ю. Превенция – актуальное направление в профессиональной подготовке социальных работников / С. Ю. Сургова, Н. В. Столярчук // Studia Humanitatis. – 2015. – № 1. – С. 1–12.

28. Тихонов, Я. И. Превентивный механизм защиты прав и свобод человека и гражданина: теоретический аспект / Я. И. Тихонов // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 3-6. – С. 116–118.

29. Тищенко, П. Д. Предисловие. Персонализированная медицина как предмет комплексного междисциплинарного исследования / П. Д. Тищенко // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 21. Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ) : сб. науч. ст. / под ред. П. Д. Тищенко. – М. : Изд-во Московского гуманитарного университета, 2015. – С. 5–9.

30. Тищенко, П. Д. Персонализированная медицина как феномен общества потребления (к вопросу о смысле персонализации) / П. Д. Тищенко // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 2. – С. 29–42.

31. Умархаджиева, С. Р. Превенция девиантного поведения молодёжи как форма социального контроля / С. Р. Умархаджиева // Символ науки. Международный научный журнал. – 2016. – № 11-3. – С. 227–228.

32. Фалёв, Е. В. Питер Уилберг и понятие экзистенциальной медицины / Е. В. Фалёв // Вопросы философии. – 2020. – № 1. – С. 128–136.

33. Шаболтас, А. В. Психологические основы превенции ВИЧ-инфекции : монография / А. В. Шаболтас. – СПб. : Скифия-принт, 2015. – 694 с.

34. Шеслер, А. В. Противодействие преступности: основные концепции / А. В. Шеслер, С. С. Шеслер // Вестник Владимирского юридического института. – 2010. – № 3. – С. 165–169.

35. Holmes, C. In Search of Christian Theological Research Methodology / C. Holmes, D. Lindsay // Sage Open. – 2018. – № 8 (4). – P. 1–9.

Глава 1.3. Социальная превенция как философская категория и феномен философской мысли

В предыдущей главе было показано, что вариативность содержания русской социальной философии и социально-гуманитарных наук открывает перспективы для категориального выражения сущности социальной превенции. Эти перспективы связаны с тем, что русская социально-философская мысль, начиная с первой четверти XIX в., воспринимается, прежде всего, как рефлексия на социально-политические и социокультурные проблемы России и практические попытки их разрешения. Наличие непосредственной связи между процессами и событиями общественной жизни и проблематикой русской социальной философии – «социальный активизм», по мнению А. А. Ермичёва, определяет социально-культурную преемственность русской мысли и становится основанием выделить две формы осмысления связи русской социальной философии с социальной жизнью российского общества.

Первая форма – «одействование истины» – отражает содержание русской философии в 30–60-х гг. XIX в., вторая форма – «мир как творчество» – свойственна русской философии последующего времени, «вплоть до событий 1917–1922 годов» [9, с. 96]. Форма «мир как творчество» по-прежнему отражает содержание современной социальной философии в России. В ней возможно нахождение приемлемой для социальной философии категориальной формулы, обозначающей сущность феномена социальной превенции. Нахождение идёт по основной линии смыслового наполнения понятия «социальная превенция» с учётом того обстоятельства, что «субъективность» как «свойство человеческой ментальности вообще», её элементы присутствуют в «научной и философской формах познания» [20, с. 20]. Форма «мир как творчество» означает, что понимание и признание приходит

к социально-философским идеям не тогда, когда они нашли обоснование в академической среде, а тогда, когда реализуется возможность их применения в общественной жизни.

Это в полной мере относится к идее установления взаимосвязи и взаимовлияния социальной превенции, социальной справедливости, социального равенства и социальной кооперации (взаимодействия). Социальная значимость и ценность заключаются не в «кристальной красоте этой идеи среди абстрактных концепций», не в «удивительной симметрии её содержания», даже не в «моральной силе» социальной практики, основанной на этой идее, а в многочисленных и разнообразных попытках, руководствуясь этой идеей, достичь в обществе качественного состояния социальной превенции через установление социальной справедливости, социального равенства и социальной кооперации в политике, экономике и в обществе в целом [37, р. 1–2].

Если исходить из того, что проблема смысла жизни была одной из основных проблем русской нравственной философии конца XIX – начала XX в. и проявляла себя преимущественно через религиозное содержание, то допустимо предположение, что проблема смысла социальной жизни представляет собой светский по характеру содержания вариант этой проблемы, который обнаруживает себя в русской социальной философии и имеет смысловую и содержательную связь с проблемой смысла жизни в русской нравственной (религиозной) философии. В свою очередь, проблема смысла социальной жизни в современном обществе проявляется и конкретизируется в философском исследовании в проблемах социальной солидарности, социальной справедливости, социального равенства, социальной кооперации (взаимодействия), социальной помощи и социальной превенции.

В социально-философском анализе современного общества принципиально важно определить место социальной превенции в сочетании этих проблем. Социальная превенция в известной мере консолидирует другие названные проявления смысла социальной жизни в современном обществе. В связи с этим требуется теоретико-методологическое обоснование того, в силу каких социальных обстоятельств и под влиянием каких социальных факторов такая консолидация происходит и какие конкретные формы она принимает. С одной стороны, социальная справедливость, социальное равенство, социальная кооперация могут рассматриваться как условия, предпосылки, в целом как основы социальной превенции. Соответ-

ственно теории и концепции социальной справедливости, социального равенства, социальной кооперации и социальной солидарности становятся методологическими основами философского исследования вопросов социальной превенции в современном обществе. С другой стороны, содержание социальной превенции как феномена современного общества имманентно присутствует в названных социальных феноменах, проявляет себя как их качество, свойство или одна из их качественных характеристик [14].

Таким образом, два статусных состояния социальной превенции определяют возможность её философского осмысления, а результат научно-философского анализа названных социальных феноменов (социальная справедливость, социальное равенство, социальная кооперация, социальная солидарность), проявляющийся на уровне теорий, концепций, подходов, суждений, выступает в качестве методологической основы исследования социальной превенции. Р. Ю. Виппер считал, что «главный результат господства укрепившихся терминов состоит в том, что они сдвигают явления и характерные черты как бы на одну плоскость, в неподвижную, фиксированную картину» [5, с. 461]. В данном случае речь идёт о «метафизической» или «абстрактно-теоретической» характеристике методологических основ анализа социальной превенции и использовании в нём сформировавшихся («укрепившихся») понятий социальной философии («социальная справедливость», «социальное равенство», «социальная солидарность», «социальное благосостояние», «социальное государство», «социальная политика» и др.).

Концептуальным обоснованием возможности исследования социальной превенции как феномена философской мысли является идея В. В. Розанова о том, что «на философию в её историческом развитии следует смотреть именно как на системы мыслимости того, о чём или не может быть никакого точного знания или о чём оно ещё не явилось пока» [21, с. 20]. Социальный мыслитель проникает в содержание социальной превенции по мере постепенной специализации и конкретизации своих исследований, которым не подходят и отвлечённая теоретизированная доктрина, и конкретный эмпиризм фактического рассмотрения. Но отсутствие в русской социальной философии строгого категориального статуса при обозначении социальной превенции становится в этом случае аргументом для использования собирательного, обобщающего определения.

В итоге исследование социальной превенции должно складываться из комбинации общих теоретических понятий с непосредст-

венным анализом конкретных фактов. Такой методологический подход направлен на понимание смысла философского феномена социальной превенции, исходя из того, что социальная превенция как феномен современного общества представляет собой достигнутое состояние качества социальной жизни и перспективу общественного развития, которые определены рядом изменений в совокупности социальных условий конкретного общества. Определение социальной превенции как феномена философской мысли детерминировано и в части понимания содержания, и в части понимания своей структуры конкретными социально-политическими и социокультурными условиями, обстоятельствами и тенденциями развития конкретного общества.

В свою очередь, такая детерминированность дополняется целостностью самой социальной превенции как феномена современного общества, которая заключена в её способности аккумулировать влияния различных процессов социальной жизни, превращая их в конкретные социальные обстоятельства, и быть как средством воздействия на менее динамичные социальные процессы, так и результатом этого воздействия. Для формирования философского понятия «социальная превенция» и анализа содержания социальной превенции как феномена философской мысли требуется объяснение самой возможности и обоснованности появления нового понятия социальной философии. Допустимо предположение, что «социальная превенция» – это лишь метафора, не претендующая быть новой философской категорией или философским концептом. Но даже при таком предположении присутствует философичность этой метафоры и есть попытка с её помощью обратиться к актуальной идее преемственности как фундаментальному методологическому принципу, позволяющему сохранить логическое единство социально-научного и социально-философского знания [19, с. 41–42].

Вместе с тем новые социальные реальности определяют появление новых идей, которые могут трансформироваться в философы и новые философские понятия. В результате создаётся понятийное поле для построения философского определения социального явления и уяснения его места в системе основополагающих социальных категорий [15, с. 157–158]. При этом Г. Б. Гутнер обращает внимание на связь между онтологией, методологией и мыслью. С одной стороны, мысль о любом социальном явлении есть мысль о «чём-то» и она соотнесена с определённой «предметностью», с некоторым «что», существующим в общественной

жизни. С другой стороны, не менее важен способ мыслить эту «предметность», всякое «что» соотнесено с некоторым «как». Но выясняя, «как» следует объяснить конкретное социальное явление, не всегда уточняется «что» исследователи собираются объяснять. Таким образом, «спору о методах должен предшествовать спор о предмете» и задача исследователя состоит в таком случае в том, чтобы «правильно опознав свой предмет, найти адекватные методы» [8, с. 168].

Отечественные философы считают, что в настоящее время социальная философия «понятийно и тематически трансформируется» в процессе осмысления меняющейся социальной реальности. Целый ряд факторов, в том числе и «утрачивание знания как самостоятельной культурной ценности», определяет актуальность поиска «новых понятий», в которых можно «фиксировать и осмысливать реальные социальные изменения» [35, с. 90]. Предмет философского исследования социальной превенции, её сущность, субъекты и механизмы осуществления в обществе различным образом объясняются в разных философских учениях. В зависимости от трактовки смысла социальной жизни, философы по-разному понимают содержание социальной превенции и превентивно-ориентированную деятельность общества [3].

Вместе с тем в подходах к изучению социальной превенции присутствуют и постоянные элементы. Прежде всего, они проявляются в признании того, что философский анализ социальной превенции невозможен без обращения к тем социальным проблемам, которые в значительной мере меняют облик современного общества. В таком анализе прослеживается подход, который С. Л. Франк определил как «стремление перешагнуть в сторону метафизики», проявляющееся в понимании того, что «всякая устойчивость, всякое постоянство есть лишь сохранение того, что раньше было добыто развитием и творчеством» [30, с. 73].

Н. О. Лосский утверждал, что «знанию подлежит не то, что предмет существует, а то, как он существует, не *quod sit*, а *quid sit*» [12, с. 163]. Знание о том, каков объект исследования, получается путём сравнения. Но поскольку исследователь не может сравнить социальную превенцию сразу со всеми остальными социальными явлениями, то получается, что всякий акт получения знания о социальной превенции как феномене философской мысли есть акт дифференциации какой-либо стороны социальной превенции как феномена общественной жизни.

Современные исследователи русской философии обращают внимание на необходимость комплексного подхода к её изучению на основе методологии интеллектуальной истории. Разработка такой методологии продиктована тем, что в современных научных работах, ставящих целью отказ от идеологических споров о сравнительном превосходстве русской и западной философий и рассматривающих творчество русских социальных мыслителей в контексте мировой истории мысли, отсутствует консенсус по ряду принципиальных вопросов [17, с. 123–124]. Но отказ от идеологических споров не означает отказа от содержательного сравнения русской и западной философий. Для понимания проблемы социальной превенции интерес представляет русская социальная философия, начиная с середины XIX в. до настоящего времени, и современная западная социальная философия, начиная с середины XX в.

Не отрицая методологической ценности западной классической философии XVIII–XIX вв. для понимания социальных проблем общества, допустимо предположить, что до середины XX в. в западной философии проблематика, связанная с вопросами социальной превенции в обществе, не была столь актуальной, как в русской философии, прежде всего в русской социальной философии конца XIX – начала XX в. Аргументация такого предположения связана с анализом особенностей социального развития российского общества: Россия раньше и острее западного общества почувствовала потребность в социальной превенции. Точнее, русская философия самостоятельно, самобытно и быстрее западной философии осмыслила возможные последствия отсутствия в обществе социальной превенции и поняла значение неизбежной детерминации социальной превенции различными общественными процессами.

Что касается философской категории «социальная превенция», то А. В. Алейников и А. И. Стребков считают, что в настоящее время требуется «базовый понятийный аппарат» для социально-философского обоснования особенностей социальных взаимодействий и формирования «сценариев создания социальных конструктов "бесконфликтного мира и стабильности" в современной России» [2, с. 29]. Понятие «социальная превенция», как и любая категория социальной философии, должно характеризоваться однозначностью (моносемантической) и той точностью содержания, которая связана с анализом соотношения «триады: объект – понятие – имя». Критерий точности, применённый к абстрактному философскому понятию, выражает представление об идеальном объекте, который обозначается

этим понятием, т.е. выражает философское представление о социальной превенции.

Понятие «социальная превенция» как бы соединяет объект с его именем, конкретизирует его, даёт возможность рассмотреть объект с разных сторон. В этом случае присутствует, с одной стороны, соотнесение социальной превенции с социальной справедливостью, социальным равенством, социальным взаимодействием, с другой стороны, акцентирование внимания на общей направленности превентивной деятельности в обществе – на смысле социальной жизни.

Точность философского понятия «социальная превенция» может заключаться в монолитности «триады» и способности понятия максимально полно отразить в нём сущностные представления о социальной превенции как феномене современного общества [13, с. 46]. Категориальный анализ необходим для нахождения общего и особенного в понимании превенции и социальной превенции в социальной философии и социально-гуманитарных науках, а также для дифференциации в ходе исследования феноменов превенции и профилактики в обществе.

Аспектом категориального анализа является вопрос об использовании в исследовании латинского слова «*praeventio*», «*praeventionis*» («превенция»). Допуская, что в работах отечественных мыслителей может встречаться русскоязычный аналог термина «превенция», можно отметить, что этот термин используется, с одной стороны, как универсальный и унифицированный термин языка науки, с другой стороны, для того, чтобы терминологически и содержательно разграничить конкретные социальные феномены и феномены научно-философской мысли – превенцию и профилактику.

В современных социально-гуманитарных науках сложился общетеоретический подход к пониманию соотношения превенции и профилактики. Типичной является ситуация, в которой исследователи не ставят цель точно соотнести понятия и разграничить превенцию и профилактику в обществе. По сути, это приводит к их фактическому отождествлению в научном исследовании. В. В. Агильдин и В. С. Ишигеев только формально различают превенцию (предупреждение) и профилактику, рассматривая вопросы профилактики преступлений, а также криминологические и уголовно-правовые аспекты предупреждения преступлений [1].

С. Г. Анисимова, по сути, отождествляет превенцию и профилактику, когда выявляет причины неэффективности конкретного вида «профилактической и превенционной деятельности» и различает «три уровня превенции: общая профилактика, специальная профилактика и индивидуальная профилактика» [4, с. 15]. Т. В. Шипунова в одном случае считает «специальные профилактические мероприятия» конкретным средством проведения превентивных мероприятий, которые «важны во всех сферах жизнедеятельности людей и для всех возрастных групп населения», а в другом случае обращает внимание на критерии «направления профилактической деятельности», в соответствии с которыми выделяют «социальную профилактику (социальная политика)»; «ситуационное предупреждение преступности» и «предупреждение преступности с опорой на население» [32, с. 128, 124].

Традиционно термин «превенция» в социологии и юриспруденции используется в контексте анализа совокупности профилактических мер, способов и методов предупреждения правонарушений [25, с. 164]. При этом считается, что понятия «предупреждение» и «профилактика» можно рассматривать как синонимы, хотя в зависимости от контекста их значение может дифференцироваться. В этом случае понятие «предупреждение преступности» воспринимается как более общая по смыслу и содержанию научная категория, а понятием «профилактика преступлений» обозначают, прежде всего, особую социальную управляемую деятельность в качестве составной и необходимой части предупреждения преступности.

В свою очередь П. Н. Кобец более точно различает превенцию и профилактику и считает, что под профилактикой понимаются меры по выявлению, устранению (нейтрализации, блокированию, ограничению сферы действия), причин, условий, других «детерминант преступлений», тогда как под предотвращением преступлений понимается деятельность, направленная на недопущение замышляемых или подготавливаемых преступлений [11, с. 198]. О. В. Русецкий обращает внимание на то, что основу методологии исследования вопросов профилактики правонарушений в криминологии составляют различные теоретические концепции предупредительной деятельности, а под «первичной превенцией» понимается «воздействие на среду, экологию, экономические, социальные, политические условия жизни в целях их улучшения, гармонизации» [23, с. 100].

С. И. Галеева рассматривает основные зарубежные модели профилактики преступности, которые в «различных вариациях формируют комплекс превентивных мер, реализуемых в контексте соответствующей государственной политики» [6, с. 64]. По её мнению, профилактика – это более широкое по содержанию явление, чем превенция, а превенция с её разновидностями оказывается производным от профилактики, проявляет себя как технология осуществления профилактики. Следует заметить, что автор, анализируя концепции западных учёных, имеет в виду только стратегии профилактики преступности и не распространяет профилактику и превенцию на другие сферы социальной жизни современного общества.

В настоящее время в социально-гуманитарных науках прослеживаются точно обозначенные частно-научные подходы к пониманию соотношения превенции и профилактики. В. В. Щепланова и О. А. Елистратова определяют правовую превенцию как составную часть социальной превенции, а «правовую превенцию наркотизма» как «профилактику наркоправонарушений» [33, с. 255]. А. В. Шаболтас считает, что использование термина «превенция» позволяет подчеркнуть «ведущую роль стратегии активного профилактического вмешательства и интерактивного взаимодействия субъектов и объектов профилактического процесса» [31, с. 125]. Может показаться, что в данном случае отсутствует отождествление превенции и профилактики, более того, профилактика входит в содержание превенции. Но автор усложняет позицию своего исследования, обращая внимание на то, что превентивные вмешательства направлены на профилактику. Таким образом, профилактика представляет собой целое, а превенция оказывается её фрагментом, поскольку технологией профилактики выступают превентивные вмешательства.

Позиция А. А. Гизатулиной состоит в том, что превенция оказывается функциональным проявлением профилактики суицида, а под терминами превенция, интервенция и поственция суицида понимается профилактика суицида. В этом случае профилактика и превенция не рассматриваются как социальные явления, а интерпретируются как клинические состояния в психиатрии и психотерапии [7, с. 75]. Н. В. Перешеина рассматривает превенцию как органическую часть всей «жизнеорганизации территории», встроенную в работу любого элемента этой системы и предполагающую «функ-

ционирование системы профилактики девиантного поведения территории» и наличие профилактической среды с соответствующими социально-психологическим климатом и социально-психологической атмосферой [18, с. 323–324].

Е. В. Некрасова в социологическом анализе проблем профилактики экстремизма в молодёжной среде отмечает «существование классификации профилактики по социально-демографическим признакам объекта превенции: гендерному, возрастному, образовательному» и наличие в структуре профилактики «первичной и вторичной превенции» [16, с. 315–316]. О. В. Кириллова и Е. Г. Шубникова реализуют феноменологический подход к пониманию «профилактики зависимого поведения» детей в образовательной среде и обращают внимание на мнение тех исследователей, которые считают, что именно профилактическим подходом определяется стратегия и тактика превентивной работы. При этом полипарадигмальный подход при анализе превентивной деятельности допускает возможность одновременного существования нескольких методологических систем, в основе которых лежат различные «целостные концептуальные модели профилактики» [10, с. 28–29].

Из проведённого категориального анализа следует, что при всём многообразии аспектов, характеризующих соотношение превенции и профилактики, они нетождественны друг другу на всех уровнях сравнения. Вероятно, что они соотносятся как абсолютное и относительное понятия на формально-логическом уровне; как целое и часть на уровне исследования социальных феноменов современного общества; как потенциальное социальное развитие личности (социальная превенция) и предпосылка, фактор такой потенциальности (социальная профилактика) [27, с. 127–129].

Понятия «социальная превенция» и «социальная профилактика» используются для характеристики состояния, отражающего уровень развития современного общества и формирования социального государства, поскольку социальная превенция выступает в обществе как феномен предупреждения, а социальная профилактика и связанная с ней интервенция – как феномены преодоления возникшей социальной проблемы [28, с. 114–115].

Предположение, что философия социальной превенции в тенденции, а не в отдельно взятых случаях, может рассматриваться как методология конкретных видов социальной практики и практики социального государства в целом, основано на том, что собственно

превенция представляет собой в любом обществе целенаправленное социальное влияние на процессы и события общественной жизни, которые не характеризуются явно выраженным отклонением от социальной нормы. В этом случае социальная превенция как вид превенции выступает именно как предупреждение, своевременное устранение причин возможной социальной аномии, т.е. как предупреждение возникновения социальных проблем; представляет собой деятельность, направленную на улучшение социального благополучия индивидов на основе опыта устройства общественной жизни, традиций поддержания социальной стабильности, соблюдения социальных норм и правил.

Следует исходить из принятого в формальной логике утверждения, что в содержании понятий могут мыслиться либо признаки одной категории «вещей», явлений действительности, либо признаки предметов других категорий, например категорий свойства, отношения и т.д. В зависимости от наличия или отсутствия таких признаков, а также в зависимости от степени общности, понятия делятся на абсолютные и относительные [29, с. 34–35]. Поскольку каждое из относительных понятий имеет в своём содержании признак, фиксирующий отношение одного предмета к другому, а в содержании абсолютного (безотносительного) понятия такой признак отсутствует, то существует формально-логическое основание утверждать, что «социальная превенция» является абсолютным понятием, а «социальная профилактика» – относительным понятием. Такое разграничение предполагает преимущественное применение социальной профилактики как основного (общего) понятия частной социально-научной теории, к примеру теории социальной работы или теории девиантного поведения, а социальной превенции – как категории социальной философии.

Категориальный анализ понятия «социальная превенция» дополняется сравнением его содержания с содержанием понятий «наказание» и «справедливость». Методологической основой такого сравнения становятся эволюция представлений о справедливости и праве в западной философии XVIII – начала XIX в. (Д. Юм, И. Кант, Г. Гегель, И. Гельвеций, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье), принципы исследования преступления, наказания и кары в «Социологическом этюде об основных формах общественного поведения и морали» П. А. Сорокина [24] и основные положения теории справедливости Дж. Ролза [38].

П. А. Сорокин установил связь наказания и награды с преступлением и подвигом и выявил «социальную роль кар и наград». Такой подход становится способом юридического понимания превенции, поскольку преступление, наказание и кара находят своё выражение в «уголовной политике», которая в этом случае может стать превентивной «социальной терапией». Он считал, что «вопросы о праве наказания и цели наказания в их обычных постановках мало помогут при исследовании действительности в сфере преступлений и наказаний, подвигов и наград». Ситуация принципиально меняется, когда вопрос о связи преступления с наказанием и карой ставится «в науке практической, исходящей из принципа долженствования».

П. А. Сорокин имел в виду «уголовную политику», в которой вопросы о праве и цели наказания «уместны и разумны» и которая «только тогда будет действительной "социальной терапией", когда наука уголовного права сумеет формулировать ряд действительных причинных законов» [24, с. 86]. С точки зрения социальной роли «кар и наград» целый ряд актов общественного поведения, следуя логике рассуждений автора, могут быть классифицированы как социально-превентивные по сути и содержанию: «положительно-активные, состоящие в доставлении чего-нибудь или в совершении известных действий в пользу кого-нибудь»; «отрицательно-пассивные, состоящие в воздержании от чего-нибудь, от чего можно было бы безнаказанно не воздерживаться»; «активно-терпеливые, состоящие в терпении чего-нибудь, что можно было бы не терпеть» [24, с. 108].

Социально-превентивная роль «кар и наград», их «мотивационно-дрессирующее влияние» в любом государстве состоит в том, что именно они, по мысли П. А. Сорокина, заставляли и заставляют криминализованные слои общества «делать то, что они считают по своим убеждениям запрещённым и преступным делать, воздерживаться от тех актов, воздержания от которых не требует их моральная совесть, и терпеть то, что без кар и наград они не стали бы терпеть» [24, с. 146].

В свою очередь, научно-теоретические идеи Дж. Ролза о справедливости как честности; об институтах общества как равной свободе, «долевом распределении», обязанностях и обязательствах; о целях индивида через благо как рациональности, чувство справедливости и благо справедливости становятся методологической основой понимания вопросов взаимосвязи справедливости, кооперации

и превенции в современном обществе. Дж. Ролз отмечал: «Требуется определённое множество принципов для того, чтобы сделать выбор среди различных социальных устройств, которые определяют разделение выгод, и чтобы прийти к соглашению о распределении долей. Эти принципы являются принципами социальной справедливости: они обеспечивают способ соблюдения прав и обязанностей основными институтами общества. Они же определяют подходящее распределение выгод и тягот социальной кооперации» [22, с. 20].

В целом категориальный анализ понятия «социальная превенция» и рассмотрение содержания социальной превенции как феномена философской мысли способствуют определению логико-смысловой последовательности социально-философского исследования социальной превенции как феномена современного общества и её взаимосвязи с другими социальными феноменами: социальное развитие – социальная деятельность – социальная практика – социальная справедливость – социальная солидарность – социальная превенция – социальная профилактика – социальный контроль, в том числе наказание, как осуществление превенции.

Б. В. Яковенко считал, что философия, стремясь дать вместе с «установлением миросозерцания, соответствующего научному сознанию данного времени», также и «выражение нравственным стремлениям» его, комбинируя такое миросозерцание с этими стремлениями и объединяя их, тем самым «начертывает общую картину духовных ценностей национальной культуры» [36, с. 272]. В таком случае русская социальная философия претендует на то, чтобы стать общей картиной тех духовно-нравственных ценностей, которые можно объединить под понятием смысла жизни человека в обществе (смысл социальной жизни) и к которым, помимо социальной справедливости и социальной кооперации (взаимодействия), следует отнести социальную превенцию, а также взаимосвязанные с ней социальную защищённость, социальную ответственность, социальное образование, гражданское и патриотическое воспитание, толерантность и др.

При этом проблема смысла социальной жизни в русской социальной философии проявляется и конкретизируется в процессе её исследования во взаимосвязанных по своему содержанию проблемах социальной солидарности, социальной идентичности, социальной стратификации, социального равенства, социальной помощи и социальной превенции. В этом случае теории и концепции соци-

альной справедливости, социального равенства, социальной кооперации выступают в качестве методологических основ философского анализа социальной превенции. Такие методологические основы присутствуют, к примеру, в «Смысле жизни» Е. Н. Трубецкого [26] и «Теории справедливости» Дж. Ролза [38].

Анализ социальной превенции предполагает определение основных источников осмысления содержания социальной превенции. Позитивизм и эмпиризм – это преимущественно «конкретно-научные» методологические подходы к осмыслению феномена социальной превенции, которые обнаруживаются в юриспруденции, социологии, психологии, педагогике, психиатрии, социальной медицине и других социально-гуманитарных науках. Метафизические идеи идеализма и феноменология – это «абстрактно-умозрительная» методология осмысления социальной превенции в русской философии. Наконец, различные направления современной научной социальной философии – это «логико-теоретические» содержательно-смысловые основы осмысления социальной превенции как феномена философской мысли.

Во всех этих случаях философский анализ социальной превенции обращается к опыту прошлого – «к реальности событий и реальности их переживания человеком», к «реконструкции смысла» многих идей современности. Такое историко-философское обращение позволяет выходить в анализе социальной превенции на актуальные темы, на сюжеты, соотносимые с социальной проблематикой настоящего времени; проявить интерес к тем или иным философским идеям прошлого, которые становятся современными [34, с. 110]. Наряду с этим, содержание социальной превенции как феномена философской мысли определяет в конечном счёте процесс осмысления социальных проблем общества, его результатов и направляющих его теоретических импульсов и оснований.

Методологические основы анализа социальной превенции в русской философии, определяя принципы, способы и формы изучения мировосприятия и духовно-нравственного настроения российского общества, направляют исследование его актуальных социальных проблем как постановкой самого вопроса о феномене социальной превенции, так и обоснованием идеи о практической ценности социальной превенции в процессе функционирования и развития современного российского общества.

Список литературы

1. Агильдин, В. В. Профилактика преступлений: история, теория, практика : монография / В. В. Агильдин, В. С. Ишигеев. – Иркутск : Изд-во БГУЭиП, 2010. – 83 с.
2. Алейников, А. В. Конфликты и социальная стабильность в современной России / А. В. Алейников, А. И. Стребков // Вопросы философии. – 2015. – № 12. – С. 27–40.
3. Александров, В. Б. Русская социально-философская мысль: темы, идеи, традиции : монография. / В. Б. Александров. – 2-е изд. – М. : Изд-во РАНХиГС, 2017. – 226 с.
4. Анисимова, С. Г. Профилактика девиаций: интегративная модель или разрозненные фрагменты? / С. Г. Анисимова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 4 ч. Ч. I. – 2011. – № 5. – С. 12–16.
5. Виппер, Р. Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания / Р. Ю. Виппер // Вопросы философии и психологии. – 1900. – № 3. – С. 450–480.
6. Галеева, С. И. Подходы к превенции как концептуальные основы государственной политики по профилактике преступности / С. И. Галеева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 3 ч. Ч. II. – 2015. – № 11. – С. 61–64.
7. Гизатулина, А. А. Социальная природа суицида (теоретические основания методики исследования) / А. А. Гизатулина // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 28. Философия. Социология. Культурология. – 2012. – № 35. – С. 73–79.
8. Гутнер, Г. Б. Методология, онтология и возвратное движение мысли / Г. Б. Гутнер // Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 166–173.
9. Ермичёв, А. А. О наследовании в истории русской философии / А. А. Ермичёв // Вопросы философии. – 2018. – № 8. – С. 96–103.
10. Кириллова, О. В. Педагогическая профилактика зависимого поведения детей и молодежи в образовательной среде: парадигмы, концептуальные модели, теоретические подходы / О. В. Кириллова, Е. Г. Шубникова // Вестник Костромского государственного уни-

верситета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2017. – Т. 23, № 5. – С. 28–33.

11. Кобец, П. Н. Предупреждение преступности: теоретические аспекты / П. Н. Кобец // Символ науки. Международный научный журнал. – 2015. – № 8. – С. 198–199.

12. Лосский, Н. Обоснование мистического эмпиризма / Н. Лосский // Вопросы философии и психологии. – 1905. – № 3. – С. 163–211.

13. Молдованова, Ю. Н. «Превентивное правосудие» – лингвистический аспект / Ю. Н. Молдованова, Е. Б. Тарбагаева // Юрилингвистика. – 2016. – № 5. – С. 39–52.

14. Москаленко, С. Г. Правовая и этико-культурная превенция экстремизма / С. Г. Москаленко, Н. Г. Казимилова // Философия права. – 2015. – № 1. – С. 45–50.

15. Назарчук, А. В. Идея коммуникации и новые философские понятия XX века / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2011. – № 5. – С. 157–165.

16. Некрасова, Е. В. Некоторые вопросы профилактики экстремизма в молодёжной среде / Е. В. Некрасова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. – 2012. – Выпуск 2. – С. 314–321.

17. Павлов, И. И. Современные методологические проблемы исследования творчества Н. Бердяева / И. И. Павлов // Вопросы философии. – 2021. – № 10. – С. 123–129.

18. Перешеина, Н. В. Социально-территориальная общность в контексте превенции / Н. В. Перешеина // Перспективы психологической науки и практики : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – М. : Изд-во МГУДиТ, 2017. – С. 323–325.

19. Пружинин, Б. И. Ratio Serviens? / Б. И. Пружинин // Вопросы философии. – 2004. – № 12. – С. 41–55.

20. Ракитов, А. И. В защиту субъективности (социальная реальность, социальная деятельность, социальное познание) / А. И. Ракитов // Вопросы философии. – 2018. – № 9. – С. 20–26.

21. Розанов, В. Заметки о важнейших течениях русской философской мысли в связи с нашей переводной литературой по философии / В. Розанов // Вопросы философии и психологии. – 1890. – № 3. – С. 1–36.

22. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз ; пер. с англ. В. В. Целищева. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского университета, 1995. – 511 с.

23. Русецкий, О. В. Теоретические и практические аспекты организации системы профилактики правонарушений / О. В. Русецкий // Актуальные вопросы теории и практики исполнения законодательства о профилактике преступлений и иных правонарушений и надзора за деятельностью органов дознания : материалы регион. науч.-практ. конф. / гл. ред. А. П. Петров. – Витебск : Изд-во Витебского государственного университета, 2016. – С. 100–110.

24. Сорокин, П. А. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / П. А. Сорокин // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов ; пер. с англ. – М. : Политиздат, 1992. – С. 32–156.

25. Тихонов, Я. И. Некоторые вопросы типологии факторов в механизме детерминации юридической превенции / Я. И. Тихонов // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 2. – С. 164–166.

26. Трубецкой, Е. Смысл жизни : монография // Е. Трубецкой. – М. : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1918. – 232 с.

27. Тугаров, А. Б. Идея социальной превенции как философский феномен / А. Б. Тугаров, Э. А. Шевцова // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 4-1. – С. 122–137.

28. Тугаров, А. Б. Превенция и профилактика: социальные феномены и феномены мысли / А. Б. Тугаров // Современные исследования социальных проблем. – 2022. – № 2-2. – С. 108–117.

29. Формальная логика : учебник / отв. ред. И. Я. Чупахин, И. Н. Бродский. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1977. – 354 с.

30. Франк, С. Л. Личность и вещь (Философское обоснование витализма) / С. Л. Франк // Русская мысль. – 1908. – Кн. XI. – С. 50–81.

31. Шаболтас, А. В. Психологическая концепция превенции ВИЧ-инфекции / А. В. Шаболтас // Вестник психотерапии. – 2015. – № 55. – С. 120–141.

32. Шипунова, Т. В. Преступность несовершеннолетних и превентивные стратегии / Т. В. Шипунова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. V, № 4. – С. 112–128.

33. Щебланова, В. В. Институты превенции молодежного наркотизма / В. В. Щебланова, О. А. Елистратова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 2. – С. 253–263.

34. Щедрина, Т. Г. Историзм Льва Шестова и Густава Шпета (об экзистенциальном измерении феноменологии) / Т. Г. Щедрина, Б. И. Пружинин // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 108–118.

35. Щедрина, Т. Г. Проблема понимания исторической реальности (методологический опыт Густава Шпета) / Т. Г. Щедрина // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – С. 90–93.

36. Яковенко, Б. В. Новая история европейской философии / Б. В. Яковенко // Вопросы философии и психологии. – 1916. – № 4. – С. 271–301.

37. Rae, D. Equalities / D. Rae. – L. : Harvard University Press, 1981. – 210 p.

38. Rawls, J. A Theory of Justice // J. Rawls. – Cambridge (Mass.) : The Belknap Press, 1971. – 607 p.

Раздел 2. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ О СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ В СТРУКТУРЕ РУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Глава 2.1. Строение философского знания о социальной превенции

После того как концептуально обоснована самостоятельность социальной превенции в качестве феномена философской мысли, следует рассмотреть её внутреннюю структуру – строение или архитектуру содержания. Философское знание о социальной превенции в структуре социальной философии относится к социальной онтологии и философской антропологии. С одной стороны, архитектура философского знания о социальной превенции представляет сочетание частей его содержания в одном целом. С другой стороны, этим термином обозначается основной принцип построения и общая система связей между отдельными частями содержания философского знания о социальной превенции.

Архитектура проявляется через выраженное определённым способом структурирование, т.е. расположение частей или элементов философского содержания феномена социальной превенции в виде структуры, и соотношение частей и элементов этого содержания через совокупность установленных связей. В социологической и философской литературе, когда речь идёт о принципах построения, прежде всего, системы социологии П. А. Сорокина, термины «структура» и «архитектура» используются как синонимичные, а также обосновывается необходимость структурирования знания об обществе, которое имманентно содержит процесс внутренней дифференциации этого знания [15, с. 26–28; 9, с. 63–76]. Анализ структуры и элементов социальной превенции ориентирован на понимание архитектуры философского знания о ней через определение вариантов структурирования элементов, составляющих содержание этого знания.

Такой подход объясняется тем, что архитектура представляет собой не только простое единство составляющих частей содержания, но его самобытность и уникальность. Кроме того, чем содержательнее оказывается концептуальное знание о русской соци-

альной философии в целом, тем более вариативной становится архитектура философского знания о социальной превенции. Архитектура может быть простой и утилитарной в том случае, когда она основана на одном концептуальном подходе. Но архитектура может быть сложной структурой и являться результатом реализации нескольких концептуальных подходов. Различные варианты архитектуры философского знания о конкретном социальном феномене определяются содержанием различных направлений в философии. При этом архитектура оказывается соотношением главных и второстепенных элементов содержания отдельного философского направления.

Именно сочетание главного и второстепенного выявляет основную идею строения философского знания о социальной превенции. Следовательно, чем тщательнее выверено это соотношение, тем более перспективным с точки зрения возможной интерпретации является содержание философского знания о социальной превенции. Понимание строения (структуры) такого знания предполагает обращение к соответствующему концептуальному обоснованию. В. С. Стёпин считал, что различие трёх типов систем объектов («простые системы», «сложные саморегулирующиеся системы» и «саморазвивающиеся системы») определяется разными «категориальными матрицами», которые обеспечивают их понимание и рациональное осмысление.

По его мнению, все социальные объекты, рассмотренные с учётом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем. С появлением новых уровней организации социальных объектов процессуальность системы проявляется в двух аспектах: и как саморегуляция, и как саморазвитие, как процесс перехода от прежнего типа саморегуляции к новому [37, с. 69–70]. В итоге эволюция структуры содержания социальной превенции может рассматриваться на следующих уровнях научно-философского знания о ней:

- 1) простые системы социальной превенции в обществе и соответственно простые системы знания о социальной превенции;
- 2) сложные саморегулирующиеся системы социальной превенции и соответственно сложные системы знания о социальной превенции;
- 3) саморазвивающиеся системы социальной превенции и соответственно интегративные системы знания о социальной превенции.

А. А. Гусейнов подчёркивает, что «философия имеет двуединую природу: одной частью она родственна науке, другой частью – религии» [11, с. 4–5]. Такой подход перспективен для анализа структуры философского знания о социальной превенции тем, что даёт возможность установить её соотношение с наукой и религией, имеющими своё представление о понимании как превенции в целом, так и социальной превенции в частности. В таком случае все научные подходы к пониманию феномена превенции в обществе можно условно назвать «превентологией», а религиозно-философские и теологические взгляды на этот феномен – «религиозно понимаемой превенцией».

Кроме того, проведённый ранее научный и философский анализ понятия «социальная превенция» становится аргументом обоснования как места философского знания о социальной превенции в общей структуре социально-философского знания, так и статуса «превентологии», т.е. научной дисциплины, в структуре социально-гуманитарного научного знания. Понимаемая таким образом «превентология» предполагает исследование структуры социально-превентивных отношений в современном обществе по источникам, предпосылкам формирования, субъектам и сферам деятельности. Её предметом оказывается процесс формирования социально-превентивных отношений в качестве подсистемы целостной системы современных общественных отношений.

По аналогии с исследованием «солидарных отношений» в современном обществе, в «превентологии» допускается определение социально-превентивных отношений в обществе как «формируемых через слияние личных интересов с общественными, их превращение в единый, всеобщий интерес, в стремление каждого и всех к общей цели, благу и гармонии» [3, с. 37], выдвижение новых идей в философии, попытки выйти за рамки традиционных путей исследований и разработок, специализировать место отраслевой философии в системе социально-гуманитарного научного знания [4; 1].

Принципиально следующее: как потенциальная научная дисциплина и как философский феномен «превентология» имеет концептуальное обоснование, которым становится «валюативный» (ценностный) подход к анализу социальной превенции, основанный на понимании места социальной философии в системе духовных практик человечества. К. Х. Момджян, определяя дисциплинарное соотношение социальной философии и социологии, отмечает, что

«существует валюативная или ценностная философия», которую «интересует ценностное значение мира для живущих в нём людей». Он считает, что социальная философия такого типа «проектирует идеальные модели человеческого общества, конгениальные конечным целям человеческого существования в мире» [21, с. 19, 21].

В этом случае «превентология» как «валюативное» философское знание о социальной превенции может проявить себя в модусе должного, а не сущего, и представляет собой вид «социального наставления». Вместе с тем более перспективной для исследования структуры философского знания о социальной превенции представляется точка зрения на «превентологию» как «философию социально-превентивных отношений в обществе». Если считать «превентологию» потенциальной научной дисциплиной, то в этом случае концептуальное знание о ней будет относиться к «научной философии, которая изучает мир и место человека в нём» [21, с. 17]. Следует отметить, что такой подход не исключает выявления аксиологического (ценностного) аспекта в содержании социальной превенции.

Таким образом, своеобразием содержания философского знания о социальной превенции является не только познавательно-теоретическое отношение к человеку и обществу и не только практико-ценностное отношение к ним, а их связь и взаимосвязь. Поиск адекватных форм таких связей и взаимосвязей определяет в первую очередь специфику архитектоники социальной превенции как философского феномена. Г. Г. Шпет предлагал в философско-историческом исследовании на место целого поставить часть, считая это «общим способом нарушить философскую традицию» и учитывать при этом, что содержание («состав») философии определяется многообразными условиями: имеют значение не только научные понятия определённого исторического периода, но и его предрассудки, настроения, словом, всё мировоззрение общества конкретного периода.

Г. Г. Шпет считал весьма существенным то, что этими настроениями и взглядами весьма часто предопределяется не только содержание проблем философии, но также «характер, форма и состав познавательного предмета» философии [42, с. 430]. Такой подход позволил ему обратиться к концептуальному пониманию «конкретного как социального». Он уточнял: во-первых, «"социальное" не момента только данного созерцания, а обременённое всем про-

шлым: настоящее в каждой своей части и во всём своём целом тяготеющее протекшим, его всюду обнаруживающее и с ним связанное мириадами нитей»; во-вторых, конкретное «мыслится необходимо в движении и действии, – такое конкретное по существу динамично» [42, с. 432, 438].

Концепция познания социального, предложенная Г. Г. Шпетом, даёт возможность на место «целого» (социальная философия) «поставить часть» (философское знание о социальной превенции) и предпринять попытку, следуя за логикой исследования Г. Г. Шпетом проблем истории, «разграничить области отдельных дисциплин, частью философских» [39, с. 316], которые таким образом могут быть связаны с проблемами социальной превенции в обществе. Г. И. Челпанов обратил внимание на то, что Г. Г. Шпет выделяет три такие «дисциплины» и даёт характеристику их предметных областей:

- 1) философия истории;
- 2) методика истории, которую он называет также «историкой» или исторической эвристикой;
- 3) логика истории, имеющая своим предметом проблему истории как науки [39, с. 316–317].

Основываясь на таком концептуальном знании, структура философского знания о социальной превенции состоит из знания философии истории социальной превенции, знания «методики» социальной превенции и знания «логики» социальной превенции, имеющей своим предметом проблему социальной превенции как научного знания. Эти три элемента структуры связаны друг с другом, но требуют в ходе анализа их содержания точного разграничения своих предметных областей. Различие между ними может быть сведено к следующему. Философия истории социальной превенции имеет своим предметом исторический процесс возникновения и эволюции социальной превенции как явления общественной жизни. «Методика» социальной превенции представляет собой совокупность правил, приёмов и способов научно-философского анализа социальной превенции в современном обществе. Таким образом, «логика» и «методика» социальной превенции отличаются от философии истории социальной превенции тем, что имеют своим предметом социальную превенцию как область научно-теоретического и социально-философского исследования, а философия истории социальной превенции имеет своим предметом социальную превенцию как эмпирическую действительность.

Построение философского знания о социальной превенции может стать результативным, если, следуя Г. Г. Шпету, «обращаясь к исследованию причин какого-либо специального замысла или плана действия, мы должны различать:

1) специальные обстоятельства, вызвавшие идеи и действительное решение;

2) специальный образ мышления, в силу которого названные обстоятельства рассматривались так, что из них возникло определённое решение» [41, с. 425].

Метод историко-философской реконструкции, применённый Г. Г. Шпетом, по-прежнему актуален не только в рамках проблемы исторического познания, но и с точки зрения поисков логико-методологического решения различных проблем социальной философии.

Т. Г. Щедрина отмечает в этой связи, что призыв Г. Г. Шпета «увидеть современную реальность как прошедшее, т.е. вернуться в историю, требует от нас интеллектуального усилия, рефлексии над собой, заставляет осмысливать своё поведение и происходящее вокруг так, чтобы увидеть будущее как настоящее» [43, с. 92–93]. Кроме того, необходимо учитывать традицию русской социальной философии изучать актуальные проблемы российского общества через историко-философский подход. Объясняется эта традиция тем, что «в сочинениях философов часто находятся неразвитые эмбрионы мысли, которые впоследствии могут служить основой новых теорий»; историко-философский подход даёт современному исследователю «психологический материал для экспериментальной проверки теоретических предположений» и «неразвитые частности, способствующие метафизическому творчеству».

Такой подход позволяет «найти все стремления, убеждения, отчаяния и надежды прошлых веков – в нашем собственном сознании, ... их понять и заставить других понимать их» [19, с. 55, 62]. Следовательно, обращение к концепции и методу историко-философской реконструкции Г. Г. Шпета даёт возможность исследовать социальную превенцию как элемент социальной жизни современного общества. Существуют другие концептуальные подходы к структурированию содержания философского знания о социальной превенции. Один из них предполагает создание теоретических единиц – «структурных профилей» философского знания о социальной превенции, что позволяет, в свою очередь, выявить в содержании структурных профилей различные элементы философского знания

о социальной превенции. Такой подход основан на концептуальной позиции А. М. Орехова, который рассматривает структуру социальной философии в виде «социально-философских наук, включающих» избранные структурные профили социально-философского знания – сферы общества, власть и собственность, стратификацию, справедливость [24, с. 27–29].

Структуризация предполагает определённое воспроизведение социального объекта с вполне конкретной целью, когда рассматриваются только те его стороны, которые с достаточной для целей структуризации точностью описывают изучаемый социальный объект. По существу анализ любого социального объекта при составлении его структуры – это анализ специальным образом созданных структурных профилей социально-философского знания о нём. От того, насколько правильно созданы отдельные структурные профили, как они связаны друг с другом, в конечном счёте зависят результаты структурирования. При этом любой структурный профиль социального явления представляет собой некоторую абстракцию от действительности, учитывающую только характеристики, представляющие исследовательский интерес. Может показаться, что рассмотрение в структурном профиле второстепенных сторон и связей способствует уточнению получаемого результата исследования. Однако, как правило, это приводит лишь к усложнению содержания структурного профиля и снижает качество результатов исследования.

Перспективной с точки зрения достижения цели анализа является концепция определения архитектоники философского знания о социальной превенции, позволяющая выявить структурные элементы, функции, формы, виды социальной превенции как социального феномена современного общества и феномена отечественной философской мысли. Обращение к архитектонике даёт возможность определить основной принцип построения содержания и общую систему связей между отдельными структурными элементами и частями философского знания о социальной превенции.

Общая композиция (строение) философского знания о социальной превенции включает в себя концептуальное знание о феномене социальной превенции, представленное на *пяти уровнях*, каждый из которых содержит знание или о социальной превенции как феномене современного общества, или о социальной превенции как

феномене философской мысли, или о социальной превенции как сочетании этих феноменов.

Первый уровень строения философского знания о социальной превенции позволяет выявить возможность исследования онтологии социальной превенции как образующего элемента, антропологии социальной превенции и философии истории социальной превенции. Поскольку «социальная философия раскрывает основное содержание человеческого бытия как бытия общественного» [25, с. 91], то в структуре содержания философского знания о социальной превенции следует выделить элементы:

– социально-онтологического знания, используя понятия «социальная реальность», «социальное бытие», «социальная действительность» [25, с. 51–53];

– философско-антропологического знания, отражающего направленность на постижение всеобщих начал социальной превенции через «общественного человека» и через «человеческое общество» [25, с. 116–117];

– знания о философии истории социальной превенции, представляющие собой конкретные упорядоченные рассуждения о социальной превенции в прошлом [25, с. 93–94].

К примеру, онтологическая система С. Л. Франка может быть актуализирована в современном философском дискурсе о социальной превенции как вариант «динамической философии» и может быть развита как онтология культуры. С. Л. Франк полагал, что человек не мыслим без культуры и составляет с ней антиномию. Поскольку в современном мире ценность культуры девальвируется, то онтология культуры может служить одним из оснований в полемике вокруг её аксиологического статуса [40, с. 133–134].

Второй уровень строения философского знания о социальной превенции представлен общей структурой социальной превенции, общей динамикой социальной превенции и специальными социальными превенциями. Концепция структурной социологии, содержащаяся в работе П. А. Сорокина «Общество, культура и личность; их структуры и динамика» (1947), даёт основание считать, что «общая структура социальной превенции» – это социально-философское знание о структуре и содержании «родовых социокультурных явлений» превенции в современном обществе; об основных «структурных типах» социальных групп или социальных институтов, в соответствии с которыми «дифференцируется и стратифицируется

население», включённое в различные социально-превентивные процессы, и их взаимоотношения; об «основных структурных типах культурных систем», детерминирующих содержание социально-превентивных процессов, и их взаимоотношениях.

В свою очередь, «общая динамика социальной превенции» – это социально-философское знание о повторяющихся в обществе процессах, имеющих социально-превентивную составляющую (взаимодействие, социализация, конфликт, господство, подчинение, адаптация, мобильность); о влиянии социальных процессов организации и дезорганизации на людей, участвующих в процессах социальной превенции; о повторяющихся процессах («интеграция и дезинтеграция, конверсия и аккумуляция культурных образцов и систем») и их воздействии на превентивное поведение людей в современном обществе.

«Специальные социальные превенции» – это социально-философское знание об общей структуре и общей динамике, применённое в отношении «специального класса социокультурных явлений, избранного для тщательного изучения» [36, с. 173]. В структуре философского знания о социальной превенции такими «специальными социальными превенциями» оказывается философское знание о социальной политике, воспитании культуры социальной превенции, социальной работе, социальном страховании и др.

Третий уровень строения философского знания о социальной превенции представлен общим учением о социальной превенции, механикой социальной превенции, генетикой социальной превенции и политикой социальной превенции. Характеристика содержания каждого из них позволяет понять способы социально-философского подхода к изучению феномена социальной превенции. Следуя концепции структурной социологии П. А. Сорокина, содержание философского знания о социальной превенции может быть разделено на «отделы» [2, с. 11–12].

Первый «отдел» представлен общим учением о социальной превенции, которое включает определение социальной превенции как социального явления современного общества, анализ его основных черт, а также характеристику современных социально-философских учений о тенденциях и направлениях развития превенции в обществе.

Второй «отдел» образуют знания о механике социальной превенции, т.е. знание закономерностей, проявляющихся в социальной

превенции как явлению современного общества; знание того, как сложное по своей структуре явление социальной превенции дифференцируется на более простые элементы; знание свойств и особенностей этих элементов и тех эффектов, которые они вызывают в социально-превентивном поведении людей и других социальных явлениях; знание механизма функционирования социальной превенции в современном обществе. Перефразируя П. А. Сорокина, следует предположить, что задача этого «отдела» применительно к исследованию феномена социальной превенции состоит в том, чтобы «сделать сложное простым, случайное закономерным, ... построить модель, которая была бы вполне похожей на общество и законы явлений которой объясняли бы и законы общественной жизни» [35, с. 30].

Если механика социальной превенции как структурный элемент философского знания о социальной превенции исследует статические закономерности, постоянно проявляющиеся в социальной превенции как феномене общества, то содержанием третьего «отдела» – генетики социальной превенции – будет знание о происхождении и развитии социальной превенции как феномене общества и знание её постоянных тенденций, проявляющихся в историческом развитии общества.

С точки зрения философского знания о социальной превенции наибольший интерес вызывает четвёртый «отдел» – политика социальной превенции, содержащий концептуальное осмысление научно-прикладного знания различных средств и способов социальной превенции, пользуясь которыми можно «достигать цели улучшения общественной жизни и человека», а также содействовать в современном обществе в целом «росту человеческого счастья, увеличению культурных ценностей и ускорению общественного прогресса» [35, с. 30].

Смысловая направленность содержания этого «отдела» выводит исследование на *четвёртый уровень* строения философского знания о социальной превенции, который представлен теоретической и практической социальной превенцией, т.е. знанием о проявлениях социальной превенции в современном обществе с точки зрения *сущего* («теоретическая социальная превенция») и с точки зрения *должного* («практическая социальная превенция»). Метафорически образным и содержательно точным по поводу соотношения теоретической и практической социальной превенции является сравнение, использованное В. В. Розановым: «... как в механике есть

голая механика, изучающая отношения точек, линий, скоростей и пр. в отвлечённой чистоте, и есть прикладная механика, строящая мосты и железные дороги» [29, с. 104].

Следуя методологии исследования социальных явлений П. А. Сорокина [34, с. 37], политика социальной превенции оказывается практической социальной превенцией и в этом качестве рассматривается как элемент структуры философского знания о социальной превенции. Аналогичный подход к исследованию социальных явлений предлагал А. М. Щербина, называя его «методологией этики». Он считал, что в определённый момент в обществе возникает необходимость создать правила, которые, сообразуясь с наличными условиями, регулировали бы жизнь людей и содействовали бы достижению поставленной ими цели. Таким образом, автор приходит к идее практической дисциплины, которую он называл «моральной технологией» [44, с. 592].

При этом он понимал как необходимость наличие в обществе «правил благоразумия», указывающих наиболее оптимальный путь достижения людьми желаемой цели («такой желательной для всех целью чаще всего, как известно, признавалось благополучие или счастье»). В связи с этим обстоятельством А. М. Щербина считал необходимым строго различать в исследовании «моральную технологию» и «также практическую, или техническую дисциплину, выясняющую пригодные для нас правила благоразумия» – «технологию благоразумия» [44, с. 593], которая по смысловой направленности аналогична практической социальной превенции в структуре философского знания о социальной превенции.

Предметом социально-философского анализа становятся способы, приёмы и средства предотвращения различных видов социальной аномии, содействия осуществлению рациональных реформ во всех сферах общественной жизни, использования социального капитала. В этом случае знания теоретической социальной превенции являются основой осмысления «возможности управлять социальными силами, утилизировать их сообразно поставленным целям» [34, с. 42]. В качестве примера выступает «контейнерная модель общества» как исследовательская парадигма. В основе этой модели лежит взгляд на общество как на совокупность замкнутых в себе социальных групп – «контейнеров».

Её главная особенность в настоящее время состоит в том, что она перманентно самовоспроизводится в общественных дискурсах,

различного рода столкновениях и конфликтах. При этом современные социально-гуманитарные науки имеют возможность получить принципиально новый подход к изучению социальной сферы бытия в целом, а также способ отойти от методологического догматизма в понимании перспектив предотвращения различных видов социальной аномии [16, с. 15–16].

Завершающий уровень строения философского знания о социальной превенции возвращает к идее формирования «структурных профилей» содержания этого знания и представлен моделями социальной превенции как социального феномена и феномена философской мысли. Концепция основных моделей социальной реальности К. С. Пигрова сводится к признанию того, что принципы классификации моделей эмпиричны, и исходит из того, что «в известной мере основанием классификации служит понятие социальной субстанции, т.е. того, что существует благодаря самому себе и в самом себе» [26, с. 100].

При этом автор обращает внимание на то, что исследователь социальных проблем современного общества не может указать единое основание, по которому классифицируются модели. По его мнению, речь может идти об «эмпирической типологии, базирующейся на достаточно субъективном и ограниченном наблюдении современной социальной философии» [25, с. 58]. Вышеназванная концепция даёт основание включить в структуру философского знания о социальной превенции интерпретацию содержания основных моделей социальной реальности – «деятельностной», «натуралистической», «реалистической (идеалистической)» и «феноменологической».

Деятельностная (материалистическая, прагматическая, культурологическая и т.п.) модель социальной превенции формируется на утверждении о том, что источник изменений содержания социальной превенции находится в самом обществе, поскольку в процессе человеческой деятельности создаются основы для таких изменений. К таким основам относятся, в частности, интересы людей. В статье, написанной между февралём и октябрём 1917 г., А. В. Луначарский отмечал, что «только отойдя на известное расстояние, только в роли холодного исследователя сторонний человек замечает большие социальные образования, ярко просвечивающие сквозь случайное и исключительное, и, классифицируя мирозерцания, продукты искусства и т.д., –

находит, что основой для сходных форм служат сходные же сознательные и бессознательные интересы» [17, с. 89].

Из концепции К. С. Пигрова следует, что деятельностная модель любой стороны социальной реальности не является «субстанциалистской» и место той или иной «социальной субстанции» в ней занимает «ситуация» [26, с. 101]. Обращающая на себя внимание неопределённость автора относительно принципа «замещения ситуацией субстанции» как теоретической основы данной модели, не отменяет при этом перспективности понимания социальной превенции как ситуационного проявления конкретных видов деятельности в современном обществе, поскольку социальную реальность создаёт именно человеческая деятельность.

В современной социальной философии сложился «субстанциально-деятельностный подход», выступающий инструментом понятийной оптимизации социального знания. К. Х. Момджян считает «субстанцией социального мира» деятельность общественного человека, создающую «из себя и для себя» все формообразования общественной жизни, её субъектные, объектные, организационные, атрибутивные, таксономические и прочие проявления. По мнению автора, понимание того, что «всё существующее в социальной реальности представляет собой модус, атрибут или акциденцию деятельности», позволяет исследователям обнаружить «объективные логические связи и взаимопереходы между категориями философско-социологического знания» [22, с. 71–72].

Если следовать логике рассуждений К. С. Пигрова, то в отличие от деятельностной модели «реалистическая (идеалистическая)» и «натуралистическая» модели социальной превенции, по сути, оказываются «субстанциалистскими», поскольку их основой является так или иначе понимаемая субстанция (трансцендентное начало в одном случае и окружающая среда как средство существования общества в другом случае), выступающая конечной причиной всего, что связано с содержанием социальной превенции как феномена современного общества. К. С. Пигров исходит из того, что натуралистическая модель раскрывает «сущностную связь человека и социума с окружающей средой» и она имеет трансцендентальный характер в том смысле, что окружающая среда понимается в ней как «тотальное средство и только средство для выживания "субъекта", которым оказывается общество» [26, с. 110, 113].

Реалистическая модель социальной превенции отражает своим содержанием аксиологический аспект социальной философии. Считается, что через эту модель осуществляется познание общества «в свете наивысших метафизических идей» и при этом реалистическая модель обнаруживается в самых различных, существенно различающихся, формах. К примеру, реалистическую модель социальной превенции представляет и философия справедливости Дж. Ролза, и традиция русской религиозной философии. А. В. Гулыга считал, что в русской религиозной философии сконцентрировано внимание на главной человеческой проблеме: «смысл жизни – преодоление смерти». В связи с этим русская философия проявляет себя как философия положительного идеала, и она современна, поскольку «указывает людям достойный путь – создание высокой человеческой общности» [10, с. 7–8].

Современность русской философии в этом значении объясняет необходимость определить методологические основы анализа «поливариантности смысла жизни» и сформировать «смысло-жизненную матрицу» как систему фундаментальных мировоззренческих ориентиров современного общества [23]. Знание о социальной превенции в структуре русской социальной философии оказывается знанием философии положительного идеала, и необходимость его концептуального обоснования объясняется тем, что содержание философского знания о социальной превенции несёт в себе вариант ответа на вопрос о достойном пути человека в общественной жизни.

И. Н. Сиземская фиксирует два теоретических измерения проблемы общественного идеала: эпистемологический и философско-исторический. По её мнению, философский концепт общественного идеала утверждает научную правомерность оценки исторических событий и социальной реальности с позиций нравственного сознания и общечеловеческих представлений о должном. Применение этого концепта в социально-гуманитарных исследованиях позволяет понять историю человечества и отдельных народов как целостное Бытие, смысловым стержнем которого является движение от прошлого к настоящему и от него к будущему, к совершенным формам социального общежития. Такое направление было представлено в русской философской мысли исследованиями, соотносившими движение истории и сопутствующие ей общественные трансформации с интересами развития и творческой самореализацией человека [32].

К. С. Пигров обращает внимание на то, что реалистическая модель социальной реальности «открывает роль религии, конфессии, веры, религиозности для понимания социума» [26, с. 110]. В связи с этим исследование содержания реалистической модели социальной превенции позволяет обратиться к русской религиозной философии для понимания философского анализа социальной превенции со следующих позиций: исторический контекст существования темы осмысления феномена социальной превенции, феномен социальной превенции как сущий, мыслимый и действующий.

В этом случае позиция философски мыслимого феномена социальной превенции означает, прежде всего, исследование содержания философского знания о социальной превенции. Реалистическое (религиозно-идеалистическое) объяснение общества в той или иной форме постоянно присутствует в русской социальной философии. Это объясняется тем, что процессы глобализации и связанные с ней последствия меняют ранее привычную религиозную картину, происходит, по мнению современных исследователей, «изменение религиозного ландшафта». Во многом это связано с вызовами времени, с неизбежными поисками новых идентичностей, с трансформацией государственно-конфессиональных отношений в прошлом и настоящем в условиях «постсекулярного глобального мира», светскости государства, поликонфессиональности и многонациональности современной России [20].

В целом для реалистической и натуралистической моделей социальной превенции существенна идея социального детерминизма для понимания содержания феномена социальной превенции. Как было отмечено, в реалистической модели критерий развития социальной превенции проявляет себя в исследовании содержания духовной культуры, религиозности населения, нравственного совершенства человека [26, с. 167]. Кроме того, с помощью натуралистических представлений эффективно исследуется ряд социальных проблем, имеющих отношение к социальной превенции, в частности проблема адаптации человека в современном обществе.

Особенно актуален анализ социальных явлений, ярко выраженных в период пандемии COVID-19. В рамках этого анализа активно обсуждается феномен дисциплинированного субъекта, действия которого регулируются рекомендациями государственных органов (карантин, самоизоляция и социальное дистанцирование, вакцинация); вопрос о свободе передвижения людей и их действий;

тема отчуждения и бегства от Другого, которые особенно стали актуальны во время пандемии, хотя пандемия не является первичной причиной возникновения данных явлений [28].

Что касается феноменологической модели социальной превенции, то она представляет собой попытку объяснить этот феномен современного общества из его собственного содержания, поскольку с позиций феноменологии нет никакого основания (или об этом основании ничего неизвестно), которое бы определяло существование превенции в обществе. Социальная превенция существует в «социально организованных актах интерпретации, в интерпретативных процедурах», она сконструирована и постоянно «конституируется в процессах (процедурах) интерпретаций участников». Таким образом, социальная превенция оказывается не просто конституированным феноменом, но конституированным особым способом – «конституированным смыслами». Внешне фиксируемым критерием развития социальной превенции в этом случае считается способность человека «постигать смыслы, присутствующие в обществе» [26, с. 147].

Одной из форм такого постижения является страдание, которое понимается как «конструктивный элемент», формируемый историческими тенденциями и социальными условиями, и «структурно-динамическая характеристика культурного развития личности». Феномен страдания рассматривается как своеобразный социокультурный «фильтр», с помощью которого личностный опыт переводится на язык духовно-нравственного понимания с учётом того обстоятельства, что сущность страдания зависит от особенностей отдельной личности и характера её отношений с социальной средой [5].

Концептуальное знание, которое заключено в содержании каждой из моделей конкретных проявлений социальной реальности, имеет значение для понимания структуры и содержания философского знания о социальной превенции, что объясняется происходящими трансформациями в развитии научного знания и его роли в современном обществе. В. С. Стёпин, рассуждая о тенденциях и перспективах развития научного знания, обратил внимание на то, что «идеи, даже казавшиеся маргинальными, могут получить новую интерпретацию, которая выделит в них элементы истинного знания и включит эти элементы в новый мейнстрим» [38, с. 9]. Такой концептуальный подход положен в основу формирования структуры философского знания о феномене социальной превенции.

Рассмотренный уровень строения философского знания о социальной превенции следует определить как уровень концептуальных и методологических оснований, завершающий структурирование содержания философского знания о социальной превенции и дающий возможность определить дальнейшее направление исследования феномена социальной превенции – его типологизацию и обоснование такой типологизации. Возможность провести типологизацию социальной превенции в русской социальной философии определяется пониманием самого метода исследования как «типа знания о действиях, необходимых для получения новых единиц знания» [27, с. 81].

Существует мнение, что единицы теоретического знания являются средством построения различного рода структурных профилей социально-философского знания, в том числе и вышеназванных структурных профилей философского знания о социальной превенции. Такое мнение требует интерпретации с точки зрения принципа историзма, который в широком смысле предполагает рассмотрение явлений в их развитии и в связи с конкретными обстоятельствами изучаемого прошлого. Первоначально может показаться, что для русской социальной философии конца XIX – начала XX в. был типичен историзм в узком смысле, т.е. взгляд на историю как, прежде всего, историю «духа» [31, с. 24]. В действительности эволюция исследования структуры и содержания философского феномена социальной превенции шла на основе «принципа историзма в широком смысле» и предполагает более точное понимание.

Считается, что состояние общественной мысли в России начала XX в. было подготовлено полемикой конца XIX в. и определялось «реакцией на поверхностно-схематичные системы позитивизма и "социологии" 1860-70-х гг., которые рассматривали человеческую личность с сугубо утилитарной точки зрения» [30, с. 35]. В 1880-е гг. Н. Я. Грот обращал внимание на то, что «господствует недоверие к метафизическим системам», которое объяснялось «фантастичностью и туманностью этих систем». Автор считал необходимым «очнуться от позитивного террора, который овладел обществом в последние десятилетия», поскольку, по его мнению, собственно о «личности человека в системах социологов речи и не шло», а человек скорее был «некоей абстрактной статистической единицей» [6, с. 388].

Таким образом, если, по мнению А. М. Руткевича, начало XX в. для европейской философии стало временем преодоления истории и философии «духа» на основе философской критики, которая была связана в первую очередь с релятивизмом, то для русской социальной философии оно стало временем сбалансированного сосуществования «позитивизма» и «метафизики» в их понимании актуальных социально-политических проблем российского общества. В эволюции понимания структуры и содержания философского знания о социальной превенции можно определить, перефразируя П. П. Соколова, «три главных периода, которые гегельянец мог бы подвести под известную схему тезиса, антитезиса и синтеза: период позитивизма, период метафизического идеализма и период примирения позитивизма и идеализма в духе современной научной философии» [33, с. 74].

К примеру, Н. И. Кареев старался проследить, как в современных ему социально-гуманитарных науках формировались два направления: теоретическое (дедуктивный метод) и историческое, или научное (индуктивный метод). Он считал, что развитие науки об обществе следует позитивистскому сценарию: переход от метафизики к познанию, основанному на фактах, т.е. эмпирическому [12, с. 94–95]. На позитивистском подходе к идее исторического материализма и марксизма в целом основаны идеи исторического развития общества А. А. Богданова, которые воплотились в его концепции эмпириомонизма и в дальнейшем всеобщей организационной науке – тектологии [18].

И. И. Евлампиев в проведённом целостном анализе развития русской философии в наиболее плодотворный период её развития (XIX – начало XX в.) обращает внимание на самый принципиальный момент воззрений русских мыслителей – на их представления об Абсолюте и отношениях человека с Абсолютом [13]. Одна из особенностей современной философии – возрождение интереса к классическим метафизическим проблемам (природы ментального, свободы воли, времени) и их активное обсуждение. По-прежнему актуальными остаются два основных вопроса, без ответа на которые невозможно говорить о том, что решение любой метафизической проблемы является когерентным, т.е. соответствующим философскому принципу, который заключается в утверждении, что всё существующее находится во взаимосвязи.

Это вопросы: «Возможна ли вообще метафизика в качестве позитивного знания о реальности?», «Если метафизика возможна, то каким образом?». Наличие в современной философии различных подходов к пониманию метафизики не означает, что на метафизические вопросы вообще невозможно дать когерентные в теоретико-методологическом отношении ответы. Существует мнение, что перспективы метафизики могут быть связаны с поиском иных точек отсчёта, чем те, которые обычно используются в современных дискуссиях [14, с. 73–74].

Собственный вариант сбалансированного сосуществования «позитивизма» и «метафизики» в социальном познании общества предлагал Р. Ю. Виппер. Период эволюции знания о социальных явлениях, который он называл «социологическим», отличается от предыдущего периода, для которого было характерным познание «неопределённого целого, человечества». Р. Ю. Виппер считал «социологический» период более перспективным с позиций исследования социальных явлений, поскольку в этот период «наметилась новая научная цель: разбить это целое на нормальные, живучие группы, отыскать пути развития отдельных групп, сравнить их друг с другом, найти между ними сходство, аналогичные ступени и на основании их отыскать в развитии групп движущие, возобновляющиеся деятельные силы, «причины» явлений, «факторы» явлений [8, с. 478].

По сути, речь идёт не столько о периоде эволюции взглядов на структуру научно-философского знания о социальной превенции, сколько о концептуальном подходе к формированию структурных профилей социально-философского знания о превенции в обществе. Такой подход оказывается по своему функциональному назначению не только «социологическим», но в большей степени «конкретно-теоретическим». Он предполагает обобщающий анализ различных мнений в интерпретации причин ключевых событий социальной жизни общества, их социокультурных и исторических итогов. Считается, что в широком разбросе политических, идеологических, религиозных интенций аксиологический ракурс исследования таких социальных событий даёт возможность увидеть ту глубинную трансформацию, которая изменяет конфигурацию ценностных приоритетов общества в конкретный период его истории [7].

Таким образом, при определении основных структурных профилей социально-философского знания о превенции в обществе ос-

новой исследования является концептуальный подход, согласно которому философское и научно-теоретическое знание о социальной превенции в современном российском обществе представляет собой определённого рода структуру изучаемых русской социальной философией объектов. Такое по своей сути концептуальное знание о социальной превенции оказывается не только средством для построения определённых структурных профилей более абстрагированного социально-философского знания. Оно само является структурным профилем социальной превенции как объекта исследования. Содержание знания в таком структурном профиле в ходе исследования может фиксироваться, анализироваться и интерпретироваться.

Список литературы

1. Антипов, Г. А. Философия хозяйства 2.0 : монография / Г. А. Антипов. – Новосибирск : Изд-во НГУЭиУ «НИНХ», 2020. – 240 с.
2. Бадмаева, М. В. Социальная философия Питирима Сорокина: сущность и особенности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Бадмаева М. В. – Улан-Удэ : БГУ, 2006. – 44 с.
3. Барлыбаев, Х. А. О философии солидарных отношений / Х. А. Барлыбаев // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – С. 37–46.
4. Барлыбаев, Х. А. Философия солидарности. Анти-Хантингтон. Солидарология / Х. А. Барлыбаев. – М. : Научная библиотека, 2018. – 498 с.
5. Безчастный, К. В. Экзистенциализация страдания : монография / К. В. Безчастный. – М. : Русайнс, 2022. – 244 с.
6. Грот, Н. О душе в связи с современными учениями о силе / Н. Грот // Русская мысль. – 1886. – Кн. VI. – С. 388.
7. Богатырёв, Д. К. Духовный смысл русской революции: столетняя ретроспектива : монография / Д. К. Богатырёв. – СПб. : Изд-во РХГА, 2018. – 108 с.
8. Виппер, Р. Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания / Р. Ю. Виппер // Вопросы философии и психологии. – 1900. – № 3. – С. 450–480.
9. Громов, И. А. Западная социология : учебник : в 2 ч. / И. А. Громов, В. А. Семёнов. – М. : Юрайт, 2018. – Ч. 2. – 303 с.
10. Гулыга, А. В. Русская идея и её творцы : монография / А. В. Гулыга. – М. : Сора́тник, 1995. – 310 с.

11. Гусейнов, А. А. Философия между наукой и религией / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 4–10.
12. Долгова, Е. А. Теоретические гуманитарные науки (по материалам рукописи Н. И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук») / Е. А. Долгова, А. В. Малинов, В. В. Слискова // Вопросы философии. – 2021. – № 5. – С. 94–107.
13. Евлампиев, И. И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта : монография / И. И. Евлампиев. – 2-е изд. – СПб. : Изд-во РХГА, 2020. – 920 с.
14. Зима, В. Н. Объективное время и перспективы современной метафизики / В. Н. Зима // Вопросы философии. – 2022. – № 4. – С. 83–92.
15. Зюзев, Н. Ф. Философия Питирима Сорокина : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Зюзев Н. Ф. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. – 39 с.
16. Клепикова, Л. В. Контейнерная модель общества как исследовательская парадигма / Л. В. Клепикова, С. Н. Климов // Вопросы философии. – 2021. – № 8. – С. 15–24.
17. Луначарский, А. В. Культурные задачи рабочего класса. Культура общечеловеческая и классовая / А. В. Луначарский // Луначарский А. В. I. Идеализм и материализм. II. Культура буржуазная, переходная и социалистическая : сборник статей – М.-Л. : Красная новь, 1924. – С. 86–112.
18. Локтионов, М. В. Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом : монография / М. В. Локтионов. – М. : Изд-во ИФ РАН, 2018. – 135 с.
19. Лютославский, В. Ф. О значении и задачах истории философии / В. Ф. Лютославский // Вопросы философии и психологии. – 1890. – №. 3. – С. 45–63.
20. Многообразие религиозных форм современной России : коллективная монография / отв. ред. В. А. Егоров. – СПб. : Изд-во РХГА, 2022. – 248 с.
21. Момджян, К. Х. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? / К. Х. Момджян, Д. Г. Подвойский, В. С. Кржевов, А. Ю. Антоновский, Р. Э. Бараш // Вопросы философии. – 2016. – № 1. – С. 17–42.
22. Момджян, К. Х. Субстанциальный подход в теоретическом общественном знании, его необходимость и принципы / К. Х. Момджян // Вопросы философии. – 2022. – № 2. – С. 71–82.

23. Озеров, А. А. Концептуальные основания проблемы смысла жизни : монография / А. А. Озеров. – М. : Изд-во СГУ, 2011. – 247 с.
24. Орехов, А. М. Социальная философия. Предмет, структурные профили и вызовы на рубеже XXI века : монография / А. М. Орехов. – М. : Либроком, 2011. – 272 с.
25. Очерки социальной философии : учебное пособие / под ред. К. С. Пигрова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. – 288 с.
26. Пигров, К. С. Социальная философия : учебник / К. С. Пигров. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. – 296 с.
27. Ракитов, А. И. Курс лекций по логике науки : учебник / А. И. Ракитов. – М. : Высшая школа, 1971. – 176 с.
28. Ракопяц, М. Анализ социальных явлений, связанных с пандемией COVID-19 / М. Ракопяц, П. Живкович, Б. Раделич, В. Бакрач // Вопросы философии. – 2022. – № 3. – С. 64–70.
29. Розанов, В. В. О христианском аскетизме / В. В. Розанов // Русская мысль. – 1908. – Кн. V. – С. 103–110.
30. Русские философы (конец XIX – середина XX века) : антология. Выпуск 2 / сост.: С. Б. Неволин, Л. Г. Филонова. – М. : Книжная палата, 1994. – 424 с.
31. Руткевич, А. М. Историзм и его критики / А. М. Руткевич // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – С. 24–36.
32. Сиземская, И. Н. Общественный идеал как априорный концепт отечественной философии истории (вторая половина XIX – начало XX века) / И. Н. Сиземская // Полилог. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 31–40.
33. Соколов, П. П. Н. Я. Грот как мыслитель / П. П. Соколов // Вопросы философии и психологии. – 1900. – № 1. – С. 74–100.
34. Сорокин, П. Система социологии. Том I. Социальная политика. Часть I. Учение о строении простейшего (родового) социального явления : монография // П. Сорокин. – Петроград : Колос, 1920. – 360 с.
35. Сорокин, П. А. Социология № 1 / П. А. Сорокин // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов ; пер. с англ. – М. : Политиздат, 1992. – С. 27–32.

36. Сорокин, П. А. Структурная социология : монография / П. А. Сорокин // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов ; пер. с англ. – М. : Политиздат, 1992. – С. 156–220.
37. Стёпин, В. С. Наука и философия / В. С. Стёпин // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 58–75.
38. Стёпин, В. С. Историко-научные реконструкции: плюрализм и кумулятивная преемственность в развитии научного знания / В. С. Стёпин // Вопросы философии. – 2016. – № 6. – С. 5–14.
39. Челпанов, Г. Г. Шпет. История как проблема логики. Ч. I. Материалы / Г. Челпанов // Вопросы философии и психологии. – 1916. – № 4. – С. 316–324.
40. Чернусь, В. К. Онтологическая система С. Л. Франка / В. К. Чернусь // Вопросы философии. – 2020. – № 11. – С. 133–143.
41. Шпет, Г. Первый опыт логики исторических наук / Г. Шпет // Вопросы философии и психологии. – 1915. – № 3. – С. 378–438.
42. Шпет, Г. Философия и история / Г. Шпет // Вопросы философии и психологии. – 1916. – № 4. – С. 427–439.
43. Щедрина, Т. Г. Проблема понимания исторической реальности (методологический опыт Густава Шпета) / Т. Г. Щедрина // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – С. 90–93.
44. Щербина, А. Методология этики / А. Щербина // Вопросы философии и психологии. – 1913. – № 5. – С. 575–604.

Глава 2.2. Концептуальные аспекты типологизации социальной превенции

Обоснование концептуальных аспектов типологизации социальной превенции предполагает их рассмотрение в единстве на философском, социально-философском, общесоциологическом уровнях, а также сведение в одно целое объяснение разных теоретико-методологических принципов исследования [22, с. 70–71]. При этом наибольший интерес представляют те направления русской социальной философии, в которых феномен социальной превенции в современном обществе анализируется в его системности, целостности, исторических и актуальных типах осуществления. Такой анализ

стал возможен в том числе благодаря отказу от традиционного для классической философии понимания телеологии как финализма (учения о конечных целях развития), имевший результатом формирование неклассического варианта понимания смысла этого принципа, в котором акцент ставится (например, в русской философии всеединства) на целостности процесса развития, а не на его конечной цели [4].

Типологизация социальной превенции как феномена философской мысли представляет собой умозрительную группировку ряда социальных объектов, имеющих отношение к социально-превентивной деятельности в современном обществе, по наиболее существенным и сходным для них признакам. Она оказывается способом выявления сходства и различия целого ряда социальных объектов, поиском критериев их упорядочивания в социально-философском исследовании. Результатом типологизации становится выявление конкретных типов социальной превенции: «положительной» превенции, «анти-превенции», «контр-превенции» и «собственно» превенции, т.е. результатом является концептуально обоснованная типология социальной превенции, которая может рассматриваться как форма представления философского знания о социальной превенции.

Основой типологизации социальной превенции являются те концепции русской социальной философии, которые дают возможность рассмотреть социальную превенцию как качественное состояние практического гуманизма современного общества. Но в русской социальной философии не осталось без внимания то обстоятельство, что складывающаяся в обществе система социально-превентивных отношений автоматически не гарантирует защиты от противостоящих социальной превенции тенденций социальной жизни современного общества. В связи с этим концептуальное знание о социальной превенции также ориентирует на исследование природы «анти-превенции» в современном обществе, а выявление сути социальной превенции предполагает обращение исследователя к её антиподу.

Помимо этого типология социальной превенции оказывается сферой сопоставления знания о «превенции» со знанием о «теоретической анти-превенции». Социальная превенция как философский феномен включает в своё содержание результат научно-теоретического сопоставления «превенции» и «анти-превенции», который заключён не столько в обосновании «анти-превенции» как отдельной качественной характеристики состояния современного общества,

сколько в понимании сути «анти-превенции», состоящей в неприятии метафизичности тех исходных посылок, с которыми конкретные направления русской социальной философии традиционно связывали содержание и структуру социальной превенции.

Концептуальный подход к исследованию социальных проблем современного общества, условно называемый «теоретическая анти-превенция», основан на признании необходимости постоянного изучения актуальных феноменов социальной действительности вместо метафизических рассуждений о них с позиции однажды сформированного мнения. «Теоретическая анти-превенция» претендует на своё понимание социально-превентивных проблем современного общества и человека в современном обществе. «Теоретическая анти-превенция» оказывается, по существу, концептуальным подходом, не признающим той аргументации роли и места социальной превенции в современном обществе, которая основана преимущественно на моральных или этических постулатах, и претендующим на доказательство с помощью научно-философской аргументации.

Главная идея так понимаемой «теоретической анти-превенции» связана с убеждённостью в том, что преобладающий «морализм» или «этизм» метафизической аргументации статуса превенции в обществе устраняет в исследовании типов социальной превенции подлинное теоретическое понимание целого ряда социально-превентивных проблем современного общества. «Теоретическая анти-превенция» даёт возможность исследовать типологию социальной превенции, используя концептуальный подход, согласно которому все логически последовательные по своему содержанию типы социальной превенции («положительная» превенция – «анти-превенция» – «контр-превенция» – «собственно» превенция) представляют собой конкретные формы отражения постоянно проявляющейся в обществе социальной оппозиции «социально-детерминированная деструкция – социальная превенция».

О. А. Кармадонов исследует эту оппозицию в практике человеческого бытия и философском осмыслении, обращая внимание на онтологические и социально-эпистемологические основания социальной оппозиции как противопоставления, воплощённого в повседневной практике общественных отношений. Названная социальная оппозиция, по его мнению, является «феноменом повседневности», она формируется и поддерживается за счёт «процесса социального оппонирования», под которым понимаются действия, направленные

на «достижение возможного баланса в системе общественных отношений там и тогда, где и когда имеет место осязаемое нарушение такового» [5, с. 54–55].

Данная социальная оппозиция включает в себя такие «универсальные противоположности», как революция – эволюция, война – мир, деспотизм – либерализм, догматизм – плюрализм, толерантность – интолерантность, тоталитаризм – демократия и др. О. А. Кармадонов считает, что именно «степень пропорциональности, уравновешенности» в данных «бинарных категориях» определяет и характер общественного устройства с точки зрения уровня его социальной справедливости [5, с. 56]. Концепция О. А. Кармадонова даёт возможность исследовать социальную оппозицию в современном обществе «социально-детерминированная деструкция – социальная превенция» в качестве основы типологии социальной превенции.

В одном случае исследование ориентируется на то, что деструктивность и превентивность являются свойствами, заложенными в самой природе человека. В другом случае предполагается, что стремление к разрушению или предупреждению не присуще природе человека изначально. Такое стремление формируется в результате социального образа жизни человека и проявляет себя как социальное научение. Следовательно, изменяющиеся социальные условия и обстоятельства влияют как на социально-деструктивную, так и социально-превентивную составляющие жизнедеятельность человека.

И. В. Лысак считает, что недостатком фундаментальной работы Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности» [23], в которой обнаруживающая себя в обществе оппозиция «деструкция – превенция» рассматривается опосредованно, является то, что основное внимание её автор уделяет лишь психологическим и социокультурным основаниям исследуемого феномена деструктивности. Следует заметить, что с точки зрения философского исследования социальной оппозиции «социально-детерминированная деструкция – социальная превенция» внимание исследователя к социокультурным основаниям феноменов деструктивности и превентивности в обществе следует считать очевидным достоинством указанной работы Э. Фромма.

Кроме того, в концепции И. В. Лысак деструкция понимается преимущественно как характеристика поведения человека и в меньшей степени исследуется как социальный феномен [12, с. 9–10].

Очевидно, что психологический аспект социальной превенции необходимо учитывать при исследовании её типологии в целом и отдельных типов в частности, но при этом его роль и значение не следует преувеличивать, поскольку социальная превенция является, прежде всего, феноменом современного общества и уже во вторую очередь оказывается характеристикой и качеством социального поведения индивидов как социальных субъектов общества.

Может возникнуть предположение, что «анти-превенция» и «контр-превенция» относятся к содержанию того, что И. В. Лысак определяет как «деструктивную деятельность современного человека». Но при таком предположении ставится под сомнение существование в обществе социальной оппозиции «социально-детерминированная деструкция – социальная превенция», поскольку «анти-превенция» и «контр-превенция» проявляют себя как типы социальной превенции и, следовательно, не могут быть рассмотрены как составные части социально-детерминированной деструкции.

Типологизация социальной превенции возможна в том случае, когда сохраняется содержание названной социальной оппозиции, поскольку там, где и когда в современном обществе обнаруживает себя социально-детерминированная деструктивность, там же должна в конкретном виде проявить и обнаружить себя социальная превенция как ответная реакция на такую деструктивность со стороны отдельного индивида (социального субъекта), социальной общности или общества в целом, в том числе политически организованного общества – государства – через оформленную соответствующим образом и реализуемую социальную политику.

Таким образом, социально-детерминированная деструкция и социальная превенция проявляют себя как конкретный случай социальной оппозиции в обществе в том её понимании, которое предложил в своей концепции О. А. Кармадонов. В свою очередь, на основе этого конкретного случая социальной оппозиции становится возможным анализ типов социальной превенции: «положительная» превенция, «анти-превенция», «контр-превенция» и «собственно» превенция. О. А. Кармадонов исходит из того, что любая социальная оппозиция может носить формальный и неформальный характер. Но существует вместе с тем и третий вид социальной оппозиции, которую автор считает возможным назвать «аформальной», т.е. представляющей собой «слаборефлексивную практику общества» [5, с. 59–60].

Такой концептуальный подход даёт возможность выделить в типологии социальной превенции соответственно формальный, неформальный и аформальный типы. Терминологически «формальный» в данном случае означает «внешний», «проявляющийся в установленном порядке». «Неформальный» интерпретируется как «неопределяемый формальным статусом», «неофициальный», «частный», возникающий и существующий наряду с формальным, спонтанно сложившийся. «Аформальный» предполагает отрицание, противопоставление «формальному», нахождение вне формы или её отсутствие. В результате возможны два варианта рассмотрения типологии социальной превенции, основанные на различающихся концептуальных подходах.

Один вариант допускает наличие трёх видов социальной превенции – «собственно превенция», «анти-превенция», «контр-превенция» – и в каждом виде социальной превенции – трёх типов: формального, неформального и аформального. Другой вариант типологии социальной превенции не предполагает сочетания видов и типов, но допускает сочетание в одном типе как минимум двух позиций для рассмотрения его содержания. В этом случае типология социальной превенции состоит из четырёх типов: тип формальной или «позитивной» социальной превенции; тип неформальной социальной превенции («анти-превенции» или «лже-превенции»); тип аформальной социальной превенции или «контр-превенции»; тип идеальной или «собственно» социальной превенции.

Для дальнейшего анализа содержания социальной превенции как феномена философской мысли предпочтительнее выбрать второй вариант типологии социальной превенции, в основу которого положено соотношение эволюции, революции и превенции. Такое соотношение учитывает то обстоятельство, что содержание русской социальной философии отражает сущностную противоположность между революцией и превенцией как социальными феноменами, в которой революция выступает отрицанием социальной превенции в её развитии. В частности, русская социальная философия как «общественная философия представляет собой приложение начал разума к исследованию общественных явлений» [14, с. 146] и обнаруживает различия в подходах к пониманию соотношения революции и социальной превенции как феноменов российского общества первой четверти XX в.

Проблема анализа в итоге заключена в определении – являются ли эти социальные феномены по своей сути противоречивыми или противоположными и является ли социальная революция отрицанием социальной превенции. Предположение, что любая социальная революция в тенденции является деструктивной по отношению к социальной превенции, основано на понимании того, что собственно представляет собой превенция в обществе. Русская социальная философия отражает своим содержанием опыт осмысления социальной революции как феномена *иного* социальной превенции по своему содержанию; как её смыслового оппозиционирования; как обозначения противодействия её сущности через отдельные формы умозрительности.

Таким образом, в русской социальной философии революция не рассматривается как противоречие социальной превенции в той мере, в какой вся общественная жизнь характеризуется либо состоянием революции, либо состоянием превенции. Но социальная превенция противоположна социальной революции, равно как противоположна и другому качественному состоянию общества – социальной эволюции. В этом случае революция воспринимается как отрицание социальной превенции. Общество, для которого характерно качественное состояние социальной превенции, на определённом этапе своего развития достигает стадии собственного отрицания – состояния социальной революции, т.е. становится качественно иным. Такое самоотрицание через общее содержание и конкретные проявления социальной революции характеризует развитие превенции в обществе как её превращение в качественно иное.

Традиционно в русской социальной философии соотношение понятий революции и превенции ставится в контекст конкретной политической ситуации в стране [1, с. 52]. Духовно-культурные и социально-политические причины возникновения революционных ситуаций в России в начале XX в. заняли центральное место в философских дискуссиях, в которых особое внимание уделяется определению социальных факторов революции [20]. То обстоятельство, что революционные ситуации в стране становятся переломом в развитии общества, а революция является продолжением войны, оказалось для русских мыслителей принципиальным моментом в понимании взаимосвязи между событиями Первой мировой войны и событиями 1917 г. в России.

Революция в России, по мнению, прежде всего, русских религиозных философов, стала по «внутреннему социально-политическому существу болезненным кризисом» в развитии общества, выражением национальной катастрофы, более того, «цивилизационной катастрофы, изменившей бытийный порядок миллионов людей» [2, с. 111–112]. Важно то, что русские философы (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, Ф. А. Степун, Е. Н. Трубецкой и др.) достигли уровня «философизации революции», который позволяет выявить её духовную природу, установить социальную причинность явления и его закономерности, действующие в конкретный момент истории. Проявлявшая себя, по мнению русских религиозных философов, бессмыслица мировой войны и революционного хаоса дополнялась пониманием мотива апокалипсической катастрофы как своеобразной доминанты русского сознания, метафизического смысла революционной катастрофы [3, с. 104].

«Философизация революции» в русской социальной мысли даёт возможность расширить понимание вопроса о соотношении войны и мира (общества), войны и мира, социальной революции и социальной превенции. В. М. Хвостов отмечал, что «самой роковой ошибкой в общественной науке и практике всегда оказывается чрезмерное упрощение и рационализирование общественных процессов и психологии масс» [21, с. 81]. Как результат такого понимания революции, «жизнь постоянно разбивает мечты людей о возможности скоро и просто переменить в корне общественные и политические порядки» [21, с. 83]. Причину возражений своих оппонентов против превенции в пользу революции П. И. Новгородцев видел в том, что «социализм игнорирует иррациональные основы жизни и верит в безусловное торжество социального разума над стихией общественных отношений. ... социализм не может обойтись без признания стихийной сложности жизни» [14, с. 145].

Опыт русской социальной философии в определении соотношения революции и превенции свидетельствует о том, что он основан на идее: постоянно обнаруживающая себя конкретность социальной жизни общества по существу означает динамичность этой жизни. Но из признания динамичности не следует, что в социальной жизни общества можно сделать что-то позитивное насильственным путём в короткий промежуток времени, поскольку таким путём можно многое разрушить, но ничего нельзя принципиально предупредить и создать. Социальное развитие в обществе есть, как пра-

вило, длительный и медленный процесс, так как такое развитие происходит, образно говоря, в «первоначальной ткани общества», в отношении человека к человеку как к субъекту социального действия. Такие фундаментальные изменения не могут быть внезапными, не могут наблюдаться на коротком промежутке времени так, как бывают быстро заметны перемены в политической жизни, прежде всего перемены на уровне политической власти.

Это означает, что социальное развитие общества не является и не может являться результатом социальных катастроф и социальных революций, а может быть лишь результатом социальной эволюции большей или меньшей интенсивности. Однако и социально-эволюционные изменения в обществе оказываются настолько существенными, что влекут за собой изменения в самой логике, в самих принципах подхода к осмыслению социальной превенции. По сути, речь идёт о признании правильности того суждения, что существует промежуточный между революционным и эволюционным, постоянно меняющийся в обществе, превентивный уровень, и обнаруживает себя задача воплощать требования социальной превенции в чём-либо универсальном, общепризнанном и преимущественно соблюдаемом в обществе в данный период его существования (например, это может быть социальное законодательство государства).

Формой мыслительного освоения содержания анти-превенции как типа социальной превенции является «лже-превенция», которая основана на понимании объекта анализа как ложного, мнимого, не настоящего, намеренно выдаваемого за истинное. В этом случае социальная революция воспринимается как феномен лже-превенции, который раскрывается через «субстанциональный» подход в русской социальной философии к пониманию сущности революции, эволюции и превенции. С другой стороны, концептуальное обоснование «контр-превенции» как типа социальной превенции акцентирует исследование на проблеме соотношения войны, мира, мира и превенции. Война может рассматриваться как антипод социальной превенции, как альтернатива социальной превенции в вопросах государственной безопасности и др., но может пониматься как одно из средств достижения в обществе качественного состояния превенции при определённых социальных обстоятельствах и условиях.

Примером последнего выступают идея оправдания войны и представление о войне Востока и Запада как лейтмотиве мировой истории, сформулированные в статье В. С. Соловьёва 1895 г.

«Смысл войны» [13]. Таким примером является и рассмотрение войны в качестве «морального действия» с обращением внимания на происходящую «трансформацию войны», проявляющуюся в том, что «война приобретает абсолютный характер и становится перманентной» [6, с. 14–15]. Современные исследователи, считая войну «сложнейшим социальным и политическим феноменом», к научно-философским «измерениям войны» в социально-политических условиях относят «войну как определённое состояние общества» и «войну как сферу неопределённого, недостоверного».

История войн убеждает в том, что применение военного насилия, связанного с потерей человеческих жизней, с угрозой для существования государства, с многочисленными рисками для общества содержит в себе много неопределённостей, случайностей и недостоверностей [8, с. 9, 15]. А. А. Кокошин, подчёркивая важность задачи предотвращения войны, акцентирует внимание на том, что изучение теоретических и практических аспектов проблемы войны требует постоянного обращения к методологическим стратегиям исследования предмета. В качестве методологических ракурсов проявляют себя, прежде всего, исторический, экономический, социологический и политологический подходы к изучению войн. К ним автор относит исследование военных вопросов с точки зрения состояния системы мировой политики, учёт роли личности в вопросах войны и мира, анализ вопросов войны под углом соотношения военных с невоенными средствами ведения войны [9, с. 5–6].

Следовательно, вариативность подходов к исследованию социальных проблем современного российского общества свидетельствует о возможности осмысления войны и мира в отечественной философии («русская философия войны») в контексте понимания превенции как социального и философского феноменов [7; 10; 15; 19]. Концептуальная позиция названных исследователей даёт основание предположить, что вопрос о том, является или не является война частью содержания «контр-превенции» как типа социальной превенции, конкретизируется в каждом случае отдельно. С этой точки зрения представляет интерес рассмотрение теоретических основ «русской философии войны» конца XIX – начала XX в., в частности, классическое понимание сути Первой мировой войны Е. Н. Трубецким.

Прежде всего, принципиально важно его утверждение, что война может быть «доведена до своего последнего и крайнего предела – до полного разрушения всякой общественности» [17, с. 205].

В этом случае война выступает как «контр-превенция», поскольку сохранение и поддержание общественного устройства и порядка является целью и перспективой достижения в обществе состояния «позитивной» социальной превенции. Е. Н. Трубецкой понимал войну как «начало безусловное и всеобщее, которое царит над всеми, определяет все человеческие отношения», при этом мировая («всеобщая») война сделала явным то начало, которое «составляло основной закон всех взаимоотношений между государствами» [18, с. 247].

На примере России он показывает логику «всемирной войны», обращая особое внимание на то, что, став «всеобщей», она «перешла в войну всех против всех». В результате такого перехода всё общество начинает «жить в состоянии войны» и, как итог, «распались все общественные связи, рухнул весь государственный порядок и внутренний мир» [18, с. 247]. С позиции понимания смысла и назначения социальной превенции в обществе наибольший интерес представляет концептуальное по своей сути установление Е. Н. Трубецким связи между войной, революцией и превенцией в обществе. Он обращает внимание на высокую степень вызванного войной «озверения», которое «разложило общество». Облик «мировой жизни» придала «всеобщая война», а «мир стал адом». Сила «ада», в который превратилось российское общество в результате войны и революции, «познаётся в массовом озверении, в глумлении над человеком и над его святынями, в жестоких пытках побеждённых, в насилиях над женщинами и невинными младенцами» [18, с. 253].

Скорее всего, под «озверением» он понимает не только непосредственные социальные и гуманитарные последствия русской революции 1917 г., но в целом то качественное состояние российского общества, для которого стали характерны острая классовая борьба и явно выраженная анархия. Такое состояние общества определяется как «контр-превенция». Е. Н. Трубецкой считал «несомненным фактом» то, что в России «война родила анархию», которая «представляет собою не что иное, как последовательное применение принципа войны, распространение его на все вообще общественные отношения» [18, с. 247, 253]. Из этого следует, что «анархия» оказывается термином, которым Е. Н. Трубецкой и другие русские философы обозначали в начале XX в. общество на стадии революции.

Следовательно, если война и революционная анархия в обществе могут восприниматься как проявления аформального типа социальной превенции, т.е. «контр-превенции», то мир, отсутствие

войны «рождает» превенцию в обществе. В этом случае общество без войны и сопровождающих её социальных последствий следует анализировать или как результат сформированного типа формальной («позитивной») социальной превенции, или как перспективу социального развития, понимаемую в русской социальной философии как тип идеальной («собственно») социальной превенции. С помощью концептуального анализа содержания «русской философии войны» на основе понимания принципов соотношения эволюции, революции и превенции в русской социальной философии выявляются следующие типы социальной превенции:

1) *«позитивная» превенция*, этому типу соответствует «формальный» характер социальной превенции в социальной оппозиции общества «социально-детерминированная деструкция – социальная превенция»;

2) *«анти-превенция»*, этому типу соответствует «неформальный» характер социальной превенции в социальной оппозиции общества «социально-детерминированная деструкция – социальная превенция»;

3) *«контр-превенция»*, этому типу соответствует «аформальный» характер социальной превенции в социальной оппозиции общества «социально-детерминированная деструкция – социальная превенция»;

4) *«собственно» превенция*, этому типу соответствует «идеальный» характер социальной превенции в социальной оппозиции общества «социально-детерминированная деструкция – социальная превенция».

Выбранный для анализа социальной превенции в русской философии вариант типологии феномена социальной превенции предполагает конкретизацию его теоретического обоснования на основе понимания внутренних связей интервенции, поственции и превенции. Определение такого рода связей даёт возможность в исследовании социальных проблем современного российского общества установить отношение превенции к войне и миру, к войне и миру (обществу), отношение превенции к глобальной и национальной безопасности, отношение превенции к религии, светскому гуманизму, утопизму, тоталитаризму, деспотизму, интолерантности и др. Такая конкретизация концептуального обоснования феномена социальной превенции в обществе дополняется её соотнесением с содержанием выбранного выше варианта типологии социальной превенции.

В одном случае феномен революции относится к содержанию «анти-превенции» как типа социальной превенции, его оппозиция – феномен эволюции – относится к содержанию типа «позитивной» превенции. Тогда феномен войны – это элемент содержания «контр-превенции» как типа социальной превенции, а его оппозиция – феномен мира – относится к содержанию типа «собственно» превенции. В другом случае революция, война, терроризм, деспотизм, аномия и т.д. как феномены относятся к «интервенции», которая проявляет себя через типы социальной превенции – «контр-превенцию» и «анти-превенцию». А эволюция, мир, толерантность, воспитание, духовность, религиозная метафизика и т.д. как феномены относятся к «поственции», которая проявляет себя через типы социальной превенции – «позитивную» превенцию и «собственно» превенцию.

В любом случае концептуальным обоснованием выбранного для анализа варианта типологии социальной превенции в русской философии становится определение интервенции, поственции и превенции как качественных характеристик целого ряда социальных процессов и явлений современного российского общества и установление соотношения между их содержанием. Следует обратить внимание на то, что термины «интервенция» и «поственция» активно используются в конкретно-научных исследованиях, в частности в медицине, клинической психологии и психиатрии. Так, термином «интервенция» обозначается любое действие, совершаемое для того, чтобы прерывать, вмешиваться или изменять происходящий процесс. В свою очередь, термином «поственция» обозначаются усилия по предотвращению повторения конкретного действия, а также предупреждение развития тех или иных последствий. К примеру, поственция суицида преследует цель предотвращения повторения акта аутоагрессии, а также предупреждает развитие посттравматических стрессовых расстройств. Адаптационные по своему характеру задачи поственции в данном случае решаются различными методами, среди которых выделяется кризисная интервенция (методы вмешательства).

Таким образом, по содержанию и функциональной направленности поственция в большей мере связана с превенцией, чем с интервенцией. Именно поэтому П. Д. Тищенко, определяя категориальные основания «персональной медицины», соотносит превенцию с предикцией, видимо, считая, что интервенция и поственция являются производными от превенции. Получается, что в социальном

плане предикция имеет отношение к научно-обоснованным прогнозам функционирования и развития различных социальных структур и институтов, а превенция в этом случае будет «включать как традиционные профилактические мероприятия, так и активную работу по формированию здорового, лично ответственного образа жизни граждан» [16, с. 28].

В русской социальной философии присутствует критика методологии познания социальных феноменов, которая может быть перенесена на критику исследования вопросов соотношения интервенции, поственции и превенции в обществе. Л. М. Лопатин коренным недостатком современных ему научно-философских идей считал их «всеохватывающий и сплошной гипотетизм», т.е. гипотезы берутся в «таком широком масштабе и размахе, что едва ли может быть когда-нибудь речь об их исчерпывающем и действительном доказательстве в этом их виде» [11, с. 11].

Предположение о том, что интервенция и поственция оказываются способом осуществления превенции, может быть принято и использовано в анализе социальной превенции. Но если по внутренней логике принятых в анализе концептуальных и методологических начал имеющийся в русской социальной философии опыт понимания социальной превенции как феномена современного общества объяснить и обосновать такое предположение не может, то от него следует в итоге отказаться. Надо принять во внимание, что при определённых социальных условиях в пересмотре основ сложившегося понимания интервенции и поственции не только не чувствуется потребности, но, более того, всякая серьёзная попытка исследования в этом направлении воспринимается в научно-философской литературе достаточно критично.

Вместе с тем, когда самые коренные вопросы социальной превенции как феномена мысли и как феномена современного общества становятся наиболее актуальными, критическая переоценка подхода к анализу социальной превенции в русской философии, когда-то принятого за концептуальную и методологическую основу, превращается в потребность уже не для отдельных исследователей, а для исследования философского знания о социальной превенции в целом.

Русскую социальную философию всегда характеризовал активный поиск новых решений социальных проблем бытия человека, новых направлений его деятельности, новых форм преодоления противоречий социальной жизни. С таких концептуальных и общеметодологических позиций вышеназванные типы социальной превенции

(«позитивная» превенция, «анти-превенция», «контр-превенция» и «собственно» превенция) будут охарактеризованы в следующей главе по своим социально-онтологическим признакам и преобладающим социально-гносеологическим свойствам.

Список литературы

1. Антонов, К. М. Концепты «культуры» и «политики» в философии раннего С. Л. Франка: вопрос об их взаимоотношении в контексте духовной и интеллектуальной биографии мыслителя / К. М. Антонов // Вопросы философии. – 2018. – № 4. – С. 52–62.
2. Жукова, О. А. О мифологических соблазнах русской истории и культуры / О. А. Жукова // Вопросы философии. – 2010. – № 4. – С. 110–122.
3. Жукова, О. А. Евгений Трубецкой как философ истории: о смысле русской революции / О. А. Жукова // Вопросы философии. – 2017. – № 11. – С. 104–107.
4. Евлампиев, И. И. Телеология в классической и неклассической философии : монография / И. И. Евлампиев, В. А. Куприянов. – СПб. : Изд-во РХГА, 2019. – 308 с.
5. Кармадонов, О. А. Resisto ergo sum: основания и структура социальной оппозиции / О. А. Кармадонов // Вопросы философии. – 2016. – № 12. – С. 53–63.
6. Кашников, Б. Н. Глобальный суверенитет и моральная деградация войны / Б. Н. Кашников // Вопросы философии. – 2020. – № 2. – С. 14–25.
7. Климов, С. Н. Вопросы философии войны в творчестве русских философов / С. Н. Климов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – № 2. – С. 171–178.
8. Кокошин, А. А. Несколько измерений войны / А. А. Кокошин // Вопросы философии. – 2016. – № 8. – С. 5–19.
9. Кокошин, А. А. О некоторых методологических вопросах изучения войн / А. А. Кокошин // Вопросы философии. – 2020. – № 1. – С. 5–17.
10. Ксенофонтов, В. А. Трансформация философии войны / В. А. Ксенофонтов // Научная мысль. – 2020. – Т. 11, № 1-1. – С. 36–46.
11. Лопатин, Л. Неотложные задачи современной мысли / Л. Лопатин // Вопросы философии и психологии. – 1917. – № 1. – С. 1–80.

12. Лысак, И. В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека : монография / И. В. Лысак. – Ростов-н/Д. ; Таганрог : Изд-во СКНЦ ВШ : Изд-во ТРТУ, 2004. – 160 с.
13. Межуев, Б. В. «Смысл войны» Вл. Соловьева и русское общество / Б. В. Межуев // Вопросы философии. – 2021. – № 2. – С. 126–136.
14. Новгородцев, П. Об общественном идеале / П. Новгородцев // Вопросы философии и психологии. – 1917. – № 4-5. – С. 127–154.
15. Тишков, В. А. Великая Победа и советский народ: антропологический анализ / В. А. Тишков // Вопросы философии. – 2020. – № 8. – С. 5–19.
16. Тищенко, П. Д. Категориальные основания ПМ: идеи персонализации, предикции, превенции, партиципации в контексте различных планов телесного страдания / П. Д. Тищенко // Философские проблемы биологии и медицины : сборник статей. – М. : Изд-во МГМСУ, МФО, 2015. – С. 27–28.
17. Трубецкой, Е. Смысл жизни / Е. Трубецкой. – М. : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1918. – 232 с.
18. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой. – Берлин : Слово, 1922. – 282 с.
19. Тугаров, А. Б. Философия войны и мира: методология исследования / А. Б. Тугаров // Современные исследования социальных проблем. – 2021. – Т. 13, № 2-3. – С. 43–50.
20. Философия русской революции : монография / под ред. И. Д. Осипова, С. Н. Погодина. – СПб. : Изд-во СПбПУ, 2017. – 188 с.
21. Хвостов, В. М. Социальная связь / В. М. Хвостов // Вопросы философии и психологии. – 1918. – № 1-2. – С. 49–84.
22. Яблоков, И. Н. Проблемы религии в социологии и философии Питирима Сорокина / И. Н. Яблоков // Вопросы философии. – 2019. – № 3. – С. 69–76.
23. Fromm, E. The Anatomy of Human Destructiveness / E. Fromm. – L. : Jonathan Cape, 1974. – 521 p.

Глава 2.3. Типы социальной превенции в русской социальной философии

Когда в основу типологизации социальной превенции положено понимание роли и значения государства в достижении социальной превенции как качественного состояния общества, то в анализе содержания типов социальной превенции появляется исторический компонент, и они предполагают не только социально-философское, но и историко-философское рассмотрение. Такое предположение, прежде всего, допустимо относительно содержания *типа формальной («позитивной») превенции*, поскольку в этом случае может анализироваться история и актуальные процессы официальной, т.е. осуществляемой на уровне различных институтов государства, социально-превентивной деятельности. По мнению О. А. Кармадонова, любая формальная социальная оппозиция в обществе ориентирована в большей степени на переформатирование существующих властных отношений, поэтому «доминирующая ориентация действия» данного вида социальной оппозиции в обществе может быть определена как «рационально-прагматическая» [14, с. 60–61].

В этом случае к содержанию типа формальной («позитивной») социальной превенции в самом общем виде относится целый ряд социально-политических, социально-экономических и социокультурных процессов, инициируемых государством и положительно влияющих своими результатами на социальное благосостояние населения и социальную стабильность общества. Позиция государства сводится к тому, что снизить негативные последствия деструктивной деятельности человека можно лишь переориентировав её в деятельность превентивную, которая по своей сути является созидательной, творческой. Для того чтобы деструктивная деятельность в обществе не получила широкого распространения, государством должны быть созданы условия для самореализации и продвижения человека по социальной лестнице, должна существовать в обществе разделяемая большинством система ценностей, ориентирующая отдельного индивида на творческую самореализацию, а не на деструкцию [20, с. 158].

Пытаясь целенаправленно и последовательно уменьшать в обществе негативные последствия социально-деструктивной деятельности, государство исходит из того, что социальная активность человека будет неизбежно и постоянно обнаруживать себя. Но в чём

она найдёт свое воплощение – в созидании или разрушении – в значительной мере зависит от общества, от самого человека и от превентивно-направленной социальной политики государства [32, с. 257]. Такая концепция понимания содержания типов социальной превенции обращает анализ социальной превенции в русской философии к тем историческим и историко-философским компонентам анализа формального («позитивного») типа социальной превенции, которые условно могут быть названы «понимание социальной превенции в ранний период советской философии».

М. А. Рейснер смысл «позитивной» социальной превенции видел в такой формальной, т.е. официальной с позиции государства, организации общественной жизни, при которой «на место грубого и насильственного толчка или гнёта становится ясно осознанное убеждение». Он подчёркивал, что «если искать этому процессу аналогию в общественной жизни, то можно бы сказать, что здесь место террора и деспотического угнетения занимает разумная социальная политика, которая обращается непосредственно к самодеятельности самих граждан и находит опору в их рационально-осознанных интересах» [25, с. 18–19].

М. М. Рубинштейн в публикации 1926 г. по конкретно-научной проблематике влияния государства на отдельные аспекты воспитания человека отразил понимание «позитивной» превенции в мысли о том, что вся суть проблемы «передовых педагогов» при социализме «требует социального оздоровления, иначе все меры в массовом масштабе останутся паллиативными» [26, с. 91]. О. А. Ерманский, исследуя проблему участия государства в рационализации и интенсификации труда рабочих, отмечал значение формально-превентивных действий в этом направлении: «... введите правильно организованный трудовой режим ... и для огромного большинства рабочих станет психологически трудным, даже невозможным всякое нарушение этого разумного режима» [10, с. 494].

Современный социально-философский подход к исследованию формального («позитивного») типа социальной превенции предполагает соответствующее концептуальное обоснование и понимание социально-гносеологических задач. А. С. Ахиезер видел задачу исследователя актуальных проблем российского общества в формировании подхода, при котором приоритетным станет понимание «способности общества ... преграждать путь дезорганизации, поддерживать социальное творчество на уровне, соответствующем

социальным опасностям, угрожающим его бытию» [1, с. 4]. Он сформулировал своё понимание «ключа к решению наших проблем», которое рассматривается как выражение сути «позитивной» социально-превентивной деятельности государства и общества: «высокий уровень социального синтеза, как на теоретическом, так и на практическом уровне, способность превзойти и слепое следование изменениям ситуации, и попытки манипулирования реальностью на основе предвзятых схем» [1, с. 19].

Понимание социальной оппозиции в обществе «социально-детерминированная деструкция – социальная превенция» становится основанием для создания теоретической модели формального («позитивного») типа социальной превенции. Содержание такой модели отражает состояние общества, для которого характерна оптимально интегрированная система социальных отношений, обеспечивающая «высокую степень социального сцепления». В таком обществе «люди ощущают себя жизненными частями общества, к которому они принадлежат; они свободны от чувств психосоциальной изоляции, одиночества или забытости». Самым важным в содержании модели оказывается понимание того, что данный «тип социальной организации сдерживает деструктивные тенденции, присущие природе человека» [20, с. 37–38].

Концепция формального («позитивного») типа социальной превенции, отражающая роль и место в превентивно-ориентированной деятельности индивида, государства и общества, нашла своё смысловое обоснование в начале XX в. в рассуждениях П. И. Новгородцева о «практическом деятеле», несущем вместе с другими «бремя исторической действительности». Он писал: «...жизнь не ждёт, она требует равновесия хотя бы относительного. Предлагать и поддерживать подобные формулы относительного жизненного равновесия это значит ... исполнять свой долг пред лицом истории. ... Что бы ни ожидало нас в будущем, но мы живём в настоящем, и обязанность наша должна быть исполнена уже теперь, для этих условий, для этих людей, среди которых мы действуем и осуществляем нашу жизненную задачу» [22, с. 326–327].

Такое понимание абсолютной цели социальной превенции данного типа предполагает быть дополненным его сравнением с *типом неформальной социальной превенции* («анти-превенцией»), поскольку последний оказывается по своему содержанию «непозитивной» социальной превенцией, т.е. «не-превенцией», в известной

мере «лже-превенцией». О. А. Кармадонов считает, что неформальная социальная оппозиция в обществе предполагает критику и осмысление властных отношений как таковых, в основном без претензий на роль субъекта их трансформирования, поэтому ориентация такого типа социальной оппозиции «носит преимущественно катектически-когнитивный характер, т.е. направлена на баланс интересов» [14, с. 61].

Такой подход допустим и обоснован при анализе различных аспектов социальной оппозиции в обществе. Но для исследования типа «анти-превенции» понимаемая таким образом социальная оппозиция в обществе «социально-детерминированная деструкция – социальная превенция» не может быть применена, поскольку она ограничивает анализ социальной превенции в русской философии только областью властных отношений. В результате соотношение в анализе формального и неформального типов социальной превенции с точки зрения их содержания должно происходить на более широкой концептуальной основе. Прежде всего, «анти-превенция» как тип социальной превенции предполагает иное философское истолкование в отличие от ранее упоминавшейся «теоретической анти-превенции». Речь идёт в данном случае не столько о критике метафизического понимания превенции в обществе, сколько о выявлении определённых концептуальных аспектов, позволяющих совершить в анализе социальной превенции переход от объяснения фактологической конкретики феномена анти-превенции в обществе к определённым обобщениям социально-философского характера.

Эти концептуальные аспекты группируются и проявляют себя в форме «социально-специализированной» и «социально-унифицированной» анти-превенции. Предметная область «социально-специализированной» анти-превенции формируется из конкретных, частных, локальных комбинаций социальных условий или обстоятельств. В этом случае проявляет себя «анти-превенция по сути», т.е. принципиально отличный от «позитивного» типа социальной превенции тип понимания социальных проблем современного общества. Концептуальным посылом «социально-специализированной» анти-превенции является принцип интолерантности в обществе, понимаемый как признание обоснованности отрицания социальных и экономических возможностей индивидов в силу их принадлежности к определённой социальной группе.

В свою очередь, «социально-унифицированная» анти-превенция представляет собой открыто политизированный по форме, классово-детерминированный по содержанию подход к феномену социальной превенции, вырастающий из общей комбинации социальных условий и обстоятельств в конкретном обществе. Концептуальным посылом «социально-унифицированной» анти-превенции оказывается, прежде всего, строго классовый подход к пониманию социальных явлений. В этом случае он проявляется в том, что увеличение в обществе количества людей, принадлежащих к одной и той же социальной группе, вместе с усовершенствованием средств воздействия на общественное мнение и манипулирования большими массами людей, приводит к усилению в обществе унификации взглядов на различные социальные проблемы.

Содержание «социально-унифицированной» анти-превенции гипертрофированно раскрывается во взглядах на общество представителей «социалистического периода» русской социальной философии. При анализе социальной превенции показательна эволюция содержания научно-теоретических идей А. В. Луначарского. У автора присутствует сравнение позиции класса, идущего к господству в обществе, и класса, сохраняющего это господство. Он пишет: «... каждый класс для того, чтобы господствовать, должен разрешить некоторые проблемы в интересах всего, общего, целого; но для того, чтобы сохранить своё господство, он должен исказить общие выводы, калечить их, защищая уже те интересы класса, которые идут вразрез и в ущерб всему обществу в целом» [18, с. 176].

В другой связи А. В. Луначарским обосновывается вариант преодоления обществом социальных трудностей и решения социальных проблем: человечество «можно жалеть и любить, но не в том смысле, чтобы бояться совершить над ним операцию, а в том смысле, чтобы ни себя, ни других не жалеть, если ясный ум показывает, что иным путём, кроме пути жертвы, нельзя продвинуться к цели» [17, с. 44]. Помимо этого, «социально-унифицированный» подход приводил его к выводу о том, что «при социализме основой общества явится солидарность», однако в эпоху пролетарской диктатуры «творческим фактором в руках истории» является «социальная ненависть» [19, с. 160].

Конкретным случаем «социально-унифицированной» анти-превенции являются рассуждения А. Б. Залкинда о «деловом коллективизме как лучшем воспитателе чувства полового равенства»,

который сопровождается «непрерывным коллективным контролем за поведением». Он отмечал, что «общая жизнь и работа у всех на виду, и отвлечение в любовную сторону сейчас же будет учтено как трудовой ущерб, как отклонение товарища от совместной спланированной работы» [8, с. 180].

Тип неформальной социальной превенции возвращает исследование к вопросу о соотношении эволюции, революции и превенции. «Анти-превенция» как форма философского освоения содержания революции восходит к традиции обозначать в слове приставкой «анти» несогласие или несоответствие. Анти-превенция рассматривается как способ возражения против превенции в обществе и характеризует конкретный случай «позитивистского» («прикладного») подхода в русской социальной мысли к пониманию соотношения социальной революции и социальной превенции.

Одной из содержательных основ «анти-превенции» (или «лже-превенции») оказывается утопизм, который С. А. Котляревский определил как «философию конца». Сущность взглядов на утопизм в обществе заключается не столько в том, что человек пытается достигнуть своей цели при помощи невыполнимых средств, и даже не столько в том, что выбирается недостижимая цель, сколько в признании за цель то, что есть простое средство. Для С. А. Котляревского утопичен взгляд на всеобщее избирательное право, когда оно признаётся осуществлением совершенной справедливости; утопичен взгляд на обобществление орудий производства, когда к нему приурочивается конец господства социальной необходимости и начало царства социальной свободы [16].

Накануне Первой мировой войны в социальной мысли России обнаружил себя феномен «геополитического утопизма». Различные империалистические утопии были направлены своим содержанием на оправдание существующих политических режимов и, спекулируя на патриотических чувствах человека, «изображали военные триумфы будущего», тем самым в определённой мере способствуя культивированию «военного менталитета» в обществе того времени [33, с. 27]. Так понимаемый утопизм в общественной жизни отражает одну из особенностей социального познания – утрату чувства перспективы, при которой относительное в общественной жизни легко принимается за абсолютное. Утопизм как «анти-превенция» или «лже-превенция» противоположен «позитивной» социальной превенции тем, что для него типично сосредоточивать основное,

а иногда и исключительное, внимание на внешней стороне социального явления, на том, что находится на поверхности социальных событий, на том, что «схватывается без усилий, как-то даром» [16, с. 315–316].

Другой содержательной основой «лже-превенции» как проявления типа «анти-превенции» оказывается деспотизм, философские предпосылки которого исследовал С. Л. Франк. Он обратил внимание на то, что в «широком смысле деспотизм есть не исключительно политическое понятие, а общая социологическая и морально-правовая категория», «деспотизм есть лишь практический вывод из догматизма, его моральное отражение и проявление» [36, с. 95, 109]. В рассуждениях С. Л. Франка по сути присутствует сравнение двух типов социальной превенции – формального («позитивного») и неформального («анти-превенции» или «лже-превенции»). Он считал, что деспотизм также адекватен догматизму, как свобода адекватна критицизму. Единственной подлинной опорой деспотизма оказывается «сознание непогрешимости, дающее право на насильственную опеку». Единственной «твёрдой и прочной опорой свободы» оказывается «критицизм», понимаемый как «сознание относительности всех человеческих верований и стремлений, налагающее обязанность уважать всех людей и их свободу» [36, с. 110].

Следовательно, переход от деспотии к демократии в каждом конкретном случае не может быть только внешним событием политической истории государства. Л. С. Франк считал, что окончательно такой переход может «совершиться лишь на почве внутренней, духовной эволюции, на почве развития нравственно-философского мирозерцания и умонастроения» [36, с. 112]. Из этой концепции автора следует, что демократия в общественной жизни оказывается своеобразным проявлением «позитивного» типа социальной превенции, а деспотия в общественной жизни обнаруживает себя в мыслительной форме «лже-превенции», которая становится частным случаем «анти-превенции» как неформального типа социальной превенции.

Общетеоретические позиции анализа типологии социальной превенции проявляют себя как основания для характеристики *аформального типа социальной превенции («контр-превенции»)*. Если рассматривать «контр-превенцию» как форму социально-философского освоения сущности революции, то в этом случае она характеризует содержание, которое отражает противоположное состояние

или встречный процесс, активное противодействие тому, что выражено во второй части термина «контр-превенция». В русской философии революция выступает как противоположное социальной превенции состояние, как целенаправленное противодействие ей. В этом случае рассмотрение контр-превенции становится реализацией «утилитаристско-прагматичного» подхода в оценках целей и содержания революции, эволюции и социальной превенции. С позиций этого подхода сформировалась общая характеристика «контр-превенции» как типа социальной превенции.

Как правило, «контр-превенция» понимается как действия, направленные на разрушение общества в целом или нарушение определённого состояния общественных отношений. К таким действиям относят войны, тоталитаризм, государственные перевороты, террористические акты, разрушение окружающей природной среды, вандализм, разрушение памятников архитектуры и искусства, а также «практическое безбожие», которое «водворяется во всех сферах жизни» [34, с. 206]. Наряду с этим, под «контр-превенцией» понимается одностороннее интегрирование индивида в общественные отношения, доходящее до подавления его личности, ограничивающее его свободу, социальные потребности, приводящее к чувству потери ценности и смысла жизни. В том случае, когда общество не устанавливает регулирующие и адаптирующие человека социальные нормы или, наоборот, система этих норм является антигуманной, то у человека усиливаются социально-деструктивные, т.е. антипревентивные, устремления, а в обществе формируются социально-оппозиционные тенденции.

Примером выражения таких тенденций является негативное отношение современных марксистов к распространению в обществе цифровых технологий, которые, по их мнению, «не обещают нам лучший мир для всех, более счастливый и более безопасный, они предлагают нам лишь решения проблем настоящего». Такое отношение основано на утверждении, что «цифровизация общества делает отчуждение человека от своей сущности еще более глубоким» и «цифровое отчуждение является последней стадией отчуждения человека» [7, с. 17–18].

Принимая во внимание то, что нравственно-религиозный подход к пониманию социальной превенции в целом характерен для русской философии, к общей характеристике содержания типа «контр-превенции» относятся идеи Н. А. Бердяева о «демонизме».

Он считал, что «демонизм есть потеря личности, потеря смысла жизни, т.е. своего назначения в мире» [2, с. 31]. Н. А. Бердяев различал две противоположные формы «демонизма»: форму «обогащения личности, безграничного утверждения её» и форму «презрения к личности, безграничного отрицания её» [2, с. 28]. И хотя он полагал, что обе формы «демонизма» в последнем счёте сходятся, «контр-превенцией» оказывается, по сути, вторая из двух названных форм «демонизма».

Включение в содержание «контр-превенции» как типа социальной превенции тоталитаризма объясняется тем, что в его основе находится представление о человеке как «потенциально добром существе», которого портит среда. В связи с этим целью тоталитаризма становится её преобразование таким образом, чтобы «сами условия общественной жизни, их разумно продуманная организация позволяли людям адекватно обнаружить свою нравственную сущность» [6, с. 12]. При этом универсальными («тотальными») средствами преобразования социальной среды становятся «государственный контроль и насилие», а «лозунгами тоталитаризма» могут стать при определённых условиях «эстетизация политики и политизация искусства» [5, с. 57, 294]. Такое понимание тоталитаризма обнаруживает заметное несоответствие при сравнении со второй формой «демонизма» по Н. А. Бердяеву, но при этом не противоречит пониманию «контр-превенции» как аформального типа социальной превенции.

Вместе с тем соотношение тоталитаризма, насилия со стороны государства и «контр-превенции» в современной социальной философии не понимается столь однозначно. Существует мнение, что философско-антропологический анализ не даёт основания считать насилие прямым следствием «тоталитарного режима». В этом случае «диктатура и связанное с нею насилие» рассматриваются как последовательная реакция на «распад социальной ткани», а само применение насилия в обществе определяется через рассмотрение «структурных свойств общественной системы» [4, с. 34–35]. Такой концептуальный подход позволяет перейти в анализе типологии социальной превенции к исследованию идеального («собственно») типа социальной превенции.

Идеальный тип социальной превенции связан своим содержанием не столько с действительной («позитивной») социальной превенцией, сколько с той социальной превенцией, которая желательна,

т.е. «собственно» социальной превенцией. Русская философия, создавая идеальный тип социальной превенции для будущего, не только не скрывает при этом от себя социальных аномий настоящего («анти-превенции» и «контр-превенции»), но, наоборот, с особой силой их подчёркивает и ищет средства и пути к их устранению. При анализе социальной превенции в русской философии существует условие, без которого идеал социальной превенции теряет своё теоретико-методологическое значение.

По поводу наличия этого условия И. И. Иванов писал: «...философ... не может пренебречь жизненными нервами человеческого бытия. Природа человека, в её основных, всеобщих направлениях, должна быть для мыслителя неприкосновенна» [11, с. 40–41]. Это условие философского анализа не соблюдается, когда при определённом концептуальном подходе идеал социальной превенции оказывается недопустимо идеологизированным и политизированным. Так, В. Н. Сарабьянов, полемизируя с А. М. Дебориным, утверждал: «Классовый субъективизм выражается в том, что класс не всеми и не всякими истинами интересуется. ... классовый субъективизм пролетариата в силу объективного хода вещей перерастает в общечеловеческий субъективизм» [29, с. 174].

Но поскольку критерий типологизации любого социального явления всегда сущностен, то в русской социальной философии идеальный («собственно») тип социальной превенции рассматривался с иных концептуальных позиций как «религиозно (нравственно-этически) понимаемая социальная превенция». При этом для интерпретации и классификации религиозных феноменов в контексте понимания социального бытия применялся и применяется в настоящее время метод исследования, известный как «феноменология религии» [28, с. 61]. Преобладающий нравственно-религиозный характер русской философии определяет то, что анализ идеального («собственно») типа социальной превенции проявляется в форме историко-философского анализа с соблюдением хронологии рассмотрения проявлений «религиозно понимаемой социальной превенции».

Н. П. Полторацкий отмечал, что общие черты русской философии «вполне относятся и к русской религиозной философии в частности». Её особенностью становится «антропоцентризм, исключительная занятость темой о человеке, его судьбе и проблематике», что в свою очередь «приводит к доминированию моральной установки»

[23, с. 131]. Русская религиозная философия обнаруживает тенденцию социальной направленности своего содержания, особое внимание к пониманию социальных проблем общества. Феноменом христианской антропологии становится сама идея превенции: религиозно понимаемая социальная проблема предупреждения условий возникновения социальной аномии через религиозную деятельность, совершаемую человеком в общественной жизни. Русская религиозная философия обосновывает необходимость связывать научное рассмотрение общественно значимых событий с прояснением их духовной направленности, считая религиозную деятельность духовной [30, с. 96].

По существу, это становится основой идеального понимания деятельности человека в обществе по предупреждению «социального зла» (социальной аномии), поскольку «онтологическая позиция» христианства «бытие-в-мире» предполагает, что человек находится «в мире, но не от мира» и он будет заниматься «мирскими проблемами, но позволит своей жизни руководствоваться Божественной волей». Обозначенная онтологическая позиция означает, что цели исследования человека в обществе «должны учитывать человека в целом, а в идеале следует учитывать духовные соображения» [38, р. 4]. Понимание религиозной деятельности человека в обществе как деятельности по предупреждению «социального зла» (социальной аномии) составляет основу содержания идеального («собственно») типа социальной превенции. Н. А. Бердяев предложил философско-религиозное обозначение этого типа социальной превенции. Он писал: «Благодать – вот сущность религиозной жизни, и не верится в ту религию, которая не сделает жизнь благодатной» [2, с. VI].

Такой концептуальный подход к анализу социальной превенции в традиции русской религиозной философии проявляет себя при рассмотрении содержания каждого из вышеназванных типов социальной превенции, но становится универсальной основой анализа определённых сторон именно типа идеальной («собственно») социальной превенции. Эта особенность философско-религиозного исследования типологии социальной превенции объясняется тем, что русская религиозная философия представляет собой одну из концептуальных основ содержания социальной превенции как философского феномена. Философское осмысление социальной превенции является в этом случае не столько подобием или аналогом русской

религиозной философии, сколько, скорее, её своеобразным антиподом, т.е. светским вариантом философского понимания необходимости превентивности в обществе.

Вместе с тем такое философско-светское знание о социальной превенции включает в своё содержание идеи русской религиозной философии. В результате то, что русская религиозная философия объясняет в виде понимания необходимости жизни человека с Богом и по Божьим законам в обществе, становится возможностью считать цель и задачи такой жизни предупреждением «социального зла» (социальной аномии), т.е. «религиозно понимаемой социальной превенцией». Анализ социальной превенции в русской философии предполагает обращение к взглядам некоторых русских богословов и философов для понимания смысла и назначения социальной превенции. При этом раскрытие содержания типа идеальной («собственно») социальной превенции даёт возможность не превращать философское знание о социальной превенции в простую иллюстрацию отдельных положений русской религиозной философии и не считать такое знание противоречивой противоположностью последней.

Социальные феномены, которые религиозная философия объясняет как жизнь человека по Божьим законам в обществе, по целям и задачам такой жизни в определённой мере оказывается целью и содержанием социальной превенции, т.е. религиозно понимаемым предупреждением социальной аномии и патологии в обществе. Предположение о том, что в социальной превенции как феномене философской мысли имеет место «наложение» философско-религиозных подходов на социально-философскую проблематику, отчасти находит подтверждение в признаниях самих философов о том, что в их религиозных исканиях присутствует социальный момент, понимание того, что концом человеческой истории может быть только или «царство Божье на земле, царство Христово, или царство князя мира сего, царство антихристово» (Н. А. Бердяев).

Вариантом анализа такого социального момента в содержании «религиозно понимаемой социальной превенции» становится эволюция идеи «социальной троицы». Началом становления этой идеи являются богословские рассуждения епископа Пензенского и Саратовского Иннокентия о «непрерывном возрастании человека к духовной жизни», относящиеся к периоду его ректорства в Санкт-Петербургской духовной семинарии (примерно 1815–1817 гг.). Эти рассуждения представляют собой один из самых ранних по времени

вариантов религиозно-философского понимания социальных проблем общества, в котором преобладает явно выраженный морально-этический аспект, что характерно для русской философии в целом, но при этом обнаруживается прообраз идеального типа социальной превенции.

Епископ Иннокентий считал, что существуют «степени любви к ближнему» каждого человека:

- 1) «если мы никаким образом никого не обижаем»;
- 2) «если мы всех людей рассматриваем вне различных состояний, гражданских и духовных, почитаем за равных нам»;
- 3) «если мы пользам других всячески споспешествуем» [13, с. 85].

Для него принципиально важным было то, что к исполнению обязанностей «третьей степени мы не побуждаемся и не можем быть побуждаемы ни от кого», поэтому обязанности первых двух степеней правильно назвать «именем справедливости», а обязанности «последней степени – именем любви» к ближнему, которая в человеке постоянно возрастает [13, с. 88].

Важным моментом становления идеи «религиозно понимаемой социальной превенции» как идеи «социальной троицы» являются рассуждения архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия. В своём «Слове при первом посещении города Изюма» (20 августа 1843 г.) он, проведя аналогию с гражданским символом города – «тремя виноградными ветвями», отметил, что смыслом превентивной деятельности человека в обществе является «виноград духовный суть добродетели христианские», который может «расти», при любых социальных условиях и обстоятельствах. В этом случае смысл превенции в обществе заключён в том, что «души и сердца людей питают три лозы виноградные» – от трёх лиц Пресвятой Троицы. Первая ветвь – «вера правая и живая», вторая ветвь – «упование жизни вечной, надежда христианская», третья ветвь – «любовь чистая и святая» [12, с. 108, 110, 112].

В докладе В. С. Соловьёва «Русская идея», сделанном в Париже 23 мая 1888 г., используется сам термин «социальная троица» и обосновывается идея о том, что «окончательное осуществление социальной троицы ... каждое из трёх главных органических единств – церковь, государство, общество – безусловно свободно ... не в отъединении от двух других, поглощая или истребляя их, но в установлении безусловной внутренней связи с ними» [31, с. 356]. Социально-превентивный аспект в рассуждениях В. С. Соловьёва о «социальной троице»

прослеживается тогда, когда он утверждает, что «дело социального освобождения не может ограничиваться одним материальным порядком» [31, с. 356]. Деятельность («дело») в обозначенном им направлении понимается как реализация социальной превенции.

Для В. С. Соловьёва «русская идея» была заключена в конечном счёте в восстановлении «на земле верного образа божественной Троицы». Интерпретируемая им таким образом «русская идея» становится концептуальным обоснованием идеального типа «религиозно понимаемой социальной превенции». Возвращение к идее «социальной троицы» как основе типа идеальной («собственно») социальной превенции, только направленной не на внешние проявления общественной жизни, как у В. С. Соловьёва, а на внутреннюю природу человека, присутствует в рассуждениях В. И. Несмелова о том, что «по требованию своего религиозного сознания человек строит себе идеал жизни праведной, жизни истинной, тогда как по физическим условиям жизни он может говорить только о жизни счастливой и по природе своих отношений к миру он может говорить только о жизни разумной» [21, с. 275].

В религиозной антропологии В. И. Несмелова содержится светское по сути социально-философское определение социальной превенции: предупреждение чего-либо при сохранении начальных условий чего-либо и положительное осуществление содержания «счастливой жизни». Он отмечал, что для осуществления «основной цели человеческой жизни» от общества требуется «устранение тех реальных условий, в которых действительно совершается жизнь и в которых она постоянно подвергается опасности неминуемого разрушения, и необходимо создание таких идеальных условий, при которых она могла бы совершаться, не подвергаясь этой опасности». Кроме того, находясь в конкретных социальных условиях жизни «человек строит для себя такое представление счастья, которое заставляет его утверждать свою жизнь именно при данных условиях», поэтому жизнь человека в обществе оказывается «положительным осуществлением того содержания жизни, которое представляется ему как выражение счастливой жизни» [21, с. 220, 223].

Такое представление В. И. Несмелова об идеальном («собственно») типе социальной превенции становится составной частью знания о социальной превенции в русской философии [36, с. 217–218]. К содержанию «религиозно понимаемой социальной превенции» относятся также идеи С. Н. Булгакова об условиях, определяющих идеальное состояние российского общества. Он признавал то,

насколько «далека русская ... действительность от своего идеала, определяемого объективно православием, ... субъективно – характером русской религиозности». Но, по его мнению, это обстоятельство не отменяет веру в Россию, которая «как искомое, как идеальная задача, может умереть только в нас и через нас, в сердцах наших» и которая есть «наше творение, наше деяние, наше мужество, наша вера, наша воля» [2, с. 113–114].

В русской социальной философии концептуально обосновано суждение о том, что осуществление идеального («собственно») типа социальной превенции как раскрытия в социальной жизни общества смысла «социальной троицы» достигается через такую деятельность человека, когда не только сакральная, культовая, но богоугодная деятельность (благотворительность, милосердие, призрение и др.) является для него первичной и определяет как его мировоззренческие поиски, так и реальные усилия в социальной практике. Требования к осуществлению «социальной троицы» как основе «религиозно понимаемой социальной превенции» сводятся к достижению справедливости в отношении жизни человека в обществе.

Прежде всего, справедливость в мирской жизни человека понимается как имеющая отношение не только к обязанностям социально-превентивного свойства, но также к обязанностям, по своей природе принимаемым за основу сравнения с идеалом социальной превенции, и обязанностям, имеющим отношение к предупреждению со стороны общества ошибок в предоставлении социальных благ и сохранении социальной стабильности. Кроме того, различные аспекты справедливости понимаются в религиозно-философской традиции как имеющие значение не только в отношениях между людьми, общностями и социальными институтами, но также в отношениях между божественным и человеческим, при этом в такой мере, что божественно-человеческие отношения справедливости расцениваются как включившие в себя социально-превентивные отношения отдельных людей, общностей и институтов.

Таким образом, в русской религиозной философии идеальный («собственно») тип социальной превенции рассматривался преимущественно с позиции антропоцентричных исканий, поскольку возможность и необходимость антропоцентризма заложена в главных догматах христианства – прежде всего, в учении о Святой Троице (тринитарности). Г. С. Киселёв подчёркивает, что в русской религиозной философии и православном богословии «Тринитарный Бог

осознаётся как сила, прежде всего нравственного характера; речь идёт о нравственном законодателе», именно поэтому «нравственность имеет Божественную, или священную, т.е. именно сверхъестественную санкцию» [15, с. 18].

Понимание смысла идеальной («собственно») социальной превенции и места этого типа в типологии социальной превенции определяется тем обстоятельством, что в традиции русской религиозной философии вера всегда принималась не в качестве способа отстранения от реальной жизни человека в обществе, а прежде всего, в «качестве условия удержания реальности, сохранения бытия». В связи с этим «религиозно понимаемая социальная превенция» основана на признании того, что «мир может быть сохранён человеком только в форме веры, веры в то, что он есть, действительно существует как творение высшей силы – Бога» [9, с. 84]. Кроме того, концептуальное обоснование содержания «религиозно понимаемой социальной превенции» во многом связано с вопросом определения критериев, по которым конкретный теологический текст может быть квалифицирован как научно-философский.

К. О. Польсков считает, что существует «специфический богословский метод проведения исследования» как определённый способ познания мира, целью применения которого при интерпретации теологических текстов, является «выделение в исследуемом явлении предельных смыслов» [24, с. 99]. Именно с этой точки зрения следует анализировать богословские тексты, содержание которых имеет отношение к «религиозно понимаемой социальной превенции». Принципиально важным в этом анализе является акцент на том, что совершаемая в обществе религиозная деятельность, которую русская религиозная философия называет, прежде всего, духовной, понимается как деятельность человека в общественной жизни и, по сути, оказывается осмысленной и целеориентированной деятельностью по предупреждению любых проявлений «социального зла» (социальной аномии).

Именно такая по своему содержанию и характеру деятельность человека, как было показано выше, считается проявлением «религиозно понимаемой социальной превенции». В современной социально-философской литературе присутствуют различные образы русского человека, который трактуется как феномен, отличающийся как от западного, так и восточного человека совокупностью специфических свойств, среди которых особенно выделяются духовность, религиозность и стремление к справедливости [27].

Проведённый в главе анализ типологизации социальной превенции в русской социальной философии даёт основание подтвердить высказанное ранее предположение о том, что социальная превенция проявляет себя в конкретном обществе, в конкретных социальных условиях, при наличии которых отсутствуют (уже отсутствуют или пока отсутствуют) явные отклонения от социальных норм данного общества, т.е. явно не проявляет себя социальная аномия. Только в этом случае социальная превенция имеет смысл и значение своего существования и совершенствования в российском обществе, в других случаях и при других условиях социальное состояние общества характеризуется качеством организации социальной профилактики или уровнем интервенции в различные процессы общественной жизни.

Рассмотренные типы социальной превенции не следует анализировать исключительно как исторические типы, последовательно сменяющие друг друга в истории российского общества. Вместе с тем исторический и историко-философский подходы следует применять при рассмотрении каждого типа социальной превенции, имея в виду генезис и развитие содержания этих типов [35, с. 187–188]. В главном и основном типология социальной превенции в русской философии актуальна, функциональна, применима к характеристике основных тенденций социального развития российского общества и выбору концептуальных подходов для социально-философского анализа конкретных проблем осуществления социальной превенции в современном российском обществе, который будет предпринят в заключительном разделе монографии.

Список литературы

1. Ахиезер, А. С. Россия как большое общество / А. С. Ахиезер // Вопросы философии. – 1993. – № 1. – С. 3–19.
2. Бердяев, Н. Новое религиозное сознание и общественность : монография / Н. Бердяев. – СПб. : Изд-е М. В. Пирожкова, 1907. – 233 с.
3. Булгаков, С. Н. Ответ В. П. Соколову / С. Н. Булгаков // Русская мысль. – 1913. – Кн. VII. – С. 109–114.
4. Быстров, В. Ю. Власть и насилие как проблема философской антропологии / В. Ю. Быстров, Б. В. Марков, Н. В. Кузнецов // Вопросы философии. – 2015. – № 10. – С. 30–40.

5. Гулыга, А. В. Русская идея и её творцы : монография / А. В. Гулыга. – М. : Соратник, 1995. – 310 с.
6. Гусейнов, А. А. Философские заметки / А. А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2009. – № 10. – С. 3–15.
7. Дудник, С. И. Отчуждение в цифровом обществе / С. И. Дудник // Вопросы философии. – 2020. – № 3. – С. 17–20.
8. Залкинд, А. Б. Коллективизм и половое воспитание / А. Б. Залкинд // Социально-педагогические факторы половой жизни человека : сборник статей / под ред. Н. Н. Иорданского. – М. : Прометей, 1930. – С. 180–185.
9. Замалеев, А. Ф. Лепты. Исследования по русской философии : монография / А. Ф. Замалеев. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 320 с.
10. Ерманский, О. А. Теория и практика рационализации : монография / О. А. Ерманский. – М.-Л. : Изд-во Наркомтяжпрома, 1933. – Т. I. – 506 с.
11. Иванов, И. И. Философия без фактов / И. И. Иванов // Русская мысль. – 1893. – Кн. II. – С. 37–60.
12. Слово при первом посещении города Изюма // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Сочинения : в 12 т. – СПб. : Изд-е Тов-ва М. О. Вольф, 1901. – Т. XI. – С. 107–114.
13. Божественное правоведение, или Богословие деятельное (Предлежательное – Предметное) // Сочинения Иннокентия, епископа Пензенского и Саратовского. – СПб. : Изд-е Кораблёва и Сирякова, 1847. – Ч. III. – С. 1–119.
14. Кармадонов, О. А. Resisto ergo sum: основания и структура социальной оппозиции / О. А. Кармадонов // Вопросы философии. – 2016. – № 12. – С. 53–63.
15. Киселёв, Г. С. Религиозные смыслы мира человека / Г. С. Киселёв // Вопросы философии. – 2011. – № 5. – С. 18–29.
16. Котляревский, С. Философия конца / С. Котляревский // Вопросы философии и психологии. – 1913. – № 4. – С. 313–338.
17. Луначарский, А. В. Идеализм и материализм / А. В. Луначарский // Луначарский А. В. I. Идеализм и материализм. II. Культура буржуазная, переходная и социалистическая : сборник статей. – М.-Л. : Красная новь, 1924. – С. 15–48.
18. Луначарский, А. В. Культура буржуазная, переходная и социалистическая / А. В. Луначарский // Луначарский А. В. I. Идеализм и материализм. II. Культура буржуазная, переходная и социалистическая : сборник статей. – М.-Л. : Красная новь, 1924. – С. 170–209.

19. Луначарский, А. В. Лев Давидович Троцкий о культуре / А. В. Луначарский // Луначарский А. В. I. Идеализм и материализм. II. Культура буржуазная, переходная и социалистическая : сборник статей. – М.-Л. : Красная новь, 1924. – С. 152–169.

20. Лысак, И. В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека : монография / И. В. Лысак. – Ростов н/Д. ; Таганрог : Изд-во СКНЦ ВШ : Изд-во ТРТУ, 2004. – 160 с.

21. Несмелов, В. Наука о человеке. Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни : монография / В. Несмелов. – Казань : Центральная тип-фия, 1905. – Т. I. – 418 с.

22. Новгородцев, П. И. Об общественном идеале / П. И. Новгородцев // Вопросы философии и психологии. – 1917. – № 2-3. – С. 225–327.

23. Полторацкий, Н. П. Русская религиозная философия / Н. П. Полторацкий // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 126–140.

24. Польсков, К. О. К вопросу о научном богословском методе / К. О. Польсков // Вопросы философии. – 2010. – № 7. – С. 93–101.

25. Рейснер, М. А. Вступительная статья «Фрейдизм и буржуазная идеология» / М. А. Рейснер // Виттельс Ф. Фрейд. Его личность, учение и школа / пер. с нем. Г. Б. Таубмана. – Л. : Государственное изд-во, 1925. – С. 5–32.

26. Рубинштейн, М. М. Воздействие социальной объективной среды на половое воспитание детей / М. М. Рубинштейн // Социально-педагогические факторы половой жизни человека : сборник статей / под ред. Н. Н. Иорданского. – М. : Прометей, 1930. – С. 90–92.

27. Сабиров, А. Г. Русский человек: сущность, своеобразие и перспективы развития : монография / А. Г. Сабиров, Л. А. Сабирова. – Казань : Школа, 2014. – 155 с.

28. Самарина, Т. С. Феноменология религии и философская феноменология / Т. С. Самарина // Вопросы философии. – 2017. – № 4. – С. 61–74.

29. Сарабьянов, В. В защиту философии марксизма : монография / В. Сарабьянов. – М.-Л. : Государственное изд-во, 1929. – 189 с.

30. Силантьева, М. В. Николай Бердяев о «духах революции»: историко-этические параллели / М. В. Силантьева // Вопросы философии. – 2018. – № 1. – С. 96–105.

31. Соловьёв, В. С. Русская идея / В. С. Соловьёв ; пер. с фран. Г. А. Рачинского // Вопросы философии и психологии. – 1909. – № 5. – С. 323–356.
32. Суркова, В. В. Социокультурная идентичность или идентичность человека в социокультурном контексте? (Методология проблемы) / В. В. Суркова, А. Б. Тугаров // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12, № 5-3. – С. 252–261.
33. Суслов, М. Д. Феномен империалистического утопизма, 1880–1914 / М. Д. Суслов // Вопросы философии. – 2010. – № 3. – С. 18–29.
34. Трубецкой, Е. Смысл жизни : монография / Е. Трубецкой. – М. : Тип-фия Т-ва И. Д. Сытина, 1918. – 232 с.
35. Тугаров, А. Б. Журнал «Земство» как отражение метафизики русской провинциальной жизни / А. Б. Тугаров // Полис. Политические исследования. – 1995. – № 2. – С. 186–188.
36. Франк, Л. С. Философские предпосылки деспотизма / Л. С. Франк // Русская мысль. – 1907. – Кн. III. – С. 93–112.
37. Шевцова, Э. А. Религиозная антропология В. И. Несмелова как методология русской философии социальной превенции / Э. А. Шевцова, А. Б. Тугаров // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Т. 9, № 1-3. – С. 215–219.
38. Holmes, C. In Search of Christian Theological Research Methology / C. Holmes, D. Lindsay // Sage Open. – 2018. – № 8 (4). – P. 1–9.

Раздел 3. ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ПОНИМАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ КАК ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Глава 3.1. Диалектика общества и государства в исследовании социальной превенции

Взаимосвязь социального развития и социальной превенции определяется в русской социальной философии как методологический принцип анализа различных тенденций, особенностей и проявлений в современном российском обществе каждого из типов социальной превенции. Понимание диалектики развития современной социальной сферы гражданского общества и современного социального и правового государства становится при этом концептуальным основанием анализа её проявлений в конкретных формах, при определённых условиях и в частных случаях. Вместе с тем такие частные случаи не выбираются для анализа социальной превенции русской философией произвольно. Их выбор определяется традицией философского интереса отечественной общественно-политической мысли к тем аспектам социальной жизни, которые являются приоритетными для социально-превентивных действий со стороны общества и государства, и опыт исследования которых составляет содержание социальной превенции как философского феномена.

Для исследования таких аспектов социальной жизни необходимо понимание онтологического статуса государства. С. А. Кучеренко обращает внимание на то, что государство обладает в политическом реализме «двойственным онтологическим статусом». С одной стороны, при определённых обстоятельствах государство рассматривается как теоретическая абстракция, не имеющая собственного существования, с другой стороны, в анализе мотивов политических деятелей государство выступает как ценность, что создаёт в исследовании смысловое противоречие [17, с. 5–6]. Социально-политические учения, основанные на принципах рационализма, отводят государству роль гаранта сохранения разумного начала в жизни общества. В этом случае государство выступает как условие-основа, как средство-инструмент, как результат-гарант превенции в обществе. Следуя известной философской традиции, раскрытие диалектики государства и социальной превенции основано на признании того, что главная цель

государства, понимаемая как обеспечение безопасности и рациональной организации жизни общества, требует расширения сферы его управленческого воздействия и контроля, что в свою очередь определяет характер отношения личности и государства [10, с. 42].

Выявление общности мировоззренческих позиций русской философии политики и философской традиции исследования вопросов соотношения государства и общества позволяет современным философам по-новому осмысливать в социально-превентивном контексте различные социально-философские проблемы государства, среди которых проблема ритмов российской государственной политики и проблема трансформации государства [7; 20]. Остро дискуссионным и широко обсуждаемым остаётся вопрос о природе российской государственности и, соответственно, о перспективных путях дальнейшего реформирования институтов российской политической власти и государственного управления.

Анализ тенденций, особенностей и проявлений типов социальной превенции в современном российском обществе, рассмотренных в предыдущей главе, предполагает понимание перспектив правового государства и специфики современной политической практики. Правовое государство как идея оптимальных социально-превентивных отношений гражданина и государства на основе совершенных законов в настоящее время определяет течение и цель политических процессов в обществе. Следует учитывать, что классические идеологии (консерватизм, либерализм, социализм и др.) продолжают делить современные общества и государства на постоянно противоборствующие политические силы, которые приносят многочисленные культурные расколы в различные социальные структуры.

В этих условиях идея правового государства, доставшаяся современному обществу в виде «интеллектуального и практически-политического опыта» предшествующих поколений, по-прежнему является одной из наиболее конструктивных идей для понимания необходимости социальной превенции в современном обществе. С другой стороны, если государство необходимо современному обществу лишь для того, чтобы распределять бюджетные средства между бизнесом, трудящимися и теми слоями населения в стране, которые существуют на социальные пособия, то является ли оно «цивилизационной ценностью»? Если правовое государство не вза-

имодействует с гражданским обществом на основе закона и для превенции терроризма, криминала и других многочисленных внутренних угроз, идёт на расширение полномочий своих силовых структур, является ли оно той же ценностью, что прежде?

Если государство, ранее занимавшее ключевые позиции во всей системе внутренних и внешних социальных коммуникаций, в настоящее время обнаруживает признаки превращения в «электронное» или «цифровое государство», если оно ориентируется на то, чтобы стать лишь одним из субъектов в пространстве современных информационных коммуникаций, то может ли оно по-прежнему претендовать на особое отношение граждан к своим полномочиям и интересам? Ф. А. Вестов и О. Ф. Фаст считают, что ответ на эти и другие вопросы, связанные с пониманием диалектики общества и государства, скоро, со временем даст сам политический процесс. При этом формат научного и социально-философского исследования уже в настоящее время позволяет поставить обозначенные проблемы на обсуждение [4].

Анализ социальной превенции в русской философии основан на опыте соотношения государства и общества, а также общества и личности в осуществлении социальной превенции. В одних случаях идея соотношения государства и общества в анализе социальной превенции подразумевается, в других – становится основой анализа, в-третьих – эта идея по своему содержанию уточняется и конкретизируется. При этом анализ различных аспектов социальной превенции ориентирован на определение того, как изменяется роль и степень участия государства в социально-превентивных процессах в обществе. Следовательно, диалектика социального развития выступает основой опыта реализации тенденций, особенностей и практик осуществления превенции в современном российском обществе.

Вместе с тем опыт анализа конкретных форм и частных случаев проявления такой диалектики предполагает в свою очередь использование определённых концептуальных подходов. П. И. Смирнов, отвечая на скрытый вызов, брошенный поэтом Ф. И. Тютчевым: «умом Россию не понять, аршином общим не измерить», в качестве общей «сажени» измерения российского общества предлагает схему эволюции, включающую идеальные типы цивилизаций, среди которых к современному периоду относится тип «рыночной цивилизации». В качестве дополнительных «аршинов» измерения российского общества автором вводятся идеальные типы «государства-корпорации» и «государства-учреждения» [23].

А. А. Кара-Мурза, исследуя проблемы адекватного понимания российского пути цивилизационного развития, полагает, что есть основания анализировать особенности становления новой российской цивилизации, которая прошла в своей эволюции по меньшей мере две крупные цивилизационные фазы – «православную» и «коммуно-советскую» [13, с. 3]. По мнению В. Н. Шевченко, последнее время в отечественных социально-гуманитарных науках получил признание факт длительного исторического существования двух типов социальной организации общества, один из которых присущ западной цивилизации, другой – «незападным цивилизациям». Автор утверждает, что в России и других «незападных цивилизациях» не произошла и не смогла произойти «смена культурного кода, культурной матрицы». Такая ситуация, по его мнению, не может быть объяснена апелляцией лишь к «низкой культуре и невежеству российского народа», она связана с «действием исторических факторов» [33, с. 29–30].

Опыт анализа социальной превенции в русской социальной философии определяет необходимость понимания цивилизации в двух «модусах осуществления»: как процесса и как состояния. Ю. Д. Гранин интерпретирует «цивилизацию» как категорию для обозначения типов развития «экономически и политически связанных больших сообществ людей» и/или их общностей, «субъективно-символически интегрированных в относительно единое целое» [6, с. 35]. В социальной философии в прошлом и настоящем распространено мнение о том, что препятствием к единству экономического, социального и духовного прогресса цивилизации оказывается отождествление общества и государства в теории и на практике, которое «вело людей к иждивенческому восприятию экономических, социальных и культурных достижений ("что обещали?", "что дали?")» [27, с. 66].

Такое мнение становится мотивом к интерпретации взглядов русских философов, в которых обнаруживаются методологические и концептуальные подходы к анализу современных социальных проблем, связанных с развитием отношений общества и государства в контексте социально-превентивной деятельности. В частности, А. С. Изгоев обосновал причины отсутствия в российском обществе и государстве начала XX в. превентивной политики и превенции в целом. Он считал, что существует традиция внутренней политики государства, которая «уже причинила России много зла: "уступки",

притом неискренние, половинчатые, вынужденные будут сделаны, когда будет уже "слишком поздно"». А. С. Изгоев делает вывод, имеющий прямое отношение к проблеме развития общества, государства и социальной превенции: «Метода предупреждения острых требований мы не понимаем, и у нас "уступки" являются на сцену только тогда, когда они никого удовлетворить не могут» [11, с. 125].

П. Б. Струве обращал внимание на особенности анализа экономических, политических и социальных тенденций в российском обществе начала XX в., считая, что «первая наша научная забота должна состоять в том, чтобы бороться против всяких догматических предвзятостей, которые способны только затемнять взор». Такой подход не означает отказа от теоретических построений, но он предполагает обращение к ним с тем «здоровым критицизмом, который должен составлять жизненный нерв всякой науки». Автор предлагал путь анализа российского общества, который применим к опыту того, как в русской консервативной и либеральной мысли понималась проблема соотношения в развитии общества и государства: «... чем внимательнее мы будем относиться к фактам, подлежащим нашему изучению, тем яснее раскроется нам та связь, в которой они стоят со всей совокупностью культурного развития» [24, с. 158].

А. А. Кизеветтер, исследуя природу «социального консерватизма» в России XIX в., отметил проявление в отношениях общества и государства своего рода социальной превенции, которая обнаруживалась в стремлении носителей консерватизма направить всю организацию социальных учреждений, всю политику правительства, все общественные усилия на достижение одной цели – чтобы в российской деревне «было тихо», чтобы «не вспыхнула вторая пугачёвщина». Подобный «социальный консерватизм» был результатом конкретного мировоззрения, считавшего основой государственной мощи неограниченную власть правительства и «держание народа на положении безгласного младенца». А. А. Кизеветтер показал, что сторонники такого мировоззрения чувствуют себя уверенно только в спокойные, относительно стабильные периоды функционирования государства. Когда же «сотрясается организм государства», когда развёртываются события, по своей важности являющиеся «пробным камнем государственной мудрости правящих лиц», тогда носители идей «социального консерватизма» не находят в своей политической догматике надёжной опоры для обоснования каких-либо результативных социально-превентивных действий [15, с. 30–31].

Своё понимание тенденций развития социальной и политической сфер общества, вопросов соотношения государства и общества в России конца XIX – начала XX в. предлагала школа русского либерализма, представители которой (И. А. Ильин, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, С. Л. Франк, Б. Н. Чичерин и др.) считали «причастность государству» обязательным условием раскрытия свободы личности в обществе. Условием предупреждения острых социальных коллизий в России рассматривалась солидарность всех граждан в укреплении государства, которое понималось в его духовной сущности как воплощение национальной культуры [8, с. 45–46]. И. И. Евлампиев отмечает то обстоятельство, что русские социальные мыслители доказывали ложность главных философских принципов западного либерализма – полагания личности независимой от общества, сведения свободы к внешнему, материальному выбору и признания материального успеха в качестве главной ценности жизни.

Как доказывали русские философы, на этих принципах можно построить только теорию «нескончаемых революций», но они не позволяют обосновать «устойчивость государства»; именно поэтому в своей политической практике западный либерализм превратился в современном обществе в «самую изощёрнённую форму тоталитарного манипулирования людьми». Автор считает, что русский либерализм развивается на идеях немецких философов (И. Кант, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегель), которые указывали на зависимость личности от общества и государства, но одновременно доказывали абсолютное значение личности в её внутреннем, духовном измерении [9, с. 76]. Философия государства в русском либерализме основывалась на том, что в правовых установлениях государства осуществляются общие цели общества, господствующие над частными, что придаёт им нравственное значение.

Б. Н. Чичерин подчёркивал, что «государство настолько носит в себе сознание нравственных начал, насколько оно управляется законом, и настолько уклоняется от нравственных требований, насколько в нём предоставляется простора произволу» [31, с. 120]. В его философских взглядах идея социальной превенции прослеживается в нахождении конкретного вида связи общества и государства. Убеждённость автора в том, что «идея человеческого общества достигает высшего своего развития» в государстве, приводит его к выводу: «При низком состоянии общества государственная опека,

сдержанная в разумных пределах, может принести некоторую, иногда даже весьма существенную пользу; но высшее развитие возможно только путём свободы и самодеятельности» [31, с. 114, 118].

Превенция в обществе возможна потому, что закон, оказываясь связью государства как организованного целого, устанавливает отношение власти и подчинения во имя общего блага. Хорошо известная в истории философии идея общего блага становится в данном случае идеей оптимального структурирования общества. Сознание своей самостоятельности и социальной защищённости люди находят в установлении власти государства как формы институализации общества. Б. Н. Чичерин писал по этому поводу: «Каждая народность, как реальная духовная сила, стремится к самостоятельному проявлению своих особенностей в исторической жизни, и это сознание своей самостоятельности она находит только в установлении независимой, верховной государственной власти» [31, с. 141].

Обобщением того, как в русской консервативной и либеральной мысли понималась проблема соотношения общества и государства, является философское обоснование С. А. Котляревским необходимости социально-превентивной направленности в развитии общества и государства. Анализируя социально-политические события России первого десятилетия XX в., он отмечал наличие, казалось бы, признаков целенаправленной социально-предупредительной деятельности. Складывалось впечатление, что в российском обществе того периода шла длительная подготовка к моменту, когда «окончится его вынужденное бездействие». Однако, по его мнению, российское общество «оказалось совершенно неподготовленным – не в смысле даже отдельных пробелов в своём воспитании, наивностей и иллюзий, а в смысле коренных навыков ума и чувства». Существенные перемены в условиях и способах социального бытия определили перед российским обществом «задачу самосознания, т.е. самооценки». С. А. Котляревский считал, что «такая самооценка ведёт не к отречению и покаянию, а к тому духовному процессу, который скорее передаётся греческим словом *Καθαρισμός*, столь неточно переводимым через русское покаяние» [16, с. 316].

Для русской социальной философии характерно акцентирование внимания на необходимости учёта влияния духовных факторов в процессе функционирования государства; рассмотрение идеологии «нравственного государства» как органичного продолжения философии «русской идеи» при наличии её связи с концептами

социальной справедливости, самодостаточности и др. [26; 18]. Из вышеприведённых философских обобщений С. А. Котляревского следует предположение, что под «вынужденным бездействием» общества он понимал сложившуюся и долго существовавшую практику взаимоотношений общества и государства в России и особенности её социально-философского осмысления.

Обоснование этой практики и анализ отношения к ней общества содержатся в рассуждениях Л. З. Слонимского. Он обратил внимание на то, что имевшие место дискуссии об обществе и «государственном вмешательстве» в его дела обыкновенно подразумевали анализ только двух форм «правительственного воздействия»: или издание какого-либо нового закона, который предполагал возможность «произвести желательную перемену в отношениях и правах заинтересованных лиц или общественных классов», или «установление известной регламентации и контроля относительно частной деятельности, касающегося данного круга интересов» [22, с. 641].

Особенности социально-философского осмысления практики «государственного вмешательства» в дела общества определялись тем, что в обществе непрерывно и повсеместно возрастал «спрос на новые законы и на бюрократический контроль», но при этом предметом обсуждения почти не оказывался вопрос: «Не приходит ли социальное зло от тех незаметных и скрытых форм вмешательства, которые унаследованы от прошлого и проявляют своё действие на каждом шагу – в учреждениях, обычаях и понятиях господствующих сословий?» В этой связи Л. З. Слонимский обращал внимание на мнение, которого в российском обществе придерживались немногие: «В действительности для удовлетворения новых потребностей необходимо было бы не расширение государственной деятельности, а напротив, устранение ошибочных её проявлений и особенностей, изменение её характера в той или другой области интересов» [22, с. 641–642].

В философии евразийства государство как «соборная» личность, идеократия, «гарантийное» государство и «государство правды» понималось в нескольких качествах: как государство идеократическое, в котором правящий слой подчинен высшей идее-правительнице; как государство «гарантийное», в котором правящий слой органично связан с народом и «гарантирует» достижение положительных государственных целей; как «государство правды»,

представляющее общественный союз, направленный на реализацию идеала высшей правды [14].

Отечественная социальная философия более позднего периода сместила акценты в содержании социально-предупредительных идей об отношении общества и государства. Мировые войны и их последствия, прежде всего, стали причиной пересмотра существовавшей до этого времени практически без конкуренции идеи верховенства государства и формирования мнения о том, что основанная на этой идее организация общественной власти представляет реальную опасность для существования самого общества. Философия и практика формирования социального государства и гражданского общества смещают государство, его доминирование в обществе с прежней позиции верховенства, «единственного властелина» на роль одного из субъектов социально-превентивной деятельности в обществе.

Исходя из этой идеи, государство постепенно начинает превращаться в средство социальной защиты, поддержки и обслуживания человека, видя в этом свою основную цель и предназначение. В результате современное государство в своих отношениях с обществом оказывается в состоянии выбора: либо предпочесть достижения высших ценностей, по-государственному управляя всей жизнью, или, наоборот, предусмотреть в свободной личности носителя этих высших ценностей и ограничить государство в целях обеспечения этих свобод личности [19, с. 23–24]. Оба варианта не являются взаимоисключающими, но социально-превентивная составляющая в каждом из них имеет свои особенности и предполагает соответствующее рассмотрение с учётом современного кризиса философских, моральных и идеологических оснований «государства всеобщего благосостояния».

Исследователи отмечают тенденцию уменьшения участия граждан в «деятельности надзора за соблюдением общего блага» и на превращение их в «пассивный объект чуждого властного воздействия» [3, с. 39–40], и, как следствие, формируется отношение к социальному государству в моральном и идеологическом аспектах как к «компромиссному сочетанию локального этатистского и экономического утилитаризма и универсалистского либерально-социалистического гуманизма» [29, с. 23]. Показательно в этой связи, что рассмотрение феномена социального государства в условиях оче-

редного этапа социокультурного кризиса активизирует интерес исследователей социально-превентивных проблем современного общества к анализу опыта благотворительности в истории, практики безвозмездной социальной помощи и обсуждению оправданности введения «концепта безусловного базового дохода» как гаранта стабилизации социальной рассогласованности, преодоления социального кризиса, в том числе кризиса в сфере труда.

Обсуждаются вопросы социальной зависимости, моральной деградации, возникающие вследствие «бесконтрольного социального вспомоществования». В центре внимания современных исследователей оказываются вопросы: нова ли идея безусловного базового дохода как своеобразного «дивиденда социальной солидарности»; не возвращает ли она к практикам патернализма; не станет ли введение базового дохода подменой политики социального государства, обезличенной системой выплат; не окажется ли базовый доход проявлением конкретной формы «социальной лже-превенции»? Т. Ю. Сидорина и М. Э. Заболотин считают, что введение безусловного базового дохода в практику социальной политики современного государства представляет собой последовательный и завуалированный отказ от модели социального демократического государства с его превентивными программами социальной защиты, которая на протяжении десятилетий рассматривается как одно из достижений социального прогресса [21].

Опыт научно-философского анализа социальной превенции как универсальной характеристики государства определяет необходимость применения деятельностного, бытийного подхода, который даёт возможность по аналогии рассматривать деятельность как превенцию в обществе, а бытие – как социальное государство. Обращение к принципу бытийного определения специфики социального государства объясняется необходимостью концептуального обоснования проблемы соотношения общества и государства и воздействия государства на характер и содержание социально-превентивной деятельности. В исследовании диалектики общества и государства теоретически бесперспективным оказывается «предметное» («вещное») определение сущности социального государства и представляется перспективной интерпретация бытийного подхода к пониманию сущности социального государства как в его родовом, так и индивидуально-конкретном содержании [25, с. 8–9].

Такой концептуальный подход объясняется тем, что бытием какого-либо «предмета» (в случае исследуемой проблемы – бытием социального государства) представляется не просто факт его пребывания в социальном пространстве, а тот определённый способ существования этого предмета, *которым* и в *котором* выражена его специфика, его сущностный смысл и назначение. Бытие «предмета» как «вещи» не только свидетельствует о том, что эта «вещь» есть, но и характеризует способ её существования, т.е. *как* она есть, в *чём* её содержание и *как* это содержание функционирует. В анализе диалектики общества и государства, на основе бытийного подхода к определению сущности социального государства, его формирование и развитие обнаруживается в сфере материальной и духовной деятельности человека как родового существа.

Такое концептуальное понимание социальной превенции в контексте социальных проблем современного российского общества даёт основание утверждать, что бытийный подход к определению специфики социального государства неразрывно связан с определением деятельности как способа существования человека, как сущностной характеристики его родовой природы. С. С. Батенин писал по этому поводу: «Деятельность есть бытие человека в его человеческом отношении к миру, есть бытие этого мира в его очеловеченном содержании. В этом смысле деятельность – субъективная активность бытия. ... деятельность как родовой признак человека, как его родовая специфика» [2, с. 19–20].

В начале XX в. В. М. Хвостов обращал внимание на особую важность религии, искусства и науки среди других «продуктов общественной деятельности». Являясь тем, в создании чего «принимает участие индивидуальное творчество», эти продукты деятельности «получают общественное значение, превращаются в социальные силы лишь тогда, когда становятся достоянием массы людей» [30, с. 370]. Присутствующая в их содержании превентивная идея, оказываясь чаще всего достоянием общества, «утрачивает значительную долю той оригинальности, которой она отличалась, будучи впервые высказана её индивидуальным изобретателем». В. М. Хвостов считал, что такая особенность осуществления деятельности человека приводит к тому, что мысли, «кристаллизовавшиеся в науке, в праве, в религии, в искусстве» представляют собой в конечном

счёте «результат сотрудничества массы людей, а не продукт индивидуального творчества, которое выступает в этом процессе как важный, но не единственный агент» [30, с. 371].

Современная социальная философия возвращается к идеям социально-превентивной направленности «продуктов общественной деятельности» с позиции исследования проблемы соотношения современной социальности и социальной функции государства. Термин «социальность» активно используется в настоящее время в социально-гуманитарных исследованиях, но сущность этого понятия остаётся не до конца выявленной. Анализ характеристик понятия «социальность» предполагает использование «категориально-системной методологии» [1].

А. Г. Глинчикова выявляет два базовых компонента современной социальности – гражданский (структурный) и религиозный (неструктурный) типы общности, которые циклически поддерживают и сменяют друг друга по мере расширения социального пространства. Она предполагает, что в современном обществе исчерпаны возможности действовавших до настоящего времени «структурных форм социальной интеграции, коммуникации и самоидентификации», и находит выход из кризисных состояний современного общества в развитии новых «неструктурных форм коммуникации», основанных на эмпатии (сопереживании, сочувствии, доверии) и способных обеспечить включённость новых «цивилизационных компонентов» в расширяющееся социальное пространство [5, с. 75–76].

В. Г. Федотова относит к типу новой социальности и современности «всемирность» и анализирует состояние «меняющейся социальности в условиях всемирности эпидемий». Она считает, что социальность в условиях эпидемий характеризуется как «урезанная» и является результатом множества ограничений, накладываемых на социальные взаимодействия в современном обществе. Вместе с тем социальность усложняется, поскольку её «урезанность» компенсаторно требует восполнения отдельных аспектов социального в обществе. Автор обращает внимание на то, что если современное государство недостаточно успешно проводит социально-экономическую политику в период эпидемии, то это сопровождается не только «ренессансом архаического в повседневности социального», но и появлением, «конструированием новых элементов искусственной социальности» [28, с. 6].

Понимание новой современной социальности в обществе и степени влияния на неё политики государства невозможно без понимания социальной функции современного государства и её осуществления в процессах социально-превентивной деятельности в российском обществе. А. В. Шарков, определяя государство через политическую форму отчуждения родовой сущности человека, высказывает идею о том, что социальная функция государства есть способ сохранения, воспроизводства и развития родовой сущности человека в условиях отчуждённого социального бытия этой сущности [32].

Раскрытие диалектики общества и государства в анализе различных аспектов социальной превенции предполагает обращение не только к онтологическому и антропологическому, но и эпистемологическому аспекту философского знания о социальной превенции. Средством понимания смысла включённости государства в социально-превентивную деятельность и процессы современного российского общества может стать «политическая герменевтика» как относительно новое направление в развитии философской мысли [12]. Кроме того, анализ контекста и текста политических документов, выявление тех смыслов и символов, которые содержат слова и дела субъектов современного социально-политического процесса даёт дополнительные возможности для постановки точного диагноза текущего состояния социально-превентивной деятельности современного российского государства, оценки профессиональных возможностей и ресурсов государственной власти в этом направлении. Такой анализ создаёт предпосылки для исследования вопросов взаимосвязи социальной политики государства, социально-превентивной активности субъектов социальной деятельности и способов повышения качества жизни человека в современном российском обществе, которые станут предметом рассмотрения в следующей главе.

Список литературы

1. Аксютин, З. А. Характеристика понятия «социальность» / З. А. Аксютин // Смальта. – 2020. – № 1. – С. 5–13.
2. Батенин, С. С. Человек в его истории : монография / С. С. Батенин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1976. – 295 с.
3. Боянич, П. О метаморфозе одного института гражданского общества / П. Боянич // Вопросы философии. – 2022. – № 3. – С. 34–41.

4. Вестов, Ф. А. Правовое государство: теоретическое проектирование и современная политическая практика : монография / Ф. А. Вестов, О. Ф. Фаст. – М. : Проспект, 2015. – 256 с.
5. Глинчикова, А. Г. Гражданский и религиозный типы общности и их роль в формировании, эволюции и кризисе эпохи Модерна / А. Г. Глинчикова // Вопросы философии. – 2020. – № 9. – С. 75–86.
6. Гранин, Ю. Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России / Ю. Д. Гранин // Вопросы философии. – 2020. – № 12. – С. 34–44.
7. Грановская, О. Л. Полифония, историзм и релятивизм: русская философия и современная аналитическая философия политики / О. Л. Грановская // Вопросы философии. – 2021. – № 4. – С. 64–74.
8. Евлампиев, И. И. Актуальные уроки русского либерализма. Статья вторая: государство как форма организации национальной культуры / И. И. Евлампиев // Вопросы философии. – 2016. – № 9. – С. 44–53.
9. Евлампиев, И. И. Русская философия о либеральной цивилизации / И. И. Евлампиев // Русская философия. – 2021. – № 1. – С. 60–77.
10. Жданов, П. С. Государство и рациональность в политической рефлексии Нового времени / П. С. Жданов // Вопросы философии. – 2020. – № 3. – С. 42–53.
11. Изгоев, А. С. Национальные и религиозные вопросы современной России / А. С. Изгоев // Русская мысль. – 1908. – Кн. V. – С. 122–137.
12. Карабущенко, П. Л. Политическая герменевтика и современная элитократия / П. Л. Карабущенко, Е. В. Гайнутдинова // Вопросы философии. – 2020. – № 4. – С. 58–68.
13. Кара-Мурза, А. А. Российский путь цивилизационного развития: «преемственность через катастрофы» (памяти В. М. Межуева) / А. А. Кара-Мурза // Полилог. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 1–11.
14. Качеев, Д. А. В поисках идеала общественного развития: евразийское понимание государства как альтернатива европейской демократии // Философский журнал. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 96–109.
15. Кизеветтер, А. А. Политические и социальные воззрения графа Ф. В. Ростопчина / А. А. Кизеветтер // Русская мысль. – 1913. – Кн. II. – С. 1–31.

16. Котляревский, С. Философия конца / С. Котляревский // Вопросы философии и психологии. – 1913. – № 4. – С. 313–338.
17. Кучеренко, С. А. Существование государства как ценностная проблема политического реализма / С. А. Кучеренко // Вопросы философии. – 2021. – № 7. – С. 5–16.
18. Павлова, С. В. Духовные аспекты социального государства / С. В. Павлова, И. С. Захарченко // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2019. – № 1. – С. 38–42.
19. Раска, Э. Э. Стратегия и тактика превенции преступлений. В порядке дискуссии / Э. Э. Раска // Криминология. Вчера. Сегодня. Завтра. – 2011. – № 2. – С. 23–31.
20. Ромашов, Р. А. Государство: методология исследования политогенеза / Р. А. Ромашов // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 178–191.
21. Сидорина, Т. Ю. За пределами социального государства: от благосостояния к минимализму базового дохода / Т. Ю. Сидорина, М. Э. Заболотин // Вопросы философии. – 2022. – № 5. – С. 15–24.
22. Слонимский, Л. З. Поземельная политика в прошлом / Л. З. Слонимский // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. – 1890. – Кн. 8. – С. 641–678.
23. Смирнов, П. И. Постигжение России: взгляд социолога : монография / П. И. Смирнов. – СПб. : Алетейя, 2020. – 574 с.
24. Струве, П. Б. Об экономическом видении и предвидении / П. Б. Струве // Русская мысль. – 1908. – Кн. IX. – С. 149–159.
25. Тугаров, А. Б. Проблема индикации социального государства: феномен превенции / А. Б. Тугаров, Э. А. Шевцова // Социальное государство и социальная политика в контексте мирового кризиса и столетия революционного Октября : сборник научных трудов / под ред. Б. Ю. Кагарлицкого, А. В. Очкиной. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. – С. 7–17.
26. Тяпин, И. Н. Нравственный императив национальной идеи в эпоху антиморали : монография / И. Н. Тяпин. – М. : Наука и политика, 2015. – 168 с.
27. Федотова, В. Г. Практическое и духовное освоение действительности : монография / В. Г. Федотова. – М. : Наука, 1991. – 136 с.
28. Федотова, В. Г. Меняющаяся современность: всемирность и социальность / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2020. – № 11. – С. 5–14.

29. Фишман, Л. Г. Моральный баланс социального государства и правда леволиберального дискурса // Вопросы философии. – 2020. – № 5. – С. 12–24.

30. Хвостов, В. М. Социальный организм / В. М. Хвостов // Вопросы философии и психологии. – 1909. – № 5. – С. 357–394.

31. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин // Вопросы философии и психологии. – 1900. – № 1. – С. 101–149.

32. Шарков, А. В. Социальная функция государства: философский анализ проблемы : монография / А. В. Шарков. – Пермь : Изд-во ПГНИУ, 2018.

33. Шевченко, В. Н. Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории / В. Н. Шевченко // Философские науки. – 2019. – Т. 62, № 1. – С. 29–47.

Глава 3.2. Основы взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в современном обществе

В философском анализе опыта социальной превенции в обществе внимание обращается не столько на фактическую оценку состояния социальной практики и уровня развитости социального государства в конкретном обществе, сколько на смысл и содержание теоретических моделей превентивной деятельности социального государства и современного общества в целом. Конструирование таких теоретических моделей учитывает то, что социально-превентивная проблематика по своему содержанию не только онтологична и эпистемологична, но и аксиологична, т.е. её анализ имеет отношение к определению сущности ценностей её содержания [41, р. 125]. Аксиологические аспекты проблем социальной превенции и качества жизни человека в современном обществе определяют актуальные цели их философского анализа:

– определение условий для расширения возможностей познания феномена превенции в обществе с помощью аргументированных рассуждений и обоснованных теорий, которые, в свою очередь, опосредованно являются следствием создания практических средств и технологий улучшения социального и социокультурного качества жизни человека в современном обществе;

– определение возможностей повышения самооценки человека и улучшения взаимопонимания между людьми посредством социальных и кросс-культурных коммуникаций;

– определение перспектив и условий «уменьшения эксплуатации, маргинализации и других морально оскорбительных обстоятельств жизни человека в современном обществе независимо от его социальной принадлежности» [50, р. 6].

Таким образом, концептуально-методологический анализ опыта решения проблем социальной превенции предлагает «мост», который соединяет исследования социальной превенции с социальной практикой, основанной на фактических данных и соответствующей основным жизненным ценностям и стремлениям человека в современном обществе. Одним из аспектов философского анализа социальной превенции как феномена общества является определение основ и принципов взаимосвязи превенции и качества жизни человека в современном российском обществе [47, с. 46–47].

Существует подход к пониманию соотношения различных показателей социальной превенции, заключающийся в установлении аналогии показателей социального государства и уровней процесса социализации личности в современном обществе. С одной стороны, показателям «антисоциального» государства соответствует уровень дезадаптированности личности, тогда как показателям «асоциального» государства – уровень неадаптированности личности. С другой стороны, показатели «несоциального» государства и «собственно социального» государства соотносятся по аналогии с тем, как соотносятся социальная адаптация и интериоризация в процессе социализации личности [40, с. 7–8]. Таким образом, в «несоциальном» государстве индивид социально адаптирован, но не интериоризован, а в «собственно социальном» государстве он социализирован на уровне интериоризации. Такая аналогия по существу является конкретизацией другой, более абстрагированной аналогии: анализ опыта социальной превенции в российском обществе по аналогии с выявлением типологических особенностей формирования «российского культурно-цивилизационного проекта» [24].

Особенности отечественной социальной превенции, её историческое и ментальное становление определяются отсутствием установки на «Другого» (в данном случае – на другую культуру, другой способ формирования социальной превенции как на матричный

образец для своей); отказом от практики преобразования или приспособления норм и достижений культуры социальной превенции других обществ, воспринимаемых как «гегемониальные»; наличием преимущественной востребованности социально-технологических достижений других обществ в сравнении с востребованностью их социальных и политических институтов, т.е. отечественная социальная превенция ориентирована преимущественно на результат, а не на процесс.

Применительно к анализу опыта осуществления социальной превенции и достижения качества жизни человека в современном российском обществе обосновано использование термина «индикация» в следующих значениях: процесс и результат указания наличия либо отсутствия в обществе некоего состояния или процесса; процесс и результат отображения состояния, или же протекания процесса, или иного структурного элемента современного общества как объекта исследования, его качественных или количественных характеристик. Под индикацией в социальном познании обычно понимаются методы и приёмы наблюдения, фиксации, контроля, характеристики и оценки состояния и стадий развития различных социальных процессов, социальных структур и социальных систем исследования для установления и контроля зависимостей от изменения условий во времени, статистики количественного и качественного порядка, сопоставления с общепринятой в обществе социальной нормой.

Следовательно, индикация качества жизни человека в современном обществе оказывается, прежде всего, совокупностью методов и приёмов сопоставления различных процессов, объектов и систем исследования социальной превенции со сложившейся в современном российском обществе социальной нормой [35, с. 101–102]. Такой подход к пониманию социальной превенции и индикации качества жизни человека в обществе актуализирует внимание исследователей к проблеме научного определения, обоснования и интерпретации социальной нормы и аномии в современном обществе.

В этом случае исходным для анализа может стать предположение о том, что ориентиры и регуляторы социально-превентивной деятельности в современном российском обществе условно составляют две группы. К первой группе – «соционормативной» – относятся институциональные средства упорядочения социальных

отношений и социальных практик; ко второй группе – «индивидуально-гуманитарной» – относятся средства, непосредственно направленные на регуляцию поведения человека. В русской философской мысли присутствует понимание подобного деления средств социальной превенции в обществе.

К. М. Тахтарев предлагал исследовать любой социальный процесс и феномен в обществе с двух сторон: «с точки зрения развивающейся общественности и с точки зрения развития гражданственности, с точки зрения самоопределения личности, с точки зрения процесса индивидуализации и с точки зрения проявления обобществления самых различных сторон жизни, с точки зрения процесса социализации» [37, с. 25]. С. В. Лурье, оценивая возможности социально-превентивной деятельности в обществе, обращал внимание на тех «теоретиков», которые, переходя к рассмотрению вопросов, имеющих практическое значение, «считают возможным непосредственно связать общие философские, религиозные и моральные принципы с практической политикой». Он ставил под сомнение возможность «решать какой-нибудь практический политический вопрос», руководствуясь только «абсолютными принципами», принципом «абсолютной личности как таковой» [21, с. 54–55].

Опыт социальной превенции в современном российском обществе во многом оказывается отражением происходящих процессов социокультурной трансформации [36] и предполагает выявление таких онтологических характеристик этого опыта, как сущность, социокультурная детерминация, философско-теоретические истоки. Современные методологические подходы к опыту социальной превенции позволяют представить структуру анализа различных аспектов проблемы взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в современном обществе как единство дополняющих друг друга философских и научно-теоретических основ: концепции «социального доверия», модели «различия» и концепции «субъективного благополучия» [48, р. 8].

Концепция «социального доверия» представляет собой обоснование социальной политики как способа взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в современном обществе. Если в предыдущей главе социальная политика упоминалась в контексте определения места государства и государственной социальной политики в осуществлении социальной превенции [38], то в данном случае через рассмотрение философских аспектов социальной

политики обосновывается наличие связи между социальной политикой, социальной превенцией и качеством жизни человека в современном российском обществе. Русская социальная философия, основываясь на идее о том, что сущность общества заключена не в нём самом как особом образовании, а в полноте и органичности образующих его связей и отношений людей, постоянно обращается к анализу понимания социальной политики и опыта её реализации в обществе.

Для неё всегда принципиален вопрос: что важно для философского осмысления социальной политики: сам социально-политический «поток жизни» или то, что «несётся в его волнах»? В русской социальной философии сложилось понимание того, что от ответа на этот вопрос зависит многое в решении проблемы взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в обществе. Необходимо научиться постигать этот «поток» в его целом, необходимо научиться, с одной стороны, не извлекать из него части и частности, а уметь охватить само подвижное целое, с другой стороны, направлять внимание в исследовании непосредственно на философское содержание социальной политики.

В концепции «социального доверия» принципиально то, что в границах социально-политического процесса следует различать два вида его восприятия человеком, вызванных философией и наукой – интуитивный (автономный) и позитивный (гетерономный). Отношение человека к проявлениям социальной политики в обществе определяется далеко не всегда интуитивным путём, не всегда собственный выбор человека оказывается решающим. Достаточно часто социально-превентивная оценка человеком качества, проводимой в конкретном обществе социальной политики зависит от чужих для него влияний и воздействий и, следовательно, образуется гетерономно. В таком случае философское понимание социальной политики оказывается одним из способов формирования гетерономных восприятий человеком социально-политического процесса, наряду со сложившимися в конкретном обществе репутацией социальной политики и авторитетными мнениями о ней.

Задача русских философов конца XIX – начала XX в. в исследовании социальной политики сводилась к двум моментам: они стремились, с одной стороны, объяснить социальную политику как явление историческое, имеющее в обществе свои основания и оправдания; с другой стороны, они пытались путём тщательного и критического

изучения современного им российского общества и его структур чётко установить те многообразные переменны, которые совершались в социальной политике как общественном явлении. Понимание социальной политики в русской философии впервые обнаружило себя в постановке проблемы В. С. Соловьёвым, которая заключалась в выяснении назначения социальной политики, названной им «свободной координацией деятельных сил» [39, с. 22]. Конкретной задачей социальной политики В. С. Соловьёв считал «обязанность обеспечить благосостояние русского народа», а конкретной формой выполнения данной задачи – «общественную помощь» [31, с. 791, 793].

Философско-теоретическому пониманию социальной политики способствовала мысль о том, что любая социальная политика должна быть по своему содержанию социально-превентивной, т.е. затрагивать решение противоречивых задач как внутри конкретной социальной группы, так и между различными социальными группами в обществе. Идея научного содержания социальной политики или наличия отдельных элементов научности в ней разрабатывалась в то время С. Н. Булгаковым. В статье «О социальном морализме» (1904) он обращает внимание на то, что «следует бороться с абсолютизмом в социальной политике, т.е. с таким направлением, которое ищет розы без шипов, требуя совершенства, недостижимого в человеческих делах, и не желая считаться с неизбежной относительностью всяких средств, или же считает себя уже нашедшим такие совершенные социальные средства по рецептам, применимым всегда и везде» [6, с. 138].

В статье «Христианство и социальный вопрос» (1906) С. Н. Булгаков подчеркнул взаимосвязь социальной политики и социальной превенции в обществе: «В социальной политике необходимо считаться с пределами эластичности социальной ткани, чтобы не совершить её разрыва или полома скелета во имя стремления придать социальному телу новую форму» [6, с. 224]. Его рассуждения о взаимосвязи социальной превенции, социальной политики и социальной науки нашли логическое завершение в книге «Философия хозяйства» (1912), тем самым теоретически оформив в русской социально-философской мысли понятие «социальная политика».

С. Н. Булгаков писал: «Какого рода деятельность соответствует социальной политике, для какого искусства она является техникой? ... социальная политика имеет свою особую область и свой особый объект: это действие на совокупности, на социальное тело.

Область такого действия всё расширяется...» [7, с. 208]. Он показал, что понимаемая им «социальная политика» фактически оказывается политикой организации и осуществления в обществе социальной превенции. Все рассуждения о социальной политике в конечном счёте «трансформируются» в рассуждения о принципах реализации и достижения социальной превенции и о том, с каких научно-теоретических и философско-методологических позиций такая взаимосвязь социальной политики и социальной превенции может быть исследована.

Социально-превентивная направленность в понимании смысла социальной политики присутствует во взглядах П. А. Сорокина, который подчёркивал, что «социальная политика, подобно прикладной медицине, должна быть системой рецептуры, указывающей точные средства для борьбы с социально-психическими болезнями, для рациональных реформ во всех областях общественной жизни (в экономической, политической, правовой, религиозной, научной, педагогической и т.д.), для наилучшего использования социально-психической энергии» [32, с. 42].

Несмотря на то, что Н. А. Вигдорчик видел в социальном страховании только отрасль социальной политики, его обоснование «совершенного института социального страхования» содержит наиболее полное понимание концепции «социального доверия» и опыта взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в обществе. Он считал, что социальным страхованием следует называть «особую форму организованной взаимопомощи» в обществе, для которой характерно то, что «риск несчастья учитывается заранее, и заранее же распределяется между всеми участниками организации связанная с этим риском материальная тяжесть» [8, с. 12]. В этом случае социальное страхование оказывается частной технологией осуществления социальной превенции. Социальная превенция, с одной стороны, проявляет себя как социальная практика, которая осуществляется через частные способы и технологии. В целом такая практика распространяется на все сферы общества и в какой-то мере становится тождественной социальной политике государства.

Вместе с тем социальная превенция – это более целеориентированная деятельность, чем социальная политика, что логически следует из самой сути социальной превенции. Именно поэтому отдельные деятельностные проявления социальной превенции принимают, как правило, частно-конкретную, историческую форму, одной из которых является социальное страхование. Социальная превенция, с другой

стороны, – это определённым образом оформленная идея, которая предполагает быть выраженной как научно – политологически, правоведчески, социологически, психологически, культурологически и др., так и мировоззренчески, социально-философски, религиозно-философски. Обоснование содержания философского знания о социальной превенции идёт, прежде всего, по такому пути. Н. А. Вигдорчик относил к деятельности института социального страхования предпринимаемые в обществе «меры профилактического, общегигиенического и просветительского характера», которые «органически вытекают из самой сущности этого института, из его основной задачи – охраны жизненного уровня» [8, с. 61].

В этом случае получается, что если социальная превенция функционально и содержательно шире социального страхования, то социальное страхование, в свою очередь, по функциям шире социальной профилактики и деятельности, связанной с воспитанием в обществе социально-превентивного поведения. По мнению Н. А. Вигдорчика, проблема взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в обществе находит своё решение при социализме, поскольку «социальное страхование перестанет существовать» по причине того, что «исчезнет социальный риск, являющийся объектом социального страхования». Он был убеждён, что «функции социального страхования без остатка растворятся в функциях социального государства» как института «организованной взаимопомощи» [8, с. 138–139].

Анализ В. С. Соловьёвым, С. Н. Булгаковым, Н. А. Вигдорчиком, П. А. Сорокиным и др. категориального смысла понятия «социальная политика» позволяет более подробно остановиться на концептуальных принципах философского понимания социальной политики и на её логико-теоретических характеристиках, дающих возможность анализировать опыт взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в современном российском обществе. Эти принципы отражают возможность общества и государства превентивно воздействовать на социальную действительность на основании философского знания о социальной политике; давать ей желаемое направление, когда объект доступен превентивному воздействию человека или только предвидеть, предсказать возможный ход событий, когда объект уходит от этого воздействия; фиксировать степень применимости знаний о социальной политике к удовлетворению социальных потребностей человека.

Общетеоретические моменты проблемы взаимосвязи социальной превенции, социальной политики и качества жизни человека в обществе рассматриваются в современной социальной философии. Исследователи обращают внимание на наличие в социальной политике постоянной дилеммы свободы человека в обществе и социальной заботы о нём. Свобода человека основана на признании права людей делать свой жизненный выбор, контролировать свои личные и социальные обстоятельства. В этом случае для исследования проблем социальной политики существует «универсально-формалистская перспектива». Но, с другой стороны, социальная забота о человеке, действия, направленные на его социальную защиту, определяют то, что социальная политика в современном обществе ориентируется на качество предоставляемых социальных услуг, а не на формальное право людей контролировать эти услуги. В этом случае при исследовании опыта социальной политики в обществе реализуется «избирательно-дискреционный подход» [52, р. 35].

Исследовательский интерес представляет вопрос о «территории социальной политики», т.е. о том, что определяет объём и масштаб научно-философского изучения социальной политики. Если исходить из того, что основой социальной политики должны быть нравственно-этические ценности современного общества, то в этом случае вопросы о моральных принципах и социокультурных компонентах современной социальной политики не могут быть исключены из обсуждения. Л. Г. Фишман считает, что нарушение ранее достигнутого оптимального морального баланса социального государства определяет необходимость поиска новых философских подходов к анализу социальной политики, которые разрушали бы морально-идеологические основания прежнего социального государства и отрицали утопические лозунги его возрождения или защиты [43, с. 20–21].

В свою очередь, такая позиция автора выводит на другой вопрос: что использовать исследователю в качестве стандарта для суждений о нравственно-этических ценностях самой социальной политики? В западной социальной философии принято рассматривать «основной предмет социальной политики как эгалитаризм, т.е. проблему более справедливого распределения общественных благ» [52, р. 140]. Действительно, объединяющим аспектом для всех конкретных форм социальной политики в современном обществе оказывается вопрос о социальном равенстве и справедливости, который

широко обсуждается самыми разными отечественными и зарубежными школами социальной философии, а также представляет немалый интерес для общественности, но уже не столько с позиций философского содержания, сколько с позиций опыта практического воплощения в частных социальных политиках.

Вместе с тем попытка представить социальную превенцию в современном обществе в виде простой совокупности частных социальных политик оказывается концептуально необоснованным отходом от традиции понимания в русской философии смысла социальной политики в обществе по нескольким причинам:

– во-первых, частные социальные политики в таком случае воспринимаются как однозначные предписания по изменению статуса всех представителей конкретной социальной группы, для которой они предназначены, и в этом случае не учитывают интересы тех, кто хотел бы сохранить свои прежние социальные роли;

– во-вторых, сведение социальной превенции в целом к проявлениям многочисленных социальных микрополитик создаёт общественные настроения, согласно которым выгоды от таких политик одних групп населения становятся возможными за счёт других групп населения, и требуются большие усилия общества для доказательства того, что прямые выгоды одних социальных групп, как правило, сопровождаются косвенными выгодами других;

– в-третьих, названное понимание социальной превенции в современном российском обществе превращает сферу действия частных социальных политик в сферу получения социальных приоритетов и создания иерархии таких политик по принципу их престижности в обществе.

Таким образом, если под социальной политикой понимать не только механизмы улучшения материального благосостояния людей в обществе, но, прежде всего, любое целеположенное и организованное воздействие людей на их собственные отношения в обществе, то в опыте социальной политики исследователь найдёт фокус многих социально-превентивных тенденций развития современного общества. Концепция «социального доверия» как методология взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в современном российском обществе позволяет сделать некоторые обобщения относительно философского смысла социальной политики.

Социальная политика, рассмотренная с позиции качества жизни человека в современном российском обществе, представляет

собой деятельность, во-первых, регулируемую на основе учёта и дифференциации интересов отношения между социальными общностями; во-вторых, сочетающую удовлетворение жизненно важных потребностей человека с осуществлением через принцип распределения в обществе принципов социального равенства и социальной справедливости; а главное, в-третьих, создающую необходимые социально-превентивные условия, позволяющие человеку раскрыть свои сущностные силы.

Концепция «социального доверия» способствует философскому осмыслению опыта взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в современном обществе утверждением о недопустимости как преуменьшения, так и преувеличения роли социальной политики в процессе реализации сущностных сил человека. Односторонними следует считать любые утверждения, которые исходят из стремления подчеркнуть исключительное значение социальной политики для индивидуального совершенствования современного человека. Речь идёт о признании того обстоятельства, что личное совершенствование человека не исчерпывается действием социальной политики. Духовная жизнь человека, включённая в структуры его жизни в современном обществе, шире любой философски объяснённой социальной политики именно потому, что социальная политика постоянно будет выступать, в первую очередь, практическим инструментарием раскрытия всего социально-превентивного потенциала современного общества.

Опыт взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в современном обществе анализируется через *модель «различий»*, которая продолжает и дополняет концепцию «социального доверия». Эта модель даёт понимание того, что философское знание о социальной политике акцентирует исследование на вопросах социальной справедливости, социального равенства, социальной солидарности, социальной кооперации (взаимодействия) в качестве различных по содержанию характеристик социальной политики как сущего, социальной превенции как должного и как универсальных индикаторов качества жизни человека в современном обществе. В свою очередь, опыт исследования категории «качество жизни» позволяет определить теоретические основы качества жизни и рассмотреть вопрос социокультурных и экономических возможностей достатка как одного из индикаторов качества жизни в современном российском обществе [17; 12].

Обоснованием модели «различий» становятся идеи В. В. Розанова о методологии любого исследования. Он считал, что для его успешности, помимо методов, как «общих путей исследования», «необходимы ещё некоторые предваряющие представления о неизвестном, без которых невозможно приступить к самому исследованию его» [28, с. 24]. Модель «различий» построена на предположении, что к таким «предваряющим представлениям» о различиях в проявлениях взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в современном обществе относится философское понимание смысла жизни. В. В. Розанов отмечал в этой связи, что философия «может дать и созерцание и того частного, что предстоит исследовать, потому что частное всегда отражает в себе целое, имеет нечто аналогичное в своём строении и в своей сущности с этим целым, никогда не может быть чем-либо совершенно разнородным с ним» [28, с. 24–25].

В русской социальной философии смысл жизни понимается как та центральная духовная и нравственная проблема, которая «не всегда ставится и решается прямо». Хорошо известны её различные трактовки, способы и формы постановки и решения. Это может быть проблема «индивидуального и социального счастья» человека или проблема «устроения» человека в социальном мире. Это может быть научное и религиозное, рациональное и интуитивно-эмоциональное видение проблемы смысла жизни [5, с. 132]. В. Ф. Сержантов исследовал «личностный смысл жизни», который он определял как «аксиологическое "Я"», учитывая при этом, что смысл жизни предполагает соотнесение личной жизни человека с более широкой сферой социальной реальности, в первую очередь, с «жизнью своего народа и общества». По его мнению, в философии данная сторона проблемы смысла жизни представлена как «связь универсального и индивидуального смысла» и как «сверхличный», т.е. социальный, характер смысла жизни [29, с. 295].

Такой концептуальный подход к проблеме смысла жизни становится основой рассмотрения ряда различных, но взаимосвязанных феноменов философской мысли, производных от смысла жизни: социальная справедливость – социальное равенство – социальная солидарность – социальная кооперация (взаимодействие) – социальная превенция. Известно, что исследовательский интерес к той или иной проблеме детерминирован не только собственно внутринаучными

и внутрифилософскими мотивами, но и социальными обстоятельствами. Именно поэтому проблема смысла жизни длительное время была на периферии марксистско-ленинской философской традиции, поскольку считалось, что общество в целом и каждый индивид в отдельности знают ответ на самый глубокий и важный вопрос – зачем жить? [13, с. 3].

На периферии социально-философского исследования находилась и проблема социальной превенции: интерес к её анализу возникает тогда, когда в русской философии к проблеме смысла жизни добавляется проблема социальной справедливости и социального равенства, а также проблема качества и содержания жизни человека в современном ему обществе. Н. К. Гаврюшин считает в этой связи, что над смыслом жизни в России начинают задумываться в процессе всё усиливающегося западного влияния, но сам вопрос характерен именно для русской философии, поскольку в европейских языках нельзя даже найти точного соответствия слову «смысл» в русском языке. «Съмысл есть со-мысль, сопряжение мыслей» [9, с. 9].

Таким образом, в «сопряжении мыслей» русской социальной философии одной из мыслей становится мысль о социальном явлении, получившая название «предупреждение в обществе» или «социальная превенция». При этом понимание социальной превенции входит в понимание смысла жизни и тогда проблема смысла жизни выступает в русской философии как целое, а проблема социальной превенции становится частью этого целого. Кроме того, среди множества «различий», т.е. составляющих смысла жизни, которые неодинаковы по содержанию и функциональному назначению, оказывается и «борьба» за справедливость общественных отношений. В. Д. Баженов считает, что «борьба» за социальную справедливость является «важным стимулом, влияющим на содержание смысла жизни социальной группы и индивида» [3, с. 56].

Слово «борьба» в данном случае используется, скорее всего, как образ, метафора, как философско-публицистический приём, но, по сути, этим словом обозначается социальная превенция, поскольку борьба за социальную справедливость, понимаемая как превенция, оказывается предупреждением социальной несправедливости в обществе. Анализ в русской философии социальной превенции как феномена общества предполагает содержательное наполнение проблемы смысла жизни и его составляющих – свободы, справедли-

ности, равенства, солидарности, кооперации. Одной из особенностей отечественной социально-философской мысли является восприятие социального равенства людей как должного, противостоящего вызванному общественными условиями социальному неравенству как сущему. Более того, идея справедливости может восприниматься как обоснование стремления к равенству.

Вопрос о социальной превенции и индикаторах качества жизни человека в современном обществе возвращает анализ социальной превенции к проблеме соотношения социальной превенции, социальной справедливости, социального равенства, социальной солидарности и социальной кооперации (взаимодействия) в обществе. Первоначальным предметом социальной справедливости считаются основные структуры общества или направление, в котором основные социальные институты сочетают в себе фундаментальные права и обязанности людей и детерминируют разделение между ними преимуществ социальной превенции, социального сотрудничества (кооперации, взаимодействия) и социальной солидарности.

Дж. Ролз в «Теории справедливости», выявляя принципы социальной справедливости, обратил внимание на то, что эти принципы «обеспечивают способ соблюдения прав и обязанностей основными институтами общества, и они определяют соответствующее распределение выгод и тягот социальной кооперации» [51, р. 4]. Принципы справедливости для социальных институтов не следует отождествлять с принципами, которые применимы к индивидам и их действиям под влиянием конкретных социальных обстоятельств. Эти два вида принципов применимы к различным сторонам индикации качества жизни человека в современном обществе и предполагают отдельный анализ каждого из них.

Дж. Ролз считал, что «общество хорошо организовано» тогда, когда оно «эффективно регулируется общественной концепцией справедливости», в частности, «базовые социальные институты» в целом известны «как удовлетворяющие» этим принципам социальной справедливости [51, р. 4]. Скорее всего, речь в данном случае идёт, с одной стороны, о распространённых и устоявшихся в западном обществе обыденных представлениях о справедливости, а с другой стороны – о знании, раскрывающем деятельность социальных институтов, которое может быть и обыденным, и научно-теоретическим. Анализ содержания модели «различий» предполагает учёт того обстоятельства, что принцип различия является одним из

основных принципов теории справедливости Дж. Ролза, наряду с принципом равной свободы и принципом равенства возможностей. Смысл этих принципов заключён в обеспечении всем членам общества равного доступа к основным свободам и правам и равных шансов в достижении общественно значимых позиций.

В зарубежной социальной философии существует мнение, что социальное благосостояние членов общества в широком смысле подразумевает социальный порядок в обществе, в котором преобладают социальное равенство и социальная справедливость. Но если при этом общественной целью (целью социального развития) считать социальное благосостояние, то она оказывается более значимой, чем цель достижения социальной справедливости в обществе, поскольку «социальное благосостояние предполагает реальное равенство» [49, р. 3–4]. Если следовать методологии исследования социальных проблем общества Дж. Ролза, Г. Дровера и А. Москович, то социальная превенция рассматривается в модели «различий» как сопровождение социальной справедливости, но, в свою очередь, она может быть определена как предпосылка социальной кооперации (социального взаимодействия людей), функциональное состояние социальной солидарности и исходное условие достижения социального равенства.

Актуальной задачей для решения социальных проблем современного российского общества является развитие, расширение и укрепление превентивных, кооперативных и солидарных отношений во всех сферах жизнедеятельности человека. Задачей отечественной социальной философии при этом является раскрытие глубинных, предельных оснований в социальных отношениях, предопределяющих важность наличия в них элементов социальной кооперации, социальной солидарности и социальной превенции. Складывается мнение, что социальная справедливость в обществе определяется в философии исключительно в противопоставлении несправедливости, поскольку, когда говорится о справедливом действии, то обычно имеется в виду, что данное действие не только исправляет, но, прежде всего, предотвращает несправедливость. В таком случае поиск в современном российском обществе путей достижения социальной справедливости определяется как деятельный процесс замещения или предупреждения того, что способствует появлению у человека состояния несправедливости.

С другой стороны, социальная справедливость в современном российском обществе определяется как качество обоснованности или правомерности социальных действий, как принцип обоснованного поведения, а также как проявление этого качества или принципа в различных видах деятельности человека. Для русской социальной философии в прошлом и настоящем характерно стремление переосмыслить справедливость как нравственный императив, побуждающий человека к выходу за рамки безразличных к социальному неравенству и несправедливости правил, образов жизни и поведения современной ему цивилизации.

На рубеже XIX и XX в. русские мыслители утверждали, что «над всяким социальным явлением независимо от исследования причинных отношений, обусловивших его, может быть высказан этический приговор, смотря по тому, приводит ли он к справедливым результатам». При этом несправедливость оказывалась результатом, а «результат являлся потому, что был справедлив, и, следовательно, справедливость была и будет величайшей необходимостью не метафизически, а конкретно, как продукт действительно фактически всепобеждающих стремлений человечества к своему благу» (Б. А. Кистяковский, Л. Е. Оболенский) [27, с. 111, 118].

В современной отечественной философии Г. Ш. Аитова, рассматривая «справедливость как этический императив», отмечает, что для России, с её традиционализмом и возрастающими процессами коммерциализации общественных отношений, которые обезличивают требования справедливости, «исторический прорыв в будущее возможен через общественную солидарность и сплочение» [1, с. 15–16]. Но в русской социальной философии никогда не было преобладающим, и тем более единственным, мнение о том, что социальная справедливость, социальное равенство, социальная солидарность, социальная кооперация и социальная превенция по своему существу являются исключительно категориями нравственности и аксиологии, характеризующими не объективные качества самой социальной действительности, а субъективное отношение к ней человека, дающего с помощью этих категорий свою нравственную (одобряющую или осуждающую) оценку реальной действительности.

В рассматриваемых категориях, безусловно, содержится нравственный, аксиологический элемент, и было бы неверно в свою

очередь отрицать его наличие. Вместе с тем содержание модели «различий» не даёт основания согласиться с тем, что это исключительно субъективные по своему происхождению категории, имеющие смысл только в связи с мнением или суждением конкретного человека. С. В. Гроздилов обращает внимание на обоснование природы справедливости как жизненно важного социального феномена и как свойства, стороны общественных отношений; подчёркивает междисциплинарный характер исследования справедливости как сложного явления, характеризующего всю систему общественных отношений [11].

Социальная справедливость или несправедливость, социальное равенство или неравенство, а также социальная солидарность, социальная кооперация и социальная превенция выступают как объективные качества, характеризующие жизнь человека в современном обществе и анализируемые, прежде всего, в контексте социальной практики. Прогноз трансформации условий, влияющих на качество социальной жизни, даёт с позиции социального конструирования реальности В. Г. Федотова, показывая, как универсальные и специфичные черты социальных бедствий, в частности эпидемий, а в настоящее время и пандемии, формируют «политику спасения». Прогнозируя «постпандемическое будущее», автор считает, что наиболее вероятным сценарием будущего после пандемии выступит «сосуществование и напластование элементов старого и нового во множественных формах их взаимодействия или гибридизации» [42, с. 113–114].

Ещё одной теоретической основой опыта взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в современном обществе является *концепция «субъективного благополучия»*, которая дополняет по содержанию концепцию «социального доверия» и модель «различия». Вопрос антропологического измерения социальной превенции продолжает анализ её содержания как феномена современного российского общества. Если в предыдущих главах акцент в понимании социальной превенции делался на её наличие (или её отсутствие) как результат действия (или бездействия), прежде всего, государства, а также институтов гражданского общества; как результат детерминирующего воздействия внешнеполитических, геополитических и макроэкономических факторов, связанных с местом России в системе мировой политики и экономики и проявляющихся преимущественно на уровне государства, то антропологическое измерение в русской философии исследуемой

проблемы переводит анализ опыта социальной превенции в плоскость «социальная превенция как качество жизни человека в современном обществе».

Смена акцентов связана с тем, что антропологическое измерение социальной превенции является ключевым моментом социально-философского анализа проблемы взаимосвязи социальной превенции и качества жизни человека в современном российском обществе. В. С. Барулин отмечал, что «следует зафиксировать неразрывную взаимосвязь общесоциологического и антропологического изучения общественной жизни» [4, с. 35]. В этом случае философская и социальная антропология становятся методологией анализа превентивных тенденций в социальной сфере современного российского общества, который способен определить различные аспекты антропологической проблематики качества социальной жизни человека.

Вместе с тем в современной социальной философии существует мнение, что, хотя традиционно «гуманизм» используется для обозначения «антропоцентрического подхода» к «изучению и оценке человечества», такой «антропоцентризм» подвергается критике на том основании, что «он мифологизирует объект исследования – человечество» [53, р. 11]. А. И. Криман показал ретроспективу «постгуманизма», магистральной идеей которого является «постчеловек». «Постчеловек» в «постгуманизме» понимается не как существо, преодолевшее свою биологию (как в «трансгуманизме»), а как «точка сборки» мифического, химерического, технологического, социального, биологического; как дальнейшая деконструкция гуманистического «витрувианского человека».

Автор считает, что виток развития гуманизма, через «антигуманизм» и «трансгуманизм» (который понимается как «гипергуманизм»), приводит к «постгуманизму», к «постгуманистическому повороту к не-человеческим агентам», и, как следствие, общей тенденцией становится деантропологизация философского дискурса. Он вводит новый термин «пост(не)человеческое», который раскрывает «концептуальность постгуманистического дискурса» и позволяет при его использовании выразить «итоги и следствия постгуманистического поворота в философской антропологии XXI века» [19, с. 57–58].

Дискуссионность приведённого мнения определяет необходимость рассмотрения концепции «субъективного благополучия»

с точки зрения её применимости к методологическим и концептуальным основам русской социальной философии. В. Ф. Сержантов обратил внимание на взаимосвязь «основных гуманистических реалий» и структуры социальной философии, т.е. на то, что антропологический (человеческий, гуманистический) характер социальной философии может быть представлен как «исследование четырёх основополагающих реалий – свободы, практики, ценностей и познания, собственное содержание которых и их взаимная связь и выявляет философию как многостороннюю теорию человека» [29, с. 56].

Такой теоретический подход позволяет рассмотреть концепцию «субъективного благополучия» как познание феномена социальной превенции через взаимосвязь с качеством жизни человека в современном обществе на уровне свободы человека, её реализации в социальной практике и ценностного отношения к ней человека. В этом случае концепция «субъективного благополучия» становится интерпретацией социальной превенции с позиций философии гуманизма и психосоциального подхода к анализу социальной превенции в русской философии. Основой понимания сущности гуманизма как «развития личности в умственной и нравственных сферах» М. С. Корелин в работах конца 80-х – начала 90-х г. XIX в. считал «гуманистический индивидуализм», который характеризуется двумя социально-превентивными по своему характеру признаками: во-первых, «убеждением в неотъемлемом праве человека развивать свои способности удовлетворять своим потребностям»; во-вторых, «интересом к окружающей действительности, поскольку она имеет влияние на человека» [15, с. 105, 106].

Такие признаки «гуманистического индивидуализма» становятся проявлениями антропологизма социальной превенции, которая раскрывает в теории и практике потенциальную возможность достижения «субъективного благополучия» как конкретного состояния качества жизни человека в современном обществе. При этом антропологический подход к исследованию социальной превенции не только не принижает значения «внешних форм общежития» (П. И. Новгородцев), но, напротив, способствует выявлению их ценности. В русской социальной философии определение человеческого (гуманистического) потенциала социальной превенции как феномена общества не ограничивается установлением «линии влияния» социальных структур и институтов на качество жизни человека в обществе. Социальная практика показывает, что в современном

обществе действуют личностные начала, прослеживается (в большей или меньшей мере) тенденция «очеловечивания» содержания социальных процессов, присутствует определённая автономность человека по отношению к отдельным социальным структурам и институтам.

Внимание русской социальной философии к рассмотрению различных конкретно-исторических форм «субъективного благополучия» как «гуманистического индивидуализма» позволяет предположить наличие в современном обществе «гуманизации социальной превенции», т.е. тенденции возрастания общественного и индивидуального интереса к социальной превенции как феномену общества, имеющему влияние на человека и качество его жизни в обществе. Под гуманизацией социальной превенции в самом общем виде понимается ряд социально-политических и социокультурных процессов, позитивно влияющих на социальное благосостояние человека и на социальную стабильность в современном российском обществе.

Гуманизация социальной превенции по своей сути и направленности не революционна, а социально-эволюционна и осуществляется через механизмы культуры, воспитания, духовности, религиозности и др. В этом приоритете эволюционности заключено концептуальное отличие «гуманизации социальной превенции» от того «реального гуманизма», который К. Маркс также называл практическим гуманизмом и который предполагал конкретный способ «борьбы против отчуждения человеческой сущности» [26, с. 65]. Н. Д. Субботина считает, что отражением приобретений социальной эволюции стал принцип «общество для человека» как основание идеи гуманизма. Вместе с тем отрицание человеком интересов общества неизбежно ведёт к различным социальным катаклизмам. Способом разрешения этого противоречия и «действенным фактором социальной эволюции должен стать принцип «человек для общества и общество для человека»» [33, с. 5–6].

Концепция «субъективного благополучия» является философским обоснованием анализа психосоциальной составляющей социальной превенции, которая становится одним из индикаторов качества жизни человека в современном российском обществе. Концепция даёт возможность исследовать психосоциальные аспекты превенции в современном обществе («психосоциальной превенции»), приняв за основу предположения о сублимации как превенции; изоляции как

конкретном психосоциальном состоянии превенции; психосоциальной работе как профессиональной деятельности и знании психосоциальных особенностей и проявлений социальной превенции (В. Н. Келасьев, И. В. Наместникова, П. Д. Павленок, Е. Г. Студёнова, М. В. Фирсов, Е. И. Холостова, Т. Шанин, В. Н. Ярская и др.).

Т. Н. Горобец и В. И. Кулайкин рассматривают теоретико-методологические основы исследования психолого-эргономического аспекта качества жизни человека, раскрывая сущностную характеристику качества жизни как условия выживания человека и подчёркивая необходимость предупреждения саморазрушения и сохранения направления вектора высшей нервной деятельности на перспективу развития человека [10]. Анализ этих и других аспектов превенции становится философской интерпретацией содержания «психосоциальной составляющей» социальной превенции в современном российском обществе.

В русской социальной философии вопросы психологизма человека и общества постоянно вызвали заметный исследовательский интерес. С. Н. Трубецкой считал «безвольную неврастению» диагнозом «болезни русской жизни» или «чеховской полосой русской жизни» и надеялся на то, что к «этому царству неврастенической тоски, к миру дяди Вани и трёх сестёр – Россия уже не может вернуться» [18, с. 49]. С. Л. Франк обращал внимание на имеющие методологическое значение особенности психологизма при исследовании социальных проблем, когда отмечал, что «никакое философское мирозерцание, построенное из отвлечённых элементов, не существует без некоторого единого интуитивного центра» [44, с. 4].

И. И. Лапшин подробно анализировал те негативные моменты в мышлении человека, которые препятствуют утверждению «психосоциальной превенции» и формированию философии и культуры социальной превенции – «общественные предрассудки и трусливое недомыслие сторонников "здорового смысла"». Он отмечал, что «боязнь (часто лишённая оснований) пошатнуть что-либо в существующем общественном строе, "потрясти основы", приняв известное научное положение и применив его на практике, иногда так сильна у общественных деятелей, что совершенно парализует свободное развитие философской мысли» [20, с. 831]. Для русской социальной философии в данном случае типично то, что, по мнению современников, было характерно для философского развития Н. Я. Грота:

«Философские проблемы были для него психологическими проблемами. ... его работы представляют не только логические построения, но и психологические документы» [30, с. 98].

Но психологизм в анализе содержания любой социальной проблемы и исследования любого социального феномена не был отличительной особенностью взглядов всех представителей русской социально-философской мысли, поэтому опыт социальной превенции в русской философии не может быть сведён к психологизму, а философское знание о «психосоциальной превенции» раскрывает лишь часть содержания феномена социальной превенции. Вместе с тем современная отечественная социальная философия продолжает активно исследовать различные аспекты содержания психосоциальной составляющей превенции в российском обществе. К. Х. Момджян утверждает, что «максимум свободы человек обретает в рамках мотивационной функции, которая связана с выбором поведенческих реакций на безальтернативные влечения» [23, с. 68].

Исследовательский подход, предложенный А. Л. Журавлёвым и А. В. Юревичем, позволяет по аналогии с функциями национальной идеи определить «психологические функции» идеи социальной превенции, выделив среди них «консолидирующую» функцию [14, с. 69–70]. С. В. Акопов обращается к теории «онтологической безопасности» с точки зрения вопроса о соотношении онтологической безопасности и экзистенциальной тревоги по преодолению человеческого одиночества. Автор подчёркивает актуальность исследования механизмов поддержания онтологической безопасности в обществе, считая, что состояние «онтологической безопасности общества» можно достичь через специфические модели так называемой «политики управления одиночеством» с уточнением вопроса о том, может ли одиночество человека в современном обществе преодолеваться без соответствующей политической объективации [2, с. 24–25].

Исследователей интересуют также содержательные характеристики, предикторы становления и перспективы развития психологической безопасности личности, в частности, вопросы разработки и апробации стратегии превенции рисков травматизма в условиях профессиональной деятельности, совершенствования технологий организации системы превенции рисков в условиях профессиональной деятельности [22]. В целом концепция «субъективного благопо-

лучия» оказывается методологией определения сущности «психосоциальной превенции», которая может быть сведена к особенностям, определяющим стремление человека превратить себя из объекта современного российского общества в субъект, причём сознательный субъект, развитие которого является необходимым условием социально-превентивных изменений в самом обществе.

В русской социальной философии эта сущность сводима к признанию человека самодовлеющей ценностью, утверждению права личности на уникальность. П. И. Новгородцев писал в этой связи: «Личность не есть пустая форма, из которой ничего нельзя вывести и к которой всё может быть приурочено. ... личность может, однако, противопоставить обществу и свои собственные начала – те, которые вытекают из самой идеи личности. ... Пусть все эти начала будут отвлечёнными, но они вовсе не являются бессодержательными» [25, с. 10]. Опыт взаимосвязи социальной превенции как феномена общества и качества жизни человека в современном обществе, а также анализ в русской социальной философии основ такой взаимосвязи, позволяют рассмотреть гуманизацию социальной превенции и психосоциальную составляющую превенции в обществе в качестве концептуальных основ воспитания культуры социальной превенции, т.е. процесса целенаправленного и целесообразного формирования социально-превентивного отношения к явлениям и процессам современного российского общества и социально-превентивного поведения человека как социального субъекта в этом обществе.

О рациональной обоснованности такого философского подхода рассуждал в начале XX в. В. М. Хвостов, задаваясь вопросом: обеспечивают ли современные формы государственного устройства (организации) и управления «большую свободу нравственного развития личности, чем это делали прежние формы»? Он писал, сравнивая роль идеалов и иллюзий в воспитании личности: «Иллюзии рисуют нам не в надлежащем свете ту жизнь, которая нас окружает, и закрывают от нас её тёмные стороны. Идеалы же имеют дело не с действительной жизнью, но с той жизнью, которая только желательна. ... Сооружая идеалы для будущего, человек тем самым не только не скрывает от себя бедствий и зол настоящего, но, напротив, с особой силой их подчёркивает и ищет средств и путей к их устранению. Если, таким образом, иллюзии расслабляют и унижают человека, то идеалы его бодрят и возвышают» [45, с. 27].

Процессы, идущие в современном российском обществе, а также геополитические конфликты и конкретные обстоятельства цивилизационного противостояния, актуализируют детерминированную, осознаваемую и воспринимаемую в обществе потребность воспитания культуры социально-превентивного поведения различных социальных групп населения. Предметом анализа становятся теоретические и прикладные аспекты реальной практики урегулирования и разрешения социальных конфликтов, различные технологии их превенции в обществе [34]. В этом случае традиционные и инновационные технологии превенции социальных конфликтов рассматриваются, прежде всего, как инструменты формирования культуры социальной превенции.

Характеристикой социальной превенции, качеством социально-превентивной деятельности государства и показателем уровня сформированности в современном российском обществе культуры социальной превенции является национальная безопасность государства. При исследовании вопросов превентивного обеспечения «целостной безопасности России» [16] безопасность анализируется как социокультурный феномен, представляющий совокупность социальных отношений и интенций, комплексная реализация которых позволяет не только укрепить национально-государственные устои российского общества, но и совершенствовать культуру социально-превентивного поведения россиян в условиях различных социальных конфликтов и вне них.

Актуальные направления социально-философского анализа социальной превенции необходимо ориентировать на рассмотрение опыта применения рациональных способов решения конкретных задач воспитания культуры социальной превенции. Это связано, прежде всего, с тем, что в связи с глобальными изменениями социально-антропологической реальности, вызванными в том числе применением новейших биотехнологий и последствиями коронавирусной пандемии в современном мире, возрастает социальная ответственность современного человека перед собой, обществом и родом человеческим. Методологической основой понимания такой ответственности в контексте воспитания культуры социально-превентивного поведения человека в современном российском обществе является комплексный междисциплинарный подход к исследованию человека, разработанный в трудах академика РАН И. Т. Фролова (1929–1999) [46].

В заключительной главе монографии будет показано, что для решения названных исследовательских задач требуется интеграция фрагментарных, не всегда связанных между собой частных представлений о социальном благополучии, социальной помощи и психосоциальной поддержке человека, социальной культуре, социокультурных процессах и соответствующих видах деятельности, социальном образовании и др. в структурированное философское знание об опыте воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе.

Список литературы

1. Аитова, Г. Ш. Исторический взгляд на проблему справедливости: российская специфика / Г. Ш. Аитова // Вопросы философии. – 2016. – № 5. – С. 15–26.
2. Акопов, С. В. Общественный идеал: «онтологическая безопасность» и «политика одиночества» / С. В. Акопов // Человек. – 2021. – Т. 32, № 4. – С. 5–26.
3. Баженов, В. Д. Смысл жизни в зеркале социальной справедливости / В. Д. Баженов // Смысл человеческой жизни. Диалог мировоззрений : материалы симпозиума. – Н. Новгород : Изд-во ВВКЦ, 1992. – С. 54–56.
4. Барулин, В. С. Социально-философская антропология. Общие начала социально-философской антропологии : учебное пособие / В. С. Барулин. – М. : Онега, 1994. – 256 с.
5. Безносков, В. Г. «Смогу ли уверовать?» Ф. М. Достоевский и нравственно-религиозные искания в духовной культуре России конца XIX – начала XX века : монография / В. Г. Безносков. – СПб., 1993. – 200 с.
6. Булгаков, С. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Т. I : сборник статей / С. Булгаков. – М. : Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1911. – 303 с.
7. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства : монография / С. Н. Булгаков. – М. : Наука, 1990. – 412 с.
8. Вигдорчик, Н. А. Теоретические основы социального страхования : монография / Н. А. Вигдорчик. – Петроград : Книга, 1919. – 139 с.
9. Гаврюшин, Н. К. Русская философская симфония (предисловие) / Н. К. Гаврюшин // Смысл жизни. Антология / общ. ред. и сост. Н. К. Гаврюшина. – М. : Прогресс-Культура, 1994. – С. 7–18.

10. Горобец, Т. Н. Качество жизни человека: психолого-эргономический аспект : монография / Т. Н. Горобец, В. И. Кулайкин. – М. : Изд-во МГТУРЭиА, 2015. – 137 с.
11. Гроздилов, С. В. Справедливость: философский дискурс и социальная практика : монография / С. В. Гроздилов. – Ярославль : Изд-во ЯГСХА, 2019. – 338 с.
12. Гусева, С. Г. Социокультурный образ достатка в русском национальном сознании : монография / С. Г. Гусева. – Н. Новгород : Изд-во НГАСУ, 2017. – 168 с.
13. Делокартов, К. Х. Предисловие: «Новые аспекты вечной проблемы» / К. Х. Делокартов // Смысл жизни: опыт философского исследования : сборник статей / отв. ред. К. Х. Делокартов. – М. : Изд-во РАУ, 1992. – С. 3–7.
14. Журавлёв, А. Л. Психологические аспекты поиска российской национальной идеи / А. Л. Журавлёв, А. В. Юревич // Вопросы философии. – 2016. – № 8. – С. 69–78.
15. Кареев, Н. И. М. С. Корелин как историк гуманизма / Н. И. Кареев // Русская мысль. – 1900. – Кн. V. – С. 100–112.
16. Ковалёв, А. А. Современные проблемы безопасности России в эпоху цивилизационного противостояния : монография / А. А. Ковалёв. – М. : ИЦ РИОР, 2019. – 204 с.
17. Козлова, М. В. Методологические основы качества жизни / М. В. Козлова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 3-1. – С. 221–225.
18. Котляревский, С. А. Миросозерцание князя С. Н. Трубецкого / С. А. Котляревский // Вопросы философии и психологии. – 1916. – № 1. – С. 40–50.
19. Криман, А. И. Постгуманистический поворот к пост(не)-человеческому / А. И. Криман // Вопросы философии. – 2020. – № 12. – С. 57–67.
20. Лапшин, И. И. О трусости в мышлении (Этюд по психологии метафизического мышления) / И. И. Лапшин // Вопросы философии и психологии. – 1900. – № 5. – С. 817–881.
21. Лурье, С. В. Религиозная мистика и философия / С. В. Лурье // Русская мысль. – 1908. – Кн. IV. – С. 41–56.
22. Медовикова, Е. А. Психологическая безопасность личности: предикторы становления и перспективы развития : коллективная монография / Е. А. Медовикова [и др.]. – Кемерово : Изд-во Кемеровского государственного университета, 2021. – 164 с.

23. Момджян, К. Х. Социально-философский анализ феномена свободной воли / К. Х. Момджян // Вопросы философии. – 2017. – № 9. – С. 68–81.
24. Мурзин, Н. Российский культурно-цивилизационный проект: типологические особенности формирования. Культура как начало и начала культуры / Н. Мурзин // Vox. Философский журнал. – 2019. – № 26. – С. 225–249.
25. Новгородцев, П. Об общественном идеале / П. Новгородцев // Вопросы философии и психологии. – 1914. – № 1. – С. 1–146.
26. Ойзерман, Т. И. Размышления о реальном гуманизме, отчуждении, утопизме и «позитивизме» / Т. И. Ойзерман // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 60–72.
27. Протоколы общих собраний С.-Петербургского Философского Общества за 1899 г.: 22-ое собрание 16 декабря // Вопросы философии и психологии. – 1900. – № 1. – С. 110–119.
28. Розанов, В. Заметки о важнейших течениях русской философской мысли в связи с нашей переводной литературой по философии / В. Розанов // Вопросы философии и психологии. – 1890. – № 3. – С. 1–36.
29. Сержантов, В. Ф. Человек, его природа и смысл бытия: монография / В. Ф. Сержантов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 360 с.
30. Соколов, П. П. Н. Я. Грот как мыслитель / П. П. Соколов // Вопросы философии и психологии. – 1900. – № 1. – С. 74–100.
31. Соловьёв, В. С. Народная беда и общественная помощь / В. С. Соловьёв // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. – 1891. – Кн. 10. – С. 780–793.
32. Сорокин, П. Система социологии. Т. I. Социальная политика. Ч. I. Учение о строении простейшего (родового) социального явления : монография / П. Сорокин. – Петроград : Колос, 1920. – 360 с.
33. Субботина, Н. Д. Идея гуманизма как фактор общественного развития / Н. Д. Субботина // Вопросы философии. – 2018. – № 8. – С. 5–15.
34. Сухов, А. Н. Социальная конфликтология : учебное пособие / А. Н. Сухов. – М. : Юнити-Дана, 2021. – 255 с.
35. Таныгин, А. Г. Труд и субъект труда: ретроспектива и перспективы социально-философского исследования / А. Г. Таныгин, А. Б. Тугаров // Современные исследования социальных проблем. – 2022. – Т. 14, № 2-2. – С. 97–107.

36. Тарасов, А. Н. Социокультурная трансформация: постмодернизм : монография / А. Н. Тарасов. – Тамбов : Изд-во Р. В. Першина, 2014. – 198 с.
37. Тахтарев, К. М. Социология, её краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы : монография / К. М. Тахтарев. – Петроград : Кооперация, 1918. – 112 с.
38. Треушников, И. А. Смысл социальной политики / И. А. Треушников // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 1. – С. 296–298.
39. Тугаров, А. Б. Гуманистические основания русской философии социальной жизни : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Тугаров А. Б. – СПб., 1996. – 38 с.
40. Тугаров, А. Б. «Внеэкономическое»: понятие социальной теории или феномен регионального развития? // Внеэкономические факторы развития региона : материалы науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Очкиной. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – С. 6–11.
41. Тугаров, А. Б. Философия превенции как методология социальных практик / А. Б. Тугаров, Э. А. Шевцова // Prospects for the Development of Modern Science : materials of the II international scient.-pract. conf. – Busan, Korea : Regional Academy of Management, 2017. – Vol. I. – P. 121–129.
42. Федотова, В. Г. Во время пандемии и после / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2021. – № 12. – С. 112–122.
43. Фишман, Л. Г. Моральный баланс социального государства и правда леволиберального дискурса / Л. Г. Фишман // Вопросы философии. – 2020. – № 5. – С. 12–24.
44. Франк, С. Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева / С. Л. Франк // Русская мысль. – 1913. – Кн. XI. – С. 1–31.
45. Хвостов, В. М. Нравственная задача человечества / В. М. Хвостов // Вопросы философии и психологии. – 1912. – № 1. – С. 1–33.
46. Человечество в новой реальности: глобальные и технологические вызовы : сборник статей / отв. ред. Г. Л. Белкина. – М. : Канон+, 2022. – 496 с.
47. Шевцова, Э. А. Социально-философское осмысление социальной превенции: социальная политика и качество жизни человека в современном обществе / Э. А. Шевцова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2020. – Т. 9, № 3А. – С. 44–52.

48. Bai, C. Social Trust, Pattern of Difference, and Subjective Well-Being / C. Bai, Y. Gong, Ch. Feng // Sage Open. – 2019. – № 9 (3). – P. 1–17.

49. Drover, G. Inequality and Social Welfare / G. Drover, A. Moscovitch // Inequality: Essays on the Political Economy of Social Welfare / ed. by A. Moscovitch, G. Drover. – Toronto : University of Toronto Press, 1981. – P. 3–23.

50. Holmes, C. In Search of Christian Theological Research Methodology / C. Holmes, D. Lindsay // Sage Open. – 2018. – № 8 (4). – P. 1–9.

51. Rawls, J. A Theory of Justice / J. Rawls. – Cambridge (Mass.) : The Belknap Press, 1971. – 607 p.

52. Rein, M. Social Science and Public Policy / M. Rein. – Harmondsworth : Penguin Books, 1976. – 272 p.

53. Soper, K. Humanism and Anti-Humanism / K. Soper. – L. : Hutchinson, 1986. – 159 p.

Глава 3.3. Научно-философские аспекты воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе

Социальная превенция как феномен общества, характеристика состояния общества и индикатор качества жизни человека в современном обществе не может быть только продуктом деятельности институтов государства, имеется в виду, прежде всего, социально-превентивная направленность государственной социальной политики. Опыт свидетельствует, что социально-превентивная активность, поведение человека в общественной жизни могут быть, с одной стороны, стихийными, случайными, в какой-то мере интуитивными, но, с другой стороны, они ожидаемо могут быть результатом опыта целенаправленного отношения человека к социальной превенции, т.е. результатом формирования культуры социальной превенции, воспитания у него ценностей и норм социально-превентивной деятельности.

Следовательно, анализ социальной превенции в русской философии предполагает раскрытие содержания проблемы соотношения в современном российском обществе культуры, воспитания и соци-

альной превенции. Исследовать опыт, тенденции и направления воспитания культуры социальной превенции можно, обращаясь к теоретическим принципам общей и социальной культуры, общего и социального воспитания, раскрытым в русской социальной философии, и приняв за основу идею соотношения социальной культуры, социального воспитания и социальной превенции, а также идею о *воспитывающем* содержании самого философского знания о социальной превенции. Предметом философского анализа в этом случае становятся: соотношение проблемы культуры и проблемы воспитания в русской социальной философии, философские основы культуры и воспитания социальной превенции, содержание отечественной философии воспитания.

Таким образом, акцент в анализе может быть сделан или на проблеме культуры, воспитания и социальной превенции в современном российском обществе, или на проблеме культуры социальной превенции, или на проблеме воспитания социальной превенции, или на соотношении содержания этих проблем. О. А. Жукова обращает внимание на смысловую взаимообусловленность религиозной, художественной и социально-политической традиции в истории российского общества, которая «тематизированна концептом человека, культуры и творчества», на преемственность духовного и социального опыта, наследования и трансляции значений и смыслов, выработанных предшествующим опытом культуры. Автор считает, что такая логика трансформаций проявляется в истории русской социальной мысли как противоречие между «неотчуждаемой в христианской традиции свободой лица и традиционализмом власти» [12].

С. И. Можилин и В. Б. Устьянцев в анализе идеалов культуры России отмечают риски утраты потенциала конструктивных идеалов в условиях современного потребительского общества, предлагающего идеалы, ориентирующие в первую очередь на удовлетворение личных, эгоистических интересов человека. Авторы полагают, что для современной России главное сохранить потенциал личностных идеалов, ориентирующих на приоритетность общечеловеческих, гуманистических ценностей, демонстрирующих возвышение над эгоизмом и уважение к представителям других культур [22]. Возможность исследовать философское знание о воспитании культуры социальной превенции и понять его место в русской социальной мысли определяется логикой рассуждения В. С. Соловьёва об

общем смысле искусства, которая применима для обоснования философского смысла воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе.

Он писал по поводу отношения искусства и общества: «Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, – должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь. Если скажут, что такая задача выходит за пределы искусства, то спрашивается: кто установил эти пределы?» [32, с. 102]. Потребность философски осмыслить широкий круг вопросов, связанных с отношением общества, культуры, воспитания и социальной превенцией, непосредственно с точки зрения места самого человека в общественной жизни, постоянно проявляет себя в русской социальной философии [41, с. 150].

Исследователей интересуют, с одной стороны, вопросы воспитания как социального феномена, его основные социально-философские парадигмы, с другой стороны, технологии разработки концептуальных подходов к формированию и становлению моделей философии воспитания представителей конкретных социокультурных общностей [18]. Стремление понять соотношение идеального и реального в воспитании у человека потребности в социально-превентивных действиях не только исключительно с позиций социального государственно-политического устройства реализовывалось в умонастроении русских социальных мыслителей, которое определяется как воспитание культуры социальной превенции. Такое «человеческое» измерение философского знания о воспитании культуры социальной превенции порождало в русской социальной мысли интерес к осмыслению процессов и явлений общественной жизни, которые касались вопросов образования, воспитания, педагогического формирования культуры человека [10, с. 209–210].

При анализе превенции в обществе у социальных мыслителей не возникает сомнения в том, что русская философия включает в себе некоторое «особое познание об эмпирических вещах и явлениях» воспитания культуры, культуры воспитания и педагогики в целом. Но это «особое познание», скорее всего, говорит не о том, как в действительности существуют эти эмпирические вещи и явления, имеющие непосредственное отношение к воспитанию культуры социальной превенции, а только о том, «на что, в конце концов, опирается их действительное существование», и что, помимо их

«чувственно-представляемого содержания», можно «дополнительно усматривать в них с точки их вечной основы» [23, с. 9–10].

Способом теоретического обоснования опыта воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе и актуальности научно-философского анализа конкретных вопросов воспитания у человека социально-превентивного поведения в общественной жизни является рассмотрение основных направлений воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе по аналогии с типами толерантности, классификацию которых предложил Ю. А. Клейберг [16, с. 332].

Содержание «классического» (*философского и философско-педагогического*) направления воспитания культуры социальной превенции в современном обществе определяется тем, что философски осмысленный критицизм становится логической основой не только понимания социальной превенции, но и целенаправленной деятельности общества по воспитанию культуры социальной превенции. Проблема бытия человека в современном российском обществе конкретизируется в проблеме социальной превенции и воспитания у человека культуры социально-превентивного поведения.

Философский анализ опыта воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе уточняется мыслью о том, что формирование у человека социально-превентивного поведения в обществе имеет отношение к идеологии. Идеология способна реализовывать себя в самых разнообразных формах, более того, она «часто избегает говорить от своего имени», а потому остаётся «незамеченной, невидимой социальной силой» [31, с. 39]. В современном российском обществе с развитием и совершенствованием средств массовой коммуникации идеология проявляет себя через различные виды духовных и социальных практик (искусство, наука, социальная помощь, педагогика и др.). При этом фундаментальной системообразующей функцией идеологии становится функция легитимации не только социально-экономического и общественно-политического строя, но и социокультурных программ его изменения, в том числе различных воспитательных программ социально-превентивной направленности.

Одной из таких воспитательных программ является программа воспитания в обществе патриотизма. Суть философского понимания единства социальной превенции, культуры её воспитания в обществе и патриотизма ещё в конце XIX в. выразил В. С. Соловьёв.

Он писал: «...настала пора вернуть патриотизму его истинный положительный смысл – понять его не как ненависть к инородцам и иноверцам, а как деятельную любовь к своему страдающему народу» [33, с. 793]. Патриотизм как «деятельная любовь» человека к другим людям понимается в данном случае в форме конкретной целенаправленной деятельности по предупреждению социальной аномии и патологии и предполагает для своей институализации в виде средства и цели воспитания в российском обществе соответствующий теоретический анализ.

В современной социальной философии анализируется научно-теоретическая разработанность категории «патриотизм», обосновываются функции и значение патриотизма для отдельной личности и социальной группы [53]. Следуя традиции русской социальной философии, патриотизм рассматривается в аспектах онтологии, аксиологии, методологии, что позволяет выявить, по мнению Е. Н. Трубецкого, его наднациональное, универсальное содержание и связать кризис патриотизма в обществе с утратой или заменой ценностей этого общества на отдельном этапе его развития [4, с. 108–109].

В социально-философской концепции И. А. Ильина «коллективная ответственность» анализируется в качестве ключевого понятия, обозначающего социальную активность, которая способствует обеспечению взаимосвязи в обществе прошлого и будущего. Потребность в коллективной ответственности особенно остро проявляется в российском обществе в ситуации войны, когда на смену «традиционному патриотизму» может прийти его новая форма. Идеи И. А. Ильина показывают сложность и неоднозначность понимания патриотизма в условиях «трансформации коллективных субъектов ответственности», когда возникает «рассогласование между образами исторической памяти и реальной конфигурацией политического и социального пространства» [1, с. 138–139]. Но именно формирование коллективной ответственности в процессе воспитания патриотизма в российском обществе становится условием и способом воспитания культуры социально-превентивного поведения современного человека.

Определение философского смысла воспитания культуры социальной превенции идёт в трёх дискурсах – философском, религиозном и психолого-аналитическом – и складывается из элементов трёх различных видов: из эмпирических знаний о процессах и явлениях

социальной культуры и социального воспитания в обществе, из философских взглядов на конечную цель воспитания социальной превенции в современном обществе и из нравственно-этических и религиозных суждений о социальном бытии человека в мире. При таком концептуальном подходе конструирование научно-философской модели воспитания культуры социальной превенции возможно на «интегративном принципе духовно-телесного единства человека» и учёте «интегративных аспектов духовности и телесности человека» [55].

В этой модели «единство среды, тела и сознания» постулируется как аксиома «естественной философии здоровья», в которой целостная природа человека понимается через духовно-нравственные, ментальные, психо-эмоциональные и физические компоненты, а содержание «естественной философии здоровья» становится элементом формирования философского знания о воспитании культуры социальной превенции [8]. Актуальность и опыт постулирования «единства среды, тела и сознания» человека объясняются тем, что существенное ускорение «социотехнологического развития» влияет на появление у человека в современном обществе хронической тревожности, в основе которой лежат сомнения относительно будущего, правильности выбранного жизненного пути и в состоятельности представлений о смысле жизни и предназначении в обществе, сформированных в процессе современного обучения и воспитания [56, с. 62]. В результате такая ситуация становится принципиальным препятствием формирования у человека социально-превентивного поведения.

Необходимо отметить, что если в анализе типологизации социальной превенции приоритетом является динамическое рассмотрение философского знания о социальной превенции в историко-теоретическом аспекте, то опыт формулирования конечной цели воспитания культуры социальной превенции свидетельствует о возможности статического подхода к анализу содержания социальной превенции, который определяется как «метафизика воспитания культуры социальной превенции». При этом в русской социальной философии моменты понимания необходимости обратиться к собственно метафизическим конструкциям воспитания культуры социальной превенции обнаруживаются не реже, чем широко распространённый среди отечественных социальных мыслителей критический подход к философскому позитивизму.

Две основные черты характеризуют метафизику воспитания культуры социальной превенции, т.е. внутренне-логическое постижение смысла воспитания социальной превенции как феномена и социокультурного процесса в современном обществе. Во-первых, это исследование свойств социальной превенции, не совпадающих с видимым обликом «предметов» мира социально-практического бытия людей; во-вторых, это чисто умозрительное исследование таких свойств ввиду невозможности их опытной проверки. Под метафизикой воспитания культуры социальной превенции понимаются главным образом априорные высказывания о воспитании, т.е. допущения того, что воспитание социально-превентивного поведения человека в обществе удостоверяется через различие между абстрактным общим понятием и единичным фактом, которые вместе с тем претендуют быть признанными в качестве необходимых.

Помимо метафизических суждений к «классическому» направлению воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе относится философия воспитания, в частности философско-педагогические идеи Н. И. Пирогова и идеи о социальном воспитании русских философов более позднего периода. Эти идеи интересны для понимания опыта решения современных проблем воспитания культуры социальной превенции не столько тем, что в них содержатся практические рекомендации по воспитанию индивидов, которые сохраняют свою актуальность и применимость в воспитательных практиках современного российского образования, сколько тем, что в них раскрывается методология опыта воспитательной социально-превентивной деятельности.

Н. И. Пирогов актуален для анализа социальной превенции выбором своей парадигмы воспитания как результата соотнесения целей и задач воспитания с реалиями современного ему общества. Методология опыта воспитания раскрывается в обосновании им способа корреляции содержания воспитания с содержанием и условиями жизни общества в целом; в определении соотношения воспитания и превенции в обществе [54, с. 126–127]. Эффективность воспитательной деятельности зависит в большей мере не от самого воспитательного процесса, не от применяемых в образовательной практике воспитательных технологий, а от того, насколько воспитательная деятельность детерминирована даже не столько социально-профилактическими, сколько, прежде всего, социально-превентивными действиями со стороны различных субъектов этой деятельности.

При отсутствии такой социально-превентивной детерминированности воспитание человека в современном российском обществе предстаёт как абстракция, как действие «само-для-себя» и «само-в-себе», не достигающее своих целей и, скорее всего, малорезультативное или даже в конечном счёте безрезультативное. Такая ситуация объясняется тем, что в содержание философского знания о социальной превенции входит знание философских аспектов просвещения превентивного поведения, которое, в свою очередь, призвано способствовать преодолению потенциального несоответствия, возникающего в обществе между актуальной теорией социального развития и традиционной социальной практикой, не учитывающей потребности человека и современного общества в социальной превенции и необходимости воспитания у него культуры социально-превентивного поведения.

В современном российском обществе просвещение превентивного поведения (социально-превентивное просвещение) испытывает в условиях цифровизации образования влияние факторов деформации смыслов образования и дегуманизации образовательных отношений, что, в свою очередь, активизирует интерес исследователей к проблематике «эмансипирующего потенциала образования» как основы развития «субъектности и подлинной автономии индивида» [34, с. 193]. Опыт формирования такого потенциала вызывает возражения против «логики просветительского мышления», приводящего к стандартизации жизни и подавлению индивидуальности, и свидетельствует о поиске новых подходов к пониманию просвещения, связанных с осмыслением его как «встроенного» в современные глобальные процессы [28, с. 42–43], когда просвещение в целом и превентивное просвещение в частности включают в своё содержание знание современных особенностей цивилизационного развития.

Воспитание культуры социально-превентивного поведения человека в современном российском обществе предполагает осмысление «когнитивных рисков», связанных с системной проблемой цифровизации обучения и воспитания. Методология их исследования основывается на философском, психолого-педагогическом и информационно-технологическом подходах к процессу цифровизации образования в целом, определения сущности и форм проявлений «когнитивных рисков», среди которых «информационное перенасыщение» и «снижение уровня критического мышления»; определения

«путей нивелирования когнитивных рисков цифровизации образования» и достижения цели «формирования безопасной коммуникативно-образовательной среды» [50, с. 17–18].

Следует учитывать, что современные воспитательные практики в значительной мере не могут быть осуществлены без технических возможностей «медиа» как посредника в обучении и воспитании. При этом «медиа» создаёт особую реальность, воспитательные возможности которой ещё предстоит различить и критически оценить с точки зрения того, является ли эта социокультурная реальность по своей сути превентивной или анти-превентивной. Б. И. Пружинин и Т. Г. Щедрина обращают внимание на то, что культурные последствия внедрения «медиа» («медиамира») именно в образование (как в обучение, так и в воспитание) часто оказываются вне поля философских и педагогических оценок. За границами современных гуманитарных исследований, по мнению авторов, оказывается сама суть изменений, происходящих под влиянием «медиа» («медиамира») в феномене современного российского образования [27, с. 98–99].

А. О. Карпов посредством эпистемологического и культурно-исторического измерений определяет «фундаментальные модели образования будущего», которые позволяют формировать подходы к составляющим феномена образования в современном обществе, и делает вывод о «новом онтологическом начале образования», проявляющемся, в частности, в «проблемно-познавательной» модели образования [15, с. 55]. Такой проблемно-познавательный подход к перспективам образования и его содержанию позволяет отнести к онтологическому началу образования модель воспитания культуры социальной превенции, обозначив её как социально-превентивную модель образования.

Таким образом, анализ содержания, целей и задач воспитания культуры социальной превенции осуществляется путём интеграции философского, философско-педагогического и научно-педагогического знания. При этом опыт поиска русской социальной мыслью цели социального воспитания способствует пониманию отличительных особенностей и тенденции воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе [42, с. 76–77]. Н. И. Пирогов был уверен в том, что «остаётся только одно наиболее надёжное средство к достижению цели воспитания – это приспособление его не к личной, а к племенной, расовой или народной особенности (племенной индивидуальности)» [25, с. 125].

В начале XX в. продолжилось научно-философское обсуждение проблем социального образования в России в традиции, сформированной Н. И. Пироговым. Т. В. Локоть (1908) считал, что социально-воспитательные цели отечественной средней школы сводятся к воспитанию сильного, выдержанного характера, настойчивой, активной воли, достаточной умственной трудоспособности, разумного уважения к личности и к основным устоям общественной и государственной жизни – к семье, религии, к общественному порядку, к закону и законности [19, с. 8]. А. А. Богданов в статье «Идеал воспитания» (1918) исходил из того, что воспитание есть работа, превращающая «человеческую личинку» в действительного члена общества [2, с. 231].

Философски обоснованным является подход к проблеме воспитания в обществе Е. В. Спекторского (1905), который не ограничился констатацией идеи о «целесообразном воспитании» как воспитании, носящем социальный характер, а раскрыл природу этой социальности воспитания. С одной стороны, социальный характер воспитания означает, что нельзя ограничиться воспитанием «немногих баловней общественной фортуны», оставляя без духовной культуры «остальные массы общежития». С другой стороны, «воспитание воли» должно быть направлено не на индивидуальные, а на социальные силы, поэтому, делает вывод Е. В. Спекторский, «настоящая, разумная педагогика есть социальная педагогика» [35, с. 394].

Идея социальной педагогики оказалась своеобразным эквивалентом идеи социальной детерминации педагогики как способа воспитания социально-превентивного поведения и культуры социальной превенции в обществе. В. В. Розанов в сборнике своих статей, написанных в конце XIX в. по вопросам образования, «Сумерки просвещения» утверждал, что «церковь и близкая к ней семья» значительно лучше справятся с делом образования, чем государство. Критикуя роль государства в деле образования, В. В. Розанов исходил из того, что государство придало «деликатному педагогическому делу мертвенный дух формализма», «заглушило» индивидуальность воспитуемого и воспитателя. «Цельная нравственная личность», по его мнению, «вырастает под лучами однородных впечатлений». Но этого никогда не достигнет «пёстрая государственная школа», «интенсивно работающая фабрика», которая под наблюдением государственных инспекторов и с государственными рабочими «производит человеческие души почти по тому же способу, как некогда Парацельс производил своего маленького гомункула» [30, с. 167].

«Классическое» направление воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе включает в себя опыт понимания несводимости профессионализации человека к его специализации. Основой для анализа являются рассуждения В. М. Хвостова (1915), касавшиеся немцев, германской культуры и современной ему германской философии. Логика этих рассуждений используется при осмыслении проблем воспитания социальной превенции в современном российском обществе. Умозрительная конструкция, выстроенная по аналогии с идеями В. М. Хвостова о формировании личности учителя, выглядит следующим образом: при пренебрежении к живому человеку в обществе становится возможен культ специализации. Каждый уважающий себя учитель хочет, прежде всего, быть специалистом и гордиться тем, что в совершенстве знает свою специальность, свой «предмет», сколько бы «это ни делало его односторонним». Такой «специализированный» учитель очень «легко укладывается в рамки» различных социальных организаций и институций.

«Отдавая себя на служение какому-нибудь узкому делу», учитель осознаёт себя, главным образом, как «члена» более широкого целого, а не как самостоятельную и самодостаточную личность. На этой основе укрепляется характерный для многих учителей и воспитателей «культ государственности» [48, с. 184]. Признавая наличие определённой доли условности в прямом заимствовании идей В. М. Хвостова, тем не менее допустимо считать такой подход к исследованию отдельных аспектов проблемы социальной превенции перспективным с точки зрения понимания принципиальных изъянов практики подмены профессионализации узкой специализацией человека в процессе воспитания культуры социальной превенции и необходимости их преодоления.

Если перед образованием в обществе строго ставится задача обучать и воспитывать так, чтобы получался гражданин-«ремесленник», то для выполнения такого социального заказа из школы «изгоняется» как раз человек, т.е. невольно утрачиваются или осознанно игнорируются гуманистические начала образования в целом и воспитания в частности. Узкоспециальная подготовка человека имеет своим следствием развитие «профессионального эгоизма», а потому допускает лишь «полезное для целей профессии знание». В результате вполне достижимой, но не оптимальной, целью воспитания культуры соци-

альной превенции в российском обществе становится «узкое, технически оборудованное мещанство, которое считает себя олицетворением человечества и носителем высшей культуры» [11, с. 57].

«Культурологическое» (секулярное или религиозное) направление воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе формируется в результате признания основной анализа социальной превенции в русской философии истинных, универсальных, нравственных принципов. Воспитание культуры социальной превенции в таком случае является, прежде всего, следствием достигнутого уровня духовно-нравственной культуры современного общества. При этом деформации феномена социальной превенции и процесса её воспитания происходят в обществе в силу абсолютизации роли определённого субъекта социального действия (этноса, нации, социальной общности), который наделяется общественным мнением признаками социального превосходства, совершенства и универсальности.

Ю. А. Клейберг считает, что именно такое «секулярное (светское) сознание и порождает нетерпимость» в современном обществе [16, с. 332]. Следуя логике рассуждения автора, допустимо предположение, что средством обоснования терпимости (толерантности) при воспитании культуры социальной превенции в современном обществе является, прежде всего, нравственное содержание русской религиозной и социальной философии. Это обстоятельство определяет необходимость анализа «культурологических» (умственно-духовных, нравственно-этических) направлений воспитания социальной превенции в российском обществе. В. М. Хвостов по этому поводу отмечал, что «умственная культура делает людей более чуткими и восприимчивыми ... она делает отношение людей к нравственному долгу сознательнее и тем укрепляет моральное построение у людей, ставших на сторону добра» [47, с. 7].

Концептуальным обоснованием анализа содержания секулярного и религиозного аспектов воспитания культуры социальной превенции являются рассуждения С. Н. Трубецкого о соотношении философских знаний и культурных начал в обществе. Он считал, что человек не может ожидать от философии «конечного разрешения противоречий», имеющих корень в самих условиях его «временного бытия», но человеку вместе с тем невозможно отрицать «известное разумное, логическое единство в преемстве и развитии общечеловеческих знаний и культурных начал» [40, с. 135, 149].

Анализ «культурологического» направления воспитания культуры социальной превенции включает в себя выявление по крайней мере трёх «типов духовности»: «эстетизма» как доминанты духовного развития, характеризующейся «жизнеподобием»; «теоретизма» как максимы научно-управленческой деятельности, «удаляющей от жизни в мир абстракций»; «этизма» как направленности существующих в обществе позиций в социальных отношениях, ставящей на первое место нравственное содержание жизни. Особое место в такой схематизации духовности, ставшей предметом обсуждения в русской общественной мысли XIX – начала XX в., занимают религиозные искания. «Этизм» может быть религиозным в том случае, если источник социальных норм ищется в божественной воле. Нерелигиозный «этизм» находит свои источники нравственных норм в традиции, в социальности [44, с. 78, 92].

Для понимания секулярного и религиозного аспектов воспитания культуры социальной превенции необходимо учитывать фактор взаимодействия в российском обществе «ценностных и социально-политических систем», включающих в себя как «индивидуализацию личности» (формирование личности современного общества), так и «индивидуализацию веры» (формирование современного типа нравственной среды и системы ценностей). Решение этой исследовательской задачи предполагает учёт того обстоятельства, что в русской социальной философии сложилось устойчивое мнение: по существу нет и не может быть ни чисто научного, ни научно-философского воззрения на смысл воспитания культуры социальной превенции, а есть и будет только нравственно-этическое и философско-религиозное созерцание мира социального бытия человека.

Такое мнение в русской философии не было и не является единственным, поэтому при анализе социальной превенции следует принять к сведению концептуальный подход, согласно которому цели воспитания культуры социальной превенции находятся на границе между реальным и нереальным (идеальным). Эти цели в основном идеальны и нереальны в том смысле, что их содержание не переходит в действительную жизнь человека в обществе, т.е. не подтверждается ещё (или не может в принципе подтвердиться) данными жизненного опыта человека. Но они реальны в качестве фактора, влияющего на социальное поведение человека, поскольку поступки человека в известной мере определяются его стремлением к осуществлению социально-превентивной деятельности в обществе. Включаясь в процесс воспитания культуры социальной превенции,

человек выбирает то, что ему следует предпочесть в достижении своих целей в жизни: богатое ли душевное развитие, которое будет итогом жизни, направленной по пути соблюдения этических норм и достижения идеалов, или внешние выгоды, получаемые за счёт большего или меньшего сокращения содержания своей душевной жизни.

Характерно, что для С. Л. Франка духовность человека рождалась именно в социальном контексте и его беспокоило то, что в современном ему российском обществе начинало утрачиваться, как ему казалось, осознание производного значения социально-политических задач, их обусловленности и зависимости от нравственных идеалов. В результате внутренняя политика государства становилась «отвлечённым началом», доминирующим над всеми остальными ценностями духовной жизни. В частности, не принималось во внимание то, что «корни» социально-политических идей и идеалов всегда «глубоко заложены в почве общего философского мировоззрения, общих взглядов на задачи, смысл и условия человеческой жизни» [46, с. 93].

В русской философии наряду с мнением о том, что ценности духовной жизни человека исторически развивались и продолжают развиваться в двух формах: религиозной и секулярной (светской), была распространена точка зрения о приоритете религии в понимании духовности. Н. О. Лосский, рассуждая о «Царстве гармонии или царстве Духа», писал: «Мир гармонии есть совершенное творение Божие, состоящее из множества существ, из которых каждое по-своему живёт в Боге и для Бога и, в силу такого единства цели, все они живут так же друг в друге и друг для друга. Это – подлинное царство Божие» [20, с. 203]. Убеждённость русских мыслителей в том, что в религии открывается тайна человеческого «я», мира и реальности, становится основанием для анализа религиозно-этического аспекта понимания смысла воспитания культуры социальной превенции.

Русские социальные и религиозные философы исходили из того, что положительные начала воспитания человека укоренены в глубинах религиозного сознания и что разрыв этой коренной связи будет иметь самые неблагоприятные последствия для русского общества. Именно это обстоятельство определяло понимание необходимости воспитания у человека культуры социально-превентивного поведения и осуществления в обществе социальной превенции.

С. Н. Булгаков обратил внимание на то, что все усилия людей следует оценивать по «двойственному критерию»: с позиции временной целесообразности, преследования очередных задач истории, и с позиции религиозного сознания, чувства вечности, живущего в душе [3, с. XVII].

В его философии вечное стремление человечества к «грядущему граду» как цели общества и личностного развития выражало собой абсолютную форму воспитания культуры социальной превенции. Однако в понимании этой цели присутствовали не только масштабность, всеобщность, универсальность обоснования, но и определённая абстрактность, даже внешняя схематичность. В силу этого обстоятельства идея «грядущего града» С. Н. Булгакова предполагала известную долю конкретизации и уточнения в традиционных для отечественной философии формах национальной духовности, которые становились основой анализа смысла духовно-нравственного воспитания культуры социальной превенции.

«Научное» (научно-практическое) направление воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе формируется в результате признания основой анализа социальной превенции принципа сомнения, несовместимого с догматизмом в науке, политике, культуре, социальных практиках. Воспитание культуры социальной превенции в таком случае является результатом, прежде всего, поиска нового в разрешении этнических, конфессиональных, демографических, социально-экологических, социально-политических и других проблем современного общества.

К таким новым перспективам относится использование идеи «жизненного пути» («жизненного цикла») в научно-теоретическом обосновании воспитательного компонента основных концепций социально-превентивного поведения человека и взаимосвязанных по содержанию моделей социокультурных отношений в современном обществе (человеческого фактора в принятии превентивных по характеру решений; разнообразия траекторий жизненного цикла и превентивного поведения; рисков, препятствующих развитию и защите человека в обществе, и др.) [59, р. 218–219].

Научные исследования опыта воспитания культуры социальной превенции предполагают анализ отношения людей к смыслу социальной жизни по признаку их религиозности или «нерелигиозности» (nonreligion). *«Нерелигиозность»* человека считается при этом

соизмеримой с нигилизмом или фатализмом и влияющей на формирование у него превентивного поведения. В свою очередь, «*теисты*», т.е. лица, воспитанные с явно выраженной религиозной принадлежностью, в тенденции демонстрируют религиозно-детерминированное превентивное поведение в современном обществе [60, р. 1–2].

Такие эмпирические исследования ориентируют научно-практическое направление воспитания культуры социальной превенции на проблему толерантности, поскольку терпимое отношение к чему-то иному, «чужому» являлось ценностью и человеческой добродетелью во многих культурах и религиях и находило отражение в истории философии (к примеру, в работах Дж. Локка и Вольтера). В философской мысли толерантность означала терпимость к различиям среди людей, и это, прежде всего, относилось к различиям религиозным, которые определяли различия в обычаях, образе жизни, привычках, культурных и эстетических ориентациях. В настоящее время во мнениях людей о «хорошем обществе», анализ которых необходим для структурного подхода к моделированию воспитания социально-превентивного поведения человека в современном обществе, помимо вопросов религии отражается приоритет экономического благосостояния, социального порядка, семьи, стремления к здоровью, счастью и свободе как ценностям, которые являются превенцией социальной напряжённости и интолерантности [61, р. 1–2].

Таким образом, в современном обществе учёными и практиками осознаётся необходимость формирования у человека установок толерантного сознания и толерантного стиля поведения, а также превенции различных форм интолерантности и воспитания превенции интолерантности. Предметом анализа становятся философские основы воспитания толерантности как проявления культуры социальной превенции в современном российском обществе; анализируются постановка и развитие «проблемы терпимости» в русской философской мысли, вопросы моделирования и содержания «концепта толерантности в русской философской картине мира»; рассматриваются различные аспекты феномена толерантности и специфика его репрезентации в произведениях русских философов (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, В. С. Соловьёв и др.); определяется соотношение толерантности и агрессии, что позволяет выявить онтологические и гносеологические основания как толерантности, так и толерантных отношений в современном обществе [14; 37, с. 37–38].

Внимание представителей социально-гуманитарных наук акцентируется на содержании структурно-функциональной модели формирования толерантности и модели толерантной личности, которая обладает готовностью к общению в поликультурной среде современного российского общества [43, с. 49–50]. С. В. Явон отмечает потребность общества в воспитательной работе и превенции интолерантного поведения, считая, что «воспитание толерантности» возможно при условии формирования у человека «толерантного поведения в напряжённых ситуациях, при различиях в точках зрения, столкновении мнений или оценок» [58, с. 133]. Ю. А. Клейберг подчёркивает, что толерантность как интегрированное явление складывается под влиянием многих факторов; поэтому необходимо различать «врождённую» и «приобретённую» толерантность. Последняя благодаря воспитанию определяется сформированными у человека в современном российском обществе установками, привычками, мировоззрением [16, с. 333].

Научно-практический интерес к воспитанию культуры социальной превенции дополняется анализом философских основ понимания цели воспитания превенции интолерантности в современном российском обществе. В современной социальной философии сложилось мнение, что в начале XXI в. «дискурс толерантности» в определённой мере заменил господствовавший долгое время «язык угрозы насилием», но происходящие изменения в общей ситуации толерантности в обществе не дают достаточных оснований говорить об утверждении «практики ненасилия» в современном обществе и определяют необходимость анализа опыта утверждения толерантности в российском обществе.

Е. К. Быстрицкий считает в этой связи, что толерантность не может быть сведена к «субъективной терпимости ко всему иному в смысле чужих взглядов и верований» и предусматривает «практическое действие по отношению к чужому» [5, с. 76]. О. Хома исходит из того, что толерантность XVII в., которая по содержанию вполне соответствовала значению слова «веротерпимость» в русском языке, не представляется актуальной в «мультикультурных конфликтах» начала XXI в. Из этого следует принципиальный вывод об опыте воспитания культуры социальной превенции: «Толерантность не является неким универсальным орудием и применима лишь в том проблемном поле, для которого создавалась» [49, с. 55].

Основой для анализа воспитания превенции интолерантности и в целом воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе является мысль о толерантности как временном состоянии, на «смену которому должно прийти признание особенности Другого, встроенное в соответствующую государственную и общественную систему». Если при анализе проблем воспитания культуры социальной превенции следовать идее, что «толерантность как социальный принцип требует завершения в признании Другого в качестве равноправного себе», то такой подход будет означать, что «толерантность, непременно исходя из ценностей "собственной" культуры как основы, предполагает сопряжение их с ценностями других культур и осознание их общечеловеческой значимости» [21, с. 25–26].

«Девииантологическое» (социально-психологическое) направление воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе формируется в результате признания основой анализа принципов мультикультурного и толерантного общества, социальной активности и психологического сопровождения, позитивной идентичности и единства человека с обществом. Воспитание культуры социальной превенции в таком случае является результатом воспитания в современном российском обществе превенции различных девиаций личности. Девиации личности представляют собой одно из наиболее существенных социально-психологических явлений современного общества. Количество причин для проявления девиаций как поведенческих отклонений от установленной в обществе социокультурной нормы в геополитической, экономической и социально-политической ситуации современного российского общества возрастает, что, в свою очередь, определяет потребность комплексного исследования и научно-философского объяснения этого феномена.

Перефразируя идеи Е. Н. Трубецкого о «всемирном смысле» и «катастрофе современной культуры», следует подчеркнуть важность превенции «всемирной катастрофы» как ответа на опасность проявлений девиаций личности для существования современного российского общества. Философ отмечал, что «то зло, которое утверждает своё господство в мире, на наших глазах приняло осязательную форму всеобщей войны между людьми» [39, с. 246]. Девиация в современном обществе имеет множество типов и форм:

от индивидуальной до коллективной, от сакральных и сакрализованных до игровых. Противодействие современного общества и государства любым противоправным проявлениям девиации осуществляется, как правило, двумя путями.

Суть первого заключается в наказании, так называемой «расплате» за совершённые поступки [13, с. 161]. Второй путь заключается в опыте осуществления в современном российском обществе превентивной деятельности и воспитании культуры социальной превенции соответствующими субъектами такой деятельности. В целом необходимость формирования у человека установок антидевиантного сознания, антидевиантного стиля поведения, воспитания культуры превенции различных форм девиации личности (радикализма, экстремизма, терроризма, катастрофизма, фанатизма, фундаментализма, агрессивности, антитолерантности и др.) воспринимается учёными и практиками как проблема современного российского общества и становится объектом научного дискурса [7].

Учёные выделяют типовые разновидности экстремизма как феномена девиации в современном обществе: криминальный экстремизм, военный экстремизм, политический экстремизм, религиозный экстремизм, культурно-психологический и гендерный экстремизм [6, с. 64]. Противодействие общества и государства двум последним разновидностям экстремизма имеет непосредственное отношение к воспитанию культуры социальной превенции в современном российском обществе. Кроме того, опыт превенции девиаций в современном обществе получает «педагогическую проекцию», поскольку требует не только теоретического осмысления, но и анализа современных воспитательных практик [45, с. 3].

В целом опыт социальной превенции в современном российском обществе свидетельствует, что «родовыми признаками-маркерами» политических, этнических, конфессиональных, гендерных и других форм экстремизма и терроризма являются фанатизм, т.е. навязывание человеком своих принципов и взглядов оппонентам; «этическое и физическое уничтожение» оппонентов; ориентация человека на эмоции, инстинкты, предрассудки, подсознание, а не на «рассудочные мотиваторы»; «антитолерантность» человека, игнорирование им любых компромиссов [6, с. 61]. Анализ социальной превенции в русской философии обращает внимание не только на превенцию террористических угроз в современном российском

обществе, но и на формирование антидевиантологического компонента в воспитании культуры социальной превенции. Отмечается целесообразность разработки «антитеррористического мировоззрения», формирования «антитеррористического сознания в обществе», использования воспитательных методов воздействия, направленных на «осознание неотвратимости негативных последствий, привитие гражданам иммунитета к вовлечению в преступную деятельность» [57, с. 144; 26, с. 11, 12].

Общим моментом научного анализа практических подходов к превенции девиаций личности и воспитанию социальной превенции в современном обществе является «ориентация на принципы мультикультурного и толерантного общества», активная социально-педагогическая работа и психологическое сопровождение, формирование у человека «позитивной идентичности и ощущения единства с обществом» [51, с. 2560]. В свою очередь, философские обобщения результатов анализа девиаций личности и тенденций воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе предполагают акцентирование на других моментах. В. Г. Федотова обращает внимание на «наличие негативной духовности» и на то, что «духовность может быть отрицательным знаком». Без признания этого невозможно, по её мнению, «понять подоплёку» терроризма, экстремизма, катастрофизма, устремлений бунтующей молодёжи и др., поскольку «духовная целостность не может быть достигнута только идеально; она возникает тогда, когда сможет стать образом жизни, содержанием практики» [44, с. 132].

В. А. Лекторский, изучая современные «угрозы индивидуальной и коллективной памяти» в условиях развития информационно-коммуникационных технологий в обществе, связывает необходимость воспитания социально-превентивного поведения человека с тенденцией вмешательства в коллективную память, которое осуществляется как путём уничтожения её хранилищ (здания, памятники, музеи, тексты, произведения искусства, «памятные места»), так и с помощью изменения её смысла. Угроза современному обществу состоит в том, что, по его мнению, «изменение индивидуальной и коллективной памяти означает изменение идентичности, исчезновение памяти – гибель идентичности» [17, с. 12]. А. А. Терпугов считает, что поскольку «катастрофизм как явление пронизывает собой все уровни функционирования общества», т.е. основание выявить макроуровень, когда катастрофизм обнаруживает себя в развитии

местного сообщества, и микроуровень, когда катастрофизм обнаруживает себя в развитии личности [38, с. 55].

В настоящее время в обществе наблюдается повышенный интерес к феноменам веры и фанатизма, которые тесно связываются с терроризмом и ксенофобией. Выявление сущности этих феноменов способствует пониманию «источника всякого рода агрессии и нетерпимости» в современном обществе. Р. К. Омельчук исходит из того, что «насколько вера способствует становлению личности, настолько фанатизм препятствует этому становлению» [24, с. 26].

В. А. Емелин и А. Ш. Тхостов обращают внимание на то, что радикализм как «форма субъективного переживания и восприятия окружающей действительности, исключающая критическую оценку и толерантность к иным видам мировоззрения», стал одним из наиболее опасных явлений современного российского общества, выступающим в «многообразии различных форм от простой нетерпимости до терроризма» [9, с. 89–90].

Современная отечественная социальная философия, анализируя проблемы воспитания культуры превенции катастрофизма, радикализма и фанатизма, обращается в качестве методологической основы такого анализа к идеям «диалектики бунта и борьбы» В. М. Чернова (1910), смысл которых может быть сведён к пониманию того, что если «бунт непосредственно ломает и разбивает узы и запоры, без сознания идеала, без просветлённой веры в лучшее будущее», то в этом случае «борьба творчески преобразует жизнь по целостному, стройному идеалу» [52, с. 134].

«Бунт» как обобщённое проявление девиаций личности оказывается, по мнению автора, «уделом» человека, который не освобождился от «духовной власти старого мира», и, даже «враждуя» с ним, не может себе «представить возможности с ним раз навсегда покончить». В связи с этим получается, что «бунт – удел рабов» и вся история развития общества представляется ими как «роковое удаление от "золотого века"». В. М. Чернов утверждал, что такие «рабы» всех времён и народов знают только «потерянный рай», а «обрести этот рай здесь, на земле, никто из них не смеет и мечтать» [52, с. 135].

Анализ социальной превенции в русской философии предполагает рассмотрение способов осмысления и разрешения противоречия, возникающего в опыте воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе. Дело в том, что ни

узко понимаемые социально-профилактические действия, ни широко понимаемая социально-превентивная деятельность в современном обществе не являются и не могут являться по определению составляющими содержания собственно воспитания культуры социальной превенции, поскольку у них иные, отличные от воспитания человека в обществе, цели, задачи и способы их осуществления.

Вместе с тем социальная профилактика и социальная превенция являются если не основными детерминантами, то своего рода гарантиями превентивного воспитания в обществе, т.е. становятся тем, что обеспечивает осуществление задач воспитания культуры социальной превенции человека в современном российском обществе. Кроме того, противоречие в анализе социальной превенции заключено в том, что социальная превенция, социальная культура и социальное воспитание как виды деятельности человека значительно различаются по своим субъектам. Тем самым идея воспитания культуры социальной превенции следует из признания этого противоречия и необходимости его преодоления в современном обществе.

В этом случае акцент на проблеме воспитания в обществе, характерный для анализа социальной превенции в русской философии, может сместиться с осмысления опыта воспитания культуры социальной превенции на осмысления опыта воспитания человека в контексте социальной превенции, т.е. на философское понимание воспитания как «иногo» социальной превенции, с одной стороны, и как своеобразного «продукта» (культуры) превентивных усилий общества в различных направлениях (терроризм, экстремизм, угрозы национальной безопасности, интолерантность, катастрофизм и др.), с другой стороны. Такой концептуальный подход становится обоснованием идеи воспитания у человека в современном российском обществе потребности в культуре социальной превенции, т.е. опыт воспитания культуры социальной превенции предстаёт как частный момент в одном случае опыта воспитания человека в обществе и в другом случае – опыта осуществления в обществе социальной превенции.

Предположительно, ещё одним аспектом философского анализа социальной превенции может стать феномен воспитания превентивности (или феномен воспитания превентивного поведения человека) в обществе. Если допустить возможность философского обоснования феномена воспитания превентивности в современном

обществе, то его необходимо различать и не отождествлять с феноменом превентивного воспитания в обществе. В противном случае следует исходить из того, что существует превентивное и «непревентивное» воспитание человека в современном обществе, и, следовательно, требуется выявление критериев, по которым можно будет разграничить в философском анализе социальной превенции содержание превентивного и «непревентивного» воспитания.

Вариантом понимания феномена воспитания превентивности в современном обществе становится идея «превентивной адаптивности личности», в которой выражается «потенциал субъекта, развитый в результате специальных превентивных мероприятий в относительно безопасных условиях обучения и воспитания», включающий в себя такие компоненты, как «предвосхищение жизненных событий с учётом опыта личной и общественной жизни» и «понимание смысла будущих событий» [29, с. 26–27, 31].

Для анализа феномена социальной превенции в обществе сохраняет свою актуальность научно-философское понимание смысла воспитания культуры социальной превенции в российском обществе, которое нашло отражение в идеях П. Б. Струве о значении для «культурных судеб народа» оптимального соотношения «свободы с дисциплиной именно в приложении к хозяйству и труду». Он предположил, что трудности воспитания культуры социальной превенции в российском обществе начала XX в. связаны с тем, что «вся наша история мешала и продолжает мешать процессу свободного дисциплинирования человека как творца хозяйства». П. Б. Струве считал, что воспитание обществом в каждом образованном человеке и во всём народе «дисциплинирования», «свободной дисциплины» должно стать «главной основой национального бытия» [36, с. 158].

Актуальность социально-философского исследования проблемы воспитания культуры социальной превенции в современном российском обществе объясняется тем, что основные тенденции развития «научно-технического мира» («мира технонауки») предполагают вполне конкретные действия со стороны общества в настоящем и ближайшем будущем, которые, в свою очередь, должны быть основаны на глубоком знании об этом мире, его перспективах и возможных превенциях. Но для того чтобы превентивно воздействовать на развитие такого мира, современному российскому обществу требуется сформировать те ценности и разработать те социальные стратегии, которые могли бы ориентировать превентивные усилия

самого общества. К числу таких ценностей может быть отнесена *гуманитарность* воспитания культуры социальной превенции, а к числу социальных стратегий – социально-политическое и социокультурное *обеспечение* превентивной деятельности в современном российском обществе.

Список литературы

1. Аникин, Д. А. Духовный смысл войны и метаморфозы коллективной ответственности в социально-философской концепции И. А. Ильина / Д. А. Аникин // Вопросы философии. – 2021. – № 2. – С. 137–143.
2. Богданов, А. О пролетарской культуре. 1904–1924 : сборник статей / А. Богданов. – М.–Л. : Книга, 1924. – 344 с.
3. Булгаков, С. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. Т. I. : сборник статей / С. Булгаков. – М. : Т-во тип-фии А. И. Мамонтова, 1911. – 303 с.
4. Бурова, М. Л. Национализм и патриотизм в философии истории Е. Н. Трубецкого / М. Л. Бурова // Манускрипт. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 108–114.
5. Быстрицкий, Е. К. Конфликт культур и методология толерантности / Е. К. Быстрицкий // Вопросы философии. – 2011. – № 11. – С. 74–86.
6. Вакула, И. М. Типы, формы, направления превентивного противостояния политическому экстремизму в современной России (концептуальный и институциональный анализ) / И. М. Вакула, С. Г. Москаленко // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар : Изд-во Краснодарского университета МВД России, 2016. – С. 60–65.
7. Вершилов, С. А. Военная безопасность государства (социально-философский анализ) : монография / С. А. Вершилов. – Ульяновск : Зебра, 2015. – 290 с.
8. Герасимова, И. А. Естественная философия здоровья и вызовы техногенной цивилизации / И. А. Герасимова // Вопросы философии. – 2020. – № 10. – С. 66–77.
9. Емелин, В. А. Современный радикализм: феноменология, происхождение, механизмы / В. А. Емелин, А. Ш. Тхостов // Вопросы философии. – 2019. – № 7. – С. 89–98.

10. Емелькина, И. В. Философия воспитания / И. В. Емелькина // Е. В. Мочалов [и др.] Философия : учебное пособие. – Саранск : Изд-во Мордовского государственного университета, 2021. – С. 196–211.
11. Ефимов, Е. Два идеала гражданского воспитания / Е. Ефимов // Вестник воспитания. – 1915. – № 1. – С. 1–57.
12. Жукова, О. А. Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории : монография / О. А. Жукова. – М. : Согласие, 2017. – 624 с.
13. Зеленов, Ю. Н. К вопросу формирования системы педагогической профилактики молодёжного экстремизма в современных условиях / Ю. Н. Зеленов // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 1. – С. 160–164.
14. Золотухин, В. М. Толерантность : монография / В. М. Золотухин. – Кемерово : Изд-во КГТУ, 2001. – 145 с.
15. Карпов, А. О. Фундаментальные модели образования будущего / А. О. Карпов // Вопросы философии. – 2022. – № 1. – С. 54–64.
16. Клейберг, Ю. А. Толерантность и деструктивная толерантность: понятие, подходы, типология, характеристика / Ю. А. Клейберг // Общество и право. – 2012. – № 4. – С. 329–334.
17. Лекторский, В. А. Индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2020. – № 6. – С. 11–17.
18. Лепешев, Д. В. Социально-философские основы воспитания как проект модели евразийской идентичности : монография / Д. В. Лепешев. – М. : Научное обозрение, 2016. – 398 с.
19. Локоть, Т. Консервативная и прогрессивная педагогика / Т. Локоть // Вестник воспитания. – 1908. – № 8. – С. 1–30.
20. Лосский, Н. Мир как органическое целое / Н. Лосский // Вопросы философии и психологии. – 1915. – № 3. – С. 203–243.
21. Миронов, В. В. Мультикультурализм: толерантность или признание? / В. В. Миронов, Д. Г. В. Миронова // Вопросы философии. – 2017. – № 6. – С. 16–28.
22. Мозжилин, С. И. Идеалы культуры и цивилизационный код России / С. И. Мозжилин, В. Б. Устьянцев // Вопросы философии. – 2021. – № 2. – С. 198–202.
23. Несмелов, В. И. Вера и знание с точки зрения гносеологии : монография / В. И. Несмелов. – Казань : Центральная тип-фия, 1913. – 418 с.

24. Омельчук, Р. К. Фанатизм в свете онтологического подхода к вере / Р. К. Омельчук // Вопросы философии. – 2012. – № 4. – С. 25–33.
25. Пирогов, Н. И. Вопросы жизни. Дневник старого врача / Н. И. Пирогов ; сост. А. Д. Тюриков. – Иваново, 2008. – 427 с.
26. Попов, А. С. Превентивная компонента в структуре анти-терроризма / А. С. Попов, С. Н. Мольков // Общество: политика, экономика, право. – 2015. – № 5. – С. 11–13.
27. Пружинин, Б. И. Культурные смыслы образования и медиамир / Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина // Вопросы философии. – 2020. – № 5. – С. 98–102.
28. Разин, А. В. О судьбах просвещения / А. В. Разин // Вопросы философии. – 2022. – № 3. – С. 42–52.
29. Реан, А. А. Превентивная адаптивность как новообразование личности / А. А. Реан, И. Н. Симаева // Российский психологический журнал. – 2006. – Т. 3, № 2. – С. 22–34.
30. Розанов, В. В. Сумерки просвещения : сборник статей / В. В. Розанов. – СПб. : Изд-во П. Перцова [Тип-фия М. Меркушева], 1899. – 240 с.
31. Смирнова, Е. В. К вопросу о соотношении социальной философии и идеологии / Е. В. Смирнова // Вопросы философии. – 2019. – № 1. – С. 39–42.
32. Соловьёв, В. С. Общий смысл искусства / В. С. Соловьёв // Вопросы философии и психологии. – 1890. – № 1. – С. 84–102.
33. Соловьёв, В. С. Народная беда и общественная помощь / В. С. Соловьёв // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. – 1891. – Кн. 10. – С. 780–793.
34. Сохраняева, Т. В. Эмансипирующий потенциал образования: критическая традиция в философии образования / Т. В. Сохраняева, И. Д. Замоткин // Вопросы философии. – 2021. – № 1. – С. 192–202.
35. Спекторский, Е. Из области чистой этики / Е. Спекторский // Вопросы философии и психологии. – 1905. – № 3. – С. 384–411.
36. Струве, П. Б. Об экономическом видении и предвидении / П. Б. Струве // Русская мысль. – 1908. – Кн. IX. – С. 149–159.
37. Сумина, Е. С. Концепт толерантности как компонент русской философской картины мира / Е. С. Сумина // Концепт. Научно-методический электронный журнал. – 2014. – № 53. – С. 36–40.

38. Терпугов, А. А. Философия преступления: к постановке проблемы / А. А. Терпугов // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 9. – С. 54–56.
39. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни : монография / Е. Н. Трубецкой. – Берлин : Слово, 1922. – 282 с.
40. Трубецкой, С. Н. О природе человеческого сознания / С. Н. Трубецкой // Вопросы философии и психологии. – 1891. – № 2. – С. 132–156.
41. Тугаров, А. Б. Социополитические настроения в русской провинции (журнальная статистика «Вопросы философии и психологии») / А. Б. Тугаров // Социс. Социологические исследования. – 1993. – № 1. – С. 147–151.
42. Тугаров, А. Б. Русская философская традиция исследования воспитания в социокультурном контексте / А. Б. Тугаров, Т. И. Лаврёнова // Педагогическое образование и наука. – 2020. – № 6. – С. 75–82.
43. Тугаров, А. Б. Научно-практическое направление в структуре воспитания превентивного поведения учащихся (о философии воспитания толерантности) / А. Б. Тугаров, Т. И. Лаврёнова // Педагогический журнал. – 2022. – Т. 12, № 3А. – С. 42–48.
44. Федотова, В. Г. Практическое и духовное освоение действительности : монография / В. Г. Федотова. – М. : Наука, 1991. – 136 с.
45. Федотова, О. Д. Идеи радикализма в современной педагогической проекции / О. Д. Федотова, Е. А. Николаева // Наукосведение. – 2014. – № 6. – С. 1–8.
46. Франк, С. Л. Философские предпосылки деспотизма / С. Л. Франк // Русская мысль. – 1907. – Кн. III. – С. 93–112.
47. Хвостов, В. М. Нравственная задача человечества / В. М. Хвостов // Вопросы философии и психологии. – 1912. – № 1. – С. 1–33.
48. Хвостов, В. М. Нравственное мировоззрение «сверхнарода» (К характеристике германской культуры) / В. М. Хвостов // Вопросы философии и психологии. – 1915. – № 2. – С. 153–202.
49. Хома, О. Философские культуры: терпимость, толерантность и признание / О. Хома // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 54–64.

50. Храпов, С. А. Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды / С. А. Храпов, Л. В. Баева // Вопросы философии. – 2021. – № 4. – С. 17–26.

51. Чекалина, А. А. Превенция экстремизма молодёжи: опыт Великобритании / А. А. Чекалина // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9. – С. 2556–2560.

52. Чернов, В. Модернизм в русской поэзии / В. Чернов // Вестник Европы. Журнал науки, политики, литературы. – 1910. – Кн. 12. – С. 107–135.

53. Чикаева, Т. А. Родина. Патриотизм (социально-философское исследование) : монография / Т. А. Чикаева. – М. : Изд-во МХПИ, 2019. – 129 с.

54. Шевцова, Э. А. Идея превенции в философско-богословских взглядах Н. И. Пирогова / Э. А. Шевцова, А. Б. Тугаров // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Т. 11, № 1-3. – С. 118–129.

55. Шекелета, В. О. Интегративный принцип духовно-телесного единства человека : монография / В. О. Шекелета. – Белгород : Изд-во БГТУ, 2017. – 212 с.

56. Шестакова, И. Г. Прогрессофобия в новой темпоральности цифрового мира // Вопросы философии. – 2021. – № 7. – С. 61–71.

57. Щебланова, В. В. Институциональные формы превенции террористических угроз / В. В. Щебланова // Конфликты в современном мире: международное, государственное и межличностное измерение : материалы V Междунар. науч. конф. – Саратов : Изд-во СГУ, 2016. – С. 143–149.

58. Явон, С. В. Воспитание толерантного отношения молодёжи к «Другому» / С. В. Явон // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания : сборник статей. – М. : Изд-во Московского гуманитарного университета, 2017. – С. 124–134.

59. Hutchison, E. An Update on the Relevance of the Life Course Perspective for Social Work / E. Hutchison // Families in Society. The Journal of Contemporary Social Services. – 2019. – № 3. – P. 218–226.

60. Speed, D. What Do You Mean, “What Does It All Mean?” Atheism, Nonreligion, and Life Meaning / D. Speed, Th. J. Coleman III, J. Langston // Sage Open. – 2018. – № 8 (1). – P. 1–13.

61. Sterling, J. Liberal and Conservative Representations of the Good Society: A (Social) Structural Topic Modeling Approach / J. Sterling, J. T. Jost, C. D. Hardin // Sage Open. – 2019. – № 9 (2). – P. 1–13.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Проведённый анализ социальной превенции в русской философии в аспектах методологии, концепций, опыта осуществления в обществе и научно-философского исследования даёт основания утверждать, что социальная превенция представляет собой многоаспектное явление современного российского общества, которое предполагает соответствующее социально-философское и научное обоснование. А. Ю. Антоновский обращает внимание на то обстоятельство, что понятие «научное познание» «связывает в один концептуальный узел целый ряд других фундаментальных понятий социальной философии», прежде всего, понятие социальности и понятие ценностей [1, с. 86].

В связи с этим социально-философский анализ теорий, концепций, моделей и опыта социальной превенции в обществе даёт возможность выяснить соотношение социальной превенции и науки в различных аспектах; рассмотреть в социальной превенции повседневности и повседневности социальной превенции тренды развития современного российского общества, в том числе персональную превенцию; определить социокультурную и социально-политическую среду социальной превенции, а также цели, средства и перспективы социальной превенции в постиндустриальном обществе [20].

Высказанное в первой главе первого раздела монографии предположение о допустимости умозрительного конструирования философии социальной превенции, а также необходимости и принципиальной возможности определения оснований институализации философии социальной превенции в структуре отечественной социальной философии, должно находить подтверждение в анализе тенденций формирования и перспектив развития русской философии социальной превенции.

Возможность подтверждения такого предположения заключена в самом характере философствования о социальной превенции, который выражает суть философии социальной превенции. Если следовать мысли о том, что философствование является способом, посредством которого философ обращается с предельными вопросами и в котором «соединены вопрошание, последнее выговарива-

ние и экзистенциальная коммуникация», то получается, что в образном постижении философом феномена социальной превенции уже «присутствует проективность как способность сознания к опережающему видению бытия». Такое философское проектирование социальной превенции направлено в конечном счёте на переустройство человеческого бытия, на совершенствование социального мира человека. Ю. М. Резник считает, что «проект бытия как образ его возможного будущего разрабатывается в соответствии с заданными критериями долженствования» и становится «итоговым результатом философствования» [18, с. 36–37].

В гносеологическом аспекте для «идеализации» проблемы социальной превенции в современном российском обществе и философского анализа феномена превенции в обществе была применена «концепция социальных проблем, признаваемых обществом» [26]. Это объясняется тем, что русская философия социальной превенции своей направленностью и содержанием способствует утверждению при изучении социальных проблем российского общества идеи взаимной связи социальных явлений, формирует представления об основах понимания динамизма современной социальной жизни. Прежде всего, её содержание показывает, что социальная история России второй половины XIX – начала XX в. служит предостережением и напоминанием о значимости не только усилий государства и отдельных социальных институтов, но и личных усилий каждого человека для совершенствования общественной жизни [19; 22].

В. А. Лекторский обращает внимание, что роль современной философии состоит не в том, чтобы быть просто «основой внеценностного конструирования возможных миров и возможных людей». Перспективы развития современного общества и человека связаны и с тем, «какую роль сможет играть философия в осмыслении созданного наукой и техникой нового мира и в ценностной ориентации в нём» [9, с. 34]. С позиции такого подхода к пониманию роли социальной философии в современном российском обществе в содержании отечественной философии социальной превенции обнаруживаются две её составляющие, существенно различающиеся по характеру их концептуально-методологического обоснования.

Первая составляющая оказывается собственно умозрительной, в отдельных случаях её проявления – метафизической. Она отражает практическое или этическое понимание задач исследования социально-превентивных проблем современного российского общества.

Отличительной чертой второй составляющей является интерпретация философских представлений о социальной превенции как о специализированном научном знании, концепции, конкретном теоретическом подходе. Анализ содержания второй составляющей русской философии социальной превенции позволяет определить её научно-философскую (позитивную), конкретно-теоретическую или философско-социологическую направленность.

Следует исходить из того, что, с одной стороны, при исследовании проблемы социальной превенции в современном российском обществе нет необходимости предпринимать «попытки заместить» социально-философский подход к проблеме недопустимым, по мнению А. А. Гагаева, «распространением конкретно-научных позитивистских способов рассуждения (математического, физического, биологического, гуманитарного и т.п.) на собственно область философии», которое приводит к возникновению «наукоизированного философствования» [2, с. 298–299]. С другой стороны, весьма ограниченным по сути является понимание русской философии социальной превенции как простого обобщения метафизических, научных, социальных, культурологических, художественных, религиозных знаний.

В. Е. Кемеров обращает внимание на то, что в настоящее время в отечественной социальной философии существуют трудности на уровне системного понимания проблем и ценностей современного российского общества. В результате тенденцией её развития становится то, что научно-философские вопросы «перемещаются в плоскость построения системных представлений о современном обществе» [7, с. 89]. Эта тенденция означает, что социальная превенция в современном обществе предполагает её преимущественно социально-философский анализ как системы. Признаком анализа философских идей социально-превентивного содержания на первом уровне такой системы является разделение своеобразного «переплетения» умозрительности рассуждений и жизненной практичности в понимании смысла социальной превенции и социально-превентивной деятельности в современном российском обществе.

При этом умозрительность рассуждений в русской философии социальной превенции о смысле превенции в обществе может органично включать в себя осознание практичности решаемой проблемы. В результате ответ на вопрос о том, в чём заключается смысл превенции в обществе, на этом уровне социально-философского

анализа характеризуется не только высокой степенью абстрагированности от эмпирии социальной действительности и конструированием мыслительных схем духовного освоения человеком мира своего социального бытия, но и наличием в этих схемах умозрительно выраженного по форме социального практицизма.

Следующему уровню системного понимания русской философией социальной превенции смысла превенции и социально-превентивной деятельности в современном обществе свойственна не столько эмоционально-нравственная окраска, сколько оформленная социальная структурность. Этот уровень характеризует конкретное понимание смысла социальной превенции для человека как способа расширения содержания его жизни в современном обществе. Таким образом, смысл социальной превенции на этом уровне его системно-философского понимания есть понимание социальной превенции как способа самосохранения человека и общества, прежде всего «социального самосохранения» [13, с. 89].

Завершающий уровень анализа идей в системном рассмотрении социальной превенции в русской философии возвращает исследование проблемы смысла превенции в обществе по формальному признаку к её начальному состоянию – к необходимости дополнить понимание социальной превенции рассмотрением духовной стороны жизни человека в современном российском обществе. Но, по сути, на этом уровне анализа социальной превенции духовная сторона жизни человека не только декларируется как обязательная, становящаяся основой для понимания смысла социальной превенции, но сам этот смысл раскрывается как процесс освоения человеком высших нравственно-этических основ своего социального бытия.

Актуальность такого концептуального подхода к философскому исследованию социальной превенции обуславливается тем, что воспитание культуры социальной превенции, формирование у человека потребности социально-превентивного поведения с точки зрения морали представляет собой, перефразируя И. Канта, борьбу добродетели против влияния злого начала в человеке [5, с. 835]. Вместе с тем социальная превенция, равно как искусство, наука, политика, давая содержание и смысл отдельным стремлениям человека в жизни и удовлетворяя конкретным потребностям современного общества, не сообщает при этом абсолютного, всеобъемлющего содержания человеческой индивидуальности. Кроме того,

русская философия социальной превенции не преследует цель заменить собой действительно научное изучение содержания и проявлений социальной превенции; не может и не должна изучать те стороны социальной превенции как феномена и как вида деятельности, рассмотрение которых определяется не столько логикой умозрения, сколько частными научными теориями.

Русская социальная философия своим содержанием акцентирует внимание на том, что социальная превенция в современном обществе оказывается одним из основных факторов той социальной среды, которая формирует, развивает и совершенствует личность. Помимо этого социальная превенция как феномен общества понимается как средство преодоления антагонизма, который при определённых условиях возникает между «социальным организмом» и «сознающей свою индивидуальность личностью». Таким образом, социальная превенция рассматривается в русской философии как одна из мер, которую общество начинает сознательно применять «к уменьшению этого антагонизма». В этой связи В. М. Хвостов в начале XX в. отмечал, что такие меры состоят как в реформировании «структуры социального организма», так и в том, что общество «заботится и об облегчении для отдельной личности возможно большего приспособления к требованиям социального целого» [29, с. 391].

Опыт исследования социальной превенции показывает, что поиск направлений отечественного социального философствования по проблемам превенции в современном российском обществе вызывает не только мировоззренческий, но и логико-теоретический, концептуальный, а также методологический интерес. Социально-философское рассмотрение социальной превенции происходит в рамках традиции русской философии с использованием ранее сложившихся умозрительных схем, которые направляют и регулируют постижение смысла социальной превенции как феномена современного российского общества.

Концептуальный подход к анализу феномена социальной превенции, который в одних случаях называется «традицией», а в других – «привычкой», открывает перспективы дальнейшего развития русской философии социальной превенции, поскольку он, по мысли С. Л. Франка, «есть именно механизация актуального, закрепление творчества, самосохранение плодов саморазвития». Такой подход к анализу в русской философии социальной превенции, как и любого другого социального явления, имеет универсальное значение

и даёт основание «признать, что всякая устойчивость, всякое постоянство есть лишь сохранение того, что раньше было добыто развитием и творчеством» [28, с. 73].

Для исследователей по-прежнему остаётся актуальным вопрос о перспективах и тенденциях осмысления теоретико-концептуальных и методологических основ русской философии социальной превенции. Прежде всего, требует подтверждения предположение о том, что русская философия конца XX – первой четверти XXI в. «подаёт руку» русской философии конца XIX – начала XX в., философии «серебряного века», восстанавливая и расширяя единое поле проблем и размышлений. Такое предположение возвращает при анализе социальной превенции к вопросу о «политических судьбах философии», связанных с изменением социально-политической ситуации в России после событий октября 1917 г. [3] и о теоретическом значении отечественной философии в целом [25].

А. Ф. Замалеев считает, что в социально-философских учениях, наряду с натурфилософскими, философско-антропологическими и «моральными учениями», раскрывается «содержание просветительской философии» в России [4]. При этом история русской философии оказывается сложным сочетанием процессов борьбы различных направлений и поиском проблемно-аксиологического единства своего содержания. М. А. Маслин, рассматривая русскую философскую мысль с позиций концепции «разноликости и единства», обращает внимание на необходимость учитывать все рациональные и иррациональные «интегральные формы» русской мысли и анализировать их как «связанных единой цивилизационной общностью» [10].

Результатом историко-философского анализа становится то, что область для интерпретаций в русской философии социальной превенции не имеет ограничений во времени. Это обстоятельство определяет постоянство рассматриваемых социальных проблем, которые могут приобретать свой новый смысл и значение в условиях современного российского общества, переходя от одной исторической эпохи к другой. В этом случае русская философия социальной превенции становится обоснованием того, что исторический процесс усложнения жизни общества определяет необходимость создания особых социально-превентивных норм, системы социально-превентивных предписаний и ограничений, принуждений и запретов, а также социальных санкций, призванных согласовать поведение человека с потребностями и интересами современного общества.

Перспективы дальнейшего философского исследования социальной превенции как феномена современного общества связаны с пониманием того, что «философствующий субъект осмысливает себя внутри конкретной культуры и одновременно вне её рамок, что позволяет ему осуществлять познание собственной культуры сквозь призму иной культуры» [11, с. 16]. Такие перспективы во многом зависят от эффективности использования конкретных концептуальных и методологических подходов к анализу феномена социальной превенции. Эта эффективность обеспечивается актуальной необходимостью «диалога» между различными концепциями и методологиями исследования социальной превенции, а также междисциплинарными взаимодействиями в процессе социального анализа, поскольку используемые «методологические схемы позволяют систематизировать плодотворный опыт» осуществления социальной превенции [15, с. 44–45].

Проявлением такого «диалога» становится антропологический аспект анализа социальной превенции в русской философии. Русская философия социальной превенции по своему содержанию и направленности способствует преодолению формально-гуманистической точки зрения на проблемы современного российского общества, которая ситуативно проявляет себя в современной социальной философии и социальной науке. По мнению Б. И. Пружинина, различные процессы, «деформирующие» современную цивилизацию, приобретают черты экзистенциального «антропологического кризиса», и прежде всего в этом качестве они должны осмысливаться современной философией [16, с. 86–87].

Рассматриваемый «диалог» предполагает постоянный анализ изменений содержания социальной превенции и их причин; определение стратегии и тактики социально-превентивной деятельности с учётом реальных социально-экономических, политических, социокультурных условий современного российского общества, состояния общественного сознания, социальной системы и других факторов. Современные философы и учёные считают, что главной целью анализа социальных явлений, связанных с пандемией COVID-19, становится определение тех социальных проблем, происхождение которых не связано с пандемией, но пандемия оказалась толчком, заставившим «глобальное сообщество» пересмотреть свои будущие формы и возможные альтернативные решения существующих в современном обществе проблем [17, с. 64–65].

При анализе в русской философии социальной превенции опыта применения конкретных мер, средств и технологий социального предупреждения и противодействия в условиях современного общества необходимо исходить из того, что любое социальное явление обуславливается целым комплексом факторов. С одной стороны, это социальные процессы и тенденции, присущие мировому сообществу, это геополитические факторы. С другой стороны, это социальные факторы, характерные непосредственно для современного российского общества.

В связи с этим опыт поиска варианта анализа социальной превенции через «диалог» концепций и методологий исследования обращает внимание на предмет русской философии социальной превенции. Г. Г. Шпет отмечал, что «предмет предписывает и метод, и стиль, именно феноменологическое проникновение в его сущность само собою раскрывает вперёд путь исследования и указывает его регулятивные идеи» [31, с. 312]. Во многом полемичным оказывается мнение П. Б. Струве, который писал: «Мысль, конечно, нуждается в воспитании, в известной тренировке и в известных традициях. Но ей опасны, в высокой степени опасны всякие колеи и рельсы; по ним она часто не движется и не работает, а, наоборот, на них она бездействует и спит» [24, с. 150].

Тем не менее из этих двух суждений в названном «диалоге» следует, что перспективы дальнейшего анализа предмета русской философии социальной превенции, её содержания; тенденции анализа социальной превенции как феномена современного общества и феномена русской философской мысли в значительной мере определяются методологическим аспектом, в частности пониманием парадигмы как методологического инструментария и выявлением специфики реализации парадигмального подхода в современных концепциях социальной превенции [14].

Н. Н. Федотова считает, что на рубеже XX–XXI вв. «господствующая парадигма» в социальных науках переместилась в сторону исследования культуры, а общество на время перестало рассматриваться как одна из главных сил, обуславливающих поведение людей. По мнению автора, такой «подъём внимания к роли культуры» несколько заслоняет обсуждение проблем, вызванных целым рядом социальных процессов и явлений современного общества, в частности активным развитием цифровых технологий [27, с. 33].

Обоснование необходимости социальной превенции в современном обществе и её научно-философского исследования актуализирует проблему определения теоретических основ анализа социальной превенции, обращая внимание исследователей к конкретному феномену современного общества и отдельному понятию, имеющему определённое философское значение. Они оказываются в фокусе применения различных методологических подходов и научных концепций, содержание которых во многом определяется современным пониманием социальной реальности, а также направленностью на преодоление: отказа от абстрактного мышления, сужения границ познания до рамок эмпирического знания, сведения познавательной деятельности к практическому опыту, примата методологии над теорией [21, с. 634–635].

В этом случае совершенствование «методологического инструментария» становится не единственным, но важным условием процесса конкретизации содержания социальной превенции. Возможные изменения методологии становятся «прояснением той оптики», с помощью которой исследователь, анализирующий содержание социальной превенции как феномена современного российского общества, способен «отчётливо видеть современность и понимать её тенденции» [6, с. 12–13].

Не менее важным является определение соотношения содержания современной социальной философии и характеристики философии социальной превенции. К. Х. Момджян анализирует основные противоречия, возникающие на социально-философском уровне абстракции при рассмотрении возможности «становления интегральной социальной теории, осуществляющей концептуальный синтез взаимосовместимых идей и подходов». Автор убеждён в том, что тенденция превращения философии в «метафорическую эссеистику» недопустима в современной ситуации, когда общество вступило в «эпоху негарантированных исходов, требующую адаптивно значимого философского осмысления». По его мнению, в современной социальной философии должно превентивно действовать «гносеологическое принуждение к истине, которое исключает равноправие альтернативных трактовок социальной реальности» [12, с. 39–40].

Если характеризовать философию социальной превенции не как один из сегментов философии вообще, а как один из её «модусов», в смысловом горизонте которого, наряду с основными разделами классической философии, осуществляется поиск ответа на вопрос: «что есть исток всего сущего?», то традиционный

для классической философии истории «интерес к прошлому как истоку заменяется интересом к будущему как целевой установке» [23, с. 634–635]. Философия социальной превенции имеет значение для жизни общества и имеет самые тесные связи с его современным состоянием, поскольку потенциально способна разработать теоретический инструмент для превентивного устранения социальных катаклизмов и участвовать в превентивном преобразовании современной интеллектуальной, образовательной и иной практики.

Если современная «публичная философия» будет не только теоретическим инструментом для решения узкоспециализированных философских задач, она сможет стать интеллектуальным методом, используемым исследователями для разрешения актуальных проблем российского общества [8, с. 58–59]. Принципиально важным для дальнейшего понимания превентивности задач современной философии и развития русской философии социальной превенции является то, что проблемы социальной превенции в современном российском обществе бесперспективно исследовать и разрешать исключительно с позиции «должного».

Ещё в 1917 г. Л. И. Шестов отмечал, что «"должное" плохое лекарство против сомнений: оно разве годится, как анестезирующее, и то ненадолго, средство» [30, с. 29]. Основной тенденцией исследования социально-превентивных процессов и явлений современного российского общества в этом случае выступает диалектика «должного» и «сущего» в самых различных формах её абстрактного и конкретного проявления.

Список литературы

1. Антоновский, А. Ю. Научное познание как понятие социальной философии / А. Ю. Антоновский // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – С. 86–89.
2. Гагаев, А. А. Философия здравого смысла: Критика оснований разума. Книга 3. Антропология, культурология, психология, критика реальности с позиций здравого смысла : коллективная монография / А. А. Гагаев, П. А. Гагаев. – М. : Ленанд, 2015. – 448 с.
3. Емельянов, Б. В. История русской философии XX века : учебное пособие / Б. В. Емельянов. – 5-е изд. – М. : Юрайт, 2020. – 310 с.

4. История русской философии : учебное пособие / ред. А. Ф. Замалеев. – 2-е изд. – М. : Юрайт, 2019. – 310 с.
5. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант ; под общ. ред. В. Асмуса, А. Гульги, Т. Ойзермана ; пер. с нем. – М., 1999. – 1472 с.
6. Кемеров, В. Е. Ключи к современности – в сдвигах методологии / В. Е. Кемеров // Вопросы философии. – 2014. – № 2. – С. 3–13.
7. Кемеров, В. Е. Кризис, который всегда с тобой / В. Е. Кемеров // Вопросы философии. – 2018. – № 6. – С. 89–98.
8. Козлова, Н. Ю. Публичность как проблема философии: возвращаясь к идеям Дж. Дьюи / Н. Ю. Козлова // Вопросы философии. – 2022. – № 6. – С. 58–67.
9. Лекторский, В. А. Философия, общество знания и перспективы человека / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 30–34.
10. Маслин, М. А. Разноликость и единство русской философии : монография / М. А. Маслин. – СПб. : Изд-во РХГА, 2017. – 526 с.
11. Миронов, В. В. Философия как предельная герменевтическая интерпретация и диалог культур / В. В. Миронов // Вопросы философии. – 2019. – № 9. – С. 14–17.
12. Момджян, К. Х. Возвращаясь к поиску истин: еще раз о состоянии современной социальной философии / К. Х. Момджян // Вопросы философии. – 2021. – № 2. – С. 29–41.
13. Оболенский, Л. Е. Групповая мораль и моральные идеалы (Опыт синтеза двух враждебных социологических теорий) / Л. Е. Оболенский // Русская мысль. – 1900. – Кн. VIII. – С. 86–104.
14. Павлова, О. А. Проблемы парадигмального подхода в исследовании социально-культурной деятельности : монография / О. А. Павлова. – Краснодар : Новация, 2021. – 257 с.
15. Погожина, Н. Н. Холизм и редукционизм как базовые понятия и методологические принципы социально-философских исследований: компаративный анализ / Н. Н. Погожина, И. А. Савченко // Вопросы философии. – 2019. – № 1. – С. 43–46.
16. Пружинин, Б. Антропологический кризис как тема философии / Б. Пружинин // Вопросы философии. – 2022. – № 3. – С. 86–92.
17. Ракопяц, М. Анализ социальных явлений, связанных с пандемией COVID-19 / М. Ракопяц, П. Живкович, Б. Раделич, В. Бакрач // Вопросы философии. – 2022. – № 3. – С. 64–70.

18. Резник, Ю. М. Философствование как путь от созерцания к проектированию бытия / Ю. М. Резник // Вопросы философии. – 2020. – № 11. – С. 36–46.

19. Селеверстов, Р. Е. Феномен социального идеала и судьбы России : монография / Р. Е. Селеверстов, Г. А. Селеверстова. – Хабаровск : Изд-во ТГУ, 2019. – 184 с.

20. Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт : коллективная монография / отв. ред. В. Г. Федотова. – М. : Изд-во ИФ РАН, 2013. – 221 с.

21. Симонян, Р. Х. Социальная философия, обществознание или генералистика: к проблеме кризиса социологии / Р. Х. Симонян // Вопросы философии. – 2021. – № 3. – С. 29–40.

22. Скоробогатько, А. В. Теория общественных идеалов в русской социальной философии : монография. / А. В. Скоробогатько. – 2-е изд. – СПб. : Изд-во РГПУ, 2021. – 372 с.

23. Соколов, А. М. Философия истории как философия / А. М. Соколов, Н. В. Кузнецов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2020. – № 4. – С. 634–644.

24. Струве, П. Б. Об экономическом видении и предвидении / П. Б. Струве // Русская мысль. – 1908. – Кн. IX. – С. 149–159.

25. Тяпин, И. Н. Теоретическое значение отечественной философии : монография / И. Н. Тяпин. – Вологда : Изд-во ВГУ, 2021. – 159 с.

26. Федотова, В. Г. Соотношение академической и постакадемической науки как социальная проблема : монография / В. Г. Федотова. – М. : Изд-во ИФ РАН, 2015. – 204 с.

27. Федотова, Н. Н. Современные вызовы социальным наукам / Н. Н. Федотова // Вопросы философии. – 2021. – № 12. – С. 32–42.

28. Франк, С. Л. Личность и вещь (Философское обоснование витализма) / С. Л. Франк // Русская мысль. – 1908. – Кн. XI. – С. 50–81.

29. Хвостов, В. М. Социальный организм / В. М. Хвостов // Вопросы философии и психологии. – 1909. – № 5. – С. 357–394.

30. Шестов, Л. Memento mori / Л. Шестов // Вопросы философии и психологии. – 1917. – № 4-5. – С. 1–68.

31. Шпет, Г. Критические заметки к проблеме психической причинности / Г. Шпет // Вопросы философии и психологии. – 1915. – № 2. – С. 283–313.

SUMMARY

Analysis of social prevention in Russian philosophy: methodology, concepts, experience

Social prevention is a social phenomenon of modern society and a concept used in social philosophy and the social sciences and humanities to designate a specific type of activity and a qualitative characteristic of the level of social stability in modern society. The analysis of social prevention in Russian philosophy in methodological and conceptual aspects, as well as from the point of view of the experience of implementing social prevention in modern Russian society, and its research in modern Russian social philosophy are depicted in the book. Social prevention is presented as a phenomenon of modern society, realizing its potential in interaction with the phenomena of social justice, social equality, social solidarity and social cooperation.

The special author's attention pays to the philosophical analysis of the need to form a person's socio-preventive behavior, the upbringing of a social prevention's culture and the inclusion of socio-preventive activities in various types of social practice. The understanding of social prevention as a phenomenon of Russian philosophical thought is substantiated and the place of the philosophy of social prevention in the structure of domestic social philosophy is defined.

Научное издание

Тугаров Александр Борисович

**АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ
В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ:
МЕТОДОЛОГИЯ, КОНЦЕПЦИИ, ОПЫТ**

Редактор *В. В. Устинская*
Технический редактор *Р. Б. Бердникова*
Компьютерная верстка *Р. Б. Бердниковой*
Дизайн обложки *И. В. Шваревой*

Подписано в печать 24.01.2023. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 11,39. Заказ 9. Тираж 500.

Издательство ПГУ.
440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
Тел.: (8412) 66-60-49, 66-67-77; e-mail: iic@pnzgu.ru